

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ ТОМЗ 2018 NO4

ИЗБА ЧИТАЛЬНЯ

К

РЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018
ТОМЗ NO4

Давид

КРЕСТЬЯНОВЕДЕНИЕ 2018

ТОМ 3 № 4

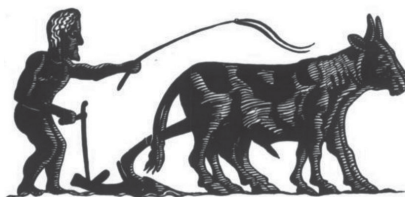
Издается с 2016 года

Выходит 4 раза в год

ISSN 2500-1809

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте
Российской Федерации
Центр аграрных исследований

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Регистрационный номер
ПИ № ФС77-65824
от 27.05.2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Т. Шанин, председатель, Манчестерский университет (Великобритания)
А. М. Никулин, главный редактор, РАНХиГС
М. Г. Пугачева, ответственный секретарь, НИУ ВШЭ
И. В. Троцук, заместитель главного редактора, РУДН, РАНХиГС
П. Линднер, Франкфуртский университет (Германия)
Т. Г. Нефедова, Институт географии РАН
Дж. С. Скотт, Йельский университет (США)
О. П. Фадеева, ИЭОПП СО РАН
Н. И. Шагайда, РАНХиГС
С. Шнайдер, Университет Риу-Гранди-ду-Сул (Бразилия)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

А. И. Алексеев, МГУ им. М. В. Ломоносова
В. В. Бабашкин, РАНХиГС
С. М. Боррас Дж., Институт социальных исследований (Нидерланды)
К. Бруиш, Дублинский университет (Ирландия)
С. Вегрен, Южно-Методистский университет (США)
В. Г. Виноградский, Саратовский социально-экономический институт РЭУ
им. Г. В. Плеханова
О. Виссер, Институт социальных исследований (Нидерланды)
А. В. Гордон, ИНИОН РАН
В. А. Ильиных, Институт истории СО РАН
В. В. Кондрашин, Институт российской истории РАН
Э. Н. Крылатых, РАНХиГС
И. А. Кузнецов, РАНХиГС
А. А. Куракин, НИУ ВШЭ, РАНХиГС
С. Ленц, Институт социальной географии (Германия)
В. А. Мау, РАНХиГС
Ш. Мерль, Билефельдский университет (Германия)
Р. М. Нуреев, НИУ ВШЭ
А. В. Петриков, Всероссийский институт аграрных проблем и информатики
им. А. А. Никонова
Дж. А. Пизано, Нью-Йоркский университет (США)
Е. Потехина, Варминьско-Мазурский университет (Польша)
Дж. Пэллот, Оксфордский университет (Великобритания)
В. Я. Узун, РАНХиГС
Цзин Цон Е, Пекинский аграрный университет (КНР)

АДРЕС РЕДАКЦИИ

119571, Москва, проспект Вернадского, 84, корпус 9, офис 2003
Телефон: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

УЧРЕДИТЕЛЬ

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Корректор И.Е. Кроль; дизайн: Издательский дом «Дело», РАНХиГС
В оформлении издания использованы гарнитура Old Standard, А. Крюков;
картина «Радио в деревне. Изба-читальня». Р.Р. Френц (1926)

© Авторы статей, 2018

© РАНХиГС, 2018

Содержание

Теория

<i>Кузнецов И.А., Савинова Т.А.</i> Базиль Кербле и Александр Чайнов: перекрестки познания. Предисловие публикаторов	6
<i>Гуревич О.Э., Кербле Б.</i> «Благодарю Вас сердечно за то, что Вы извлекли из небытия труды и имя Александра Васильевича Чайнова»	9
<i>Кербле Б. А.В.</i> Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 гг.: на перекрестке	17
<i>Берелович А.</i> Базиль Кербле — исследователь России	69

История

<i>Гордеева И.А.</i> Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века	78
<i>Гончарова И.В., Чувардин Г.С.</i> Коммуны Центрального Черноземья от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация	105

Современность

<i>Виноградская О.Я.</i> Онтологические основания переезда горожан в деревню	123
<i>Смолякин А.А.</i> Трансформации отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности	136
<i>Гатаулина Е.А.</i> Вопросы совершенствования Всероссийской сельскохозяйственной переписи	150

Рецензии

<i>Троцук И.В.</i> Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики	168
---	-----

Научная жизнь

<i>Ахманов А.И., Зайтунов Р.Б., Даутов А.А.</i> Об итогах XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы	190
<i>Аверкиева К.В.</i> Семинар-конференция «Соучаствующее развитие городов и сельских территорий»	196

Указатель статей, опубликованных в 2018 году	205
--	-----

Russian peasant studies

Vol. 3. 2018. No 4

Published since 2016, frequency—four issues per year

EDITORIAL BOARD

T. Shanin, (chairman), University of Manchester (UK)
A. M. Nikulin, Editor in Chief, Russian Presidential Academy of
National Economy and Public Administration (RANEPA)
M. G. Pugacheva, Executive Secretary, Intercenter, HSE
I. V. Trotsuk, Deputy Editor, Peoples' Friendship University of Russia, RANEPA
P. Lindner, University of Frankfurt (Germany)
T. G. Nefedova, Institute of Geography of Russian Academy of Sciences
J. C. Scott, Yale University (USA)
O. P. Fadeeva, Institute of Economics and Industrial Engineering of
Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
N. I. Shagaida, RANEPA
S. Schneider, University of Rio Grande do Sul (Brazil)

ADVISORY BOARD

A. I. Alekseev, Moscow State University
V. V. Babashkin, RANEPA
S. M. Borras Jr., Institute of Social Studies (Netherlands)
K. Bruisch, University of Dublin (Ireland)
S. Wegren, Southern Methodist University (USA)
V. G. Vinogradsky, Saratov Social-Economic Institute of Plekhanov Russian
University of Economics
O. Visser, Institute of Social Studies (Netherlands)
A. V. Gordon, Institute of Scientific Information on Social Sciences of Russian
Academy of Sciences
V. A. Il'inykh, Institute of History of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
V. V. Kondrashin, Institute of Russian History of Russian Academy of Sciences
E. N. Krylatykh, RANEPA
I. A. Kuznetsov, RANEPA
A. A. Kurakin, Higher School of Economics (HSE), RANEPA
S. Lentz, Institute of Social Geography (Germany)
V. A. Mau, RANEPA
S. Merl, University of Bielefeld (Germany)
R. M. Nureev, HSE
A. V. Petrikov, Alexander A. Nikonov Russian Institute for
Agrarian Issues and Information Science
J. A. Pisano, New York University (USA)
E. Potekhina, University Warmia and Mazury (Poland)
J. Pallot, University of Oxford (UK)
V. Ya. Uzun, RANEPA
Jingzhong Ye, Beijing Agricultural University (China)

CONTACT DETAILS

Mailing address: Office 2003, 84 Vernadskogo prosp., 119571, Moscow,
Russian Federation.
Phone: +7-499-956-95-56
Web: <http://peasantstudies.ru>

FOUNDER

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

TABLE OF CONTENTS

THEORY

<i>Kuznetsov I.A., Savinova T.A.</i> Basile Kerblay and Alexander Chayanov: At the crossroads of knowledge. A foreword	6
<i>Gurevich O.E., Kerblay B.</i> “I thank you heartily for bringing the works and the name of Alexander Vasilyevich Chayanov from oblivion”	9
<i>Kerblay B.</i> A. V. Chayanov. Evolution of the Russian agrarian thought from 1908 to 1930: At the crossroads	17
<i>Berelowitch A.</i> Basile Kerblay — an explorer of Russia	69

HISTORY

<i>Gordeeva I.A.</i> Refusals to serve in the military and development of the Russian pacifist movement in the late 19th — early 20th century	78
<i>Goncharova I.V., Chuvaridin G.S.</i> Communes of the Central Black Earth Region from “war communism” to collectivization: Design and implementation	105

THE PRESENT TIME

<i>Vinogradskaya O.Ya.</i> Ontological foundations of the townspeople moving to the village	123
<i>Smolkin A.A.</i> Transformation of rural migrants’ attitudes to the elderly	150
<i>Gataulina E.A.</i> On the improvement of the All-Russian Agricultural Census	

REVIEWS

<i>Trotsuk I.V.</i> Informal practices: Irrational behavior or cultural influence? Two contextual “frames” for the study of informal economy.	168
--	-----

SCIENTIFIC LIFE

<i>Akmanov A.I., Zaitunov R.B., Dautov A.A.</i> On the results of the XXXVI session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe.	190
<i>Averkieva K.V.</i> Seminar-conference “Participatory Development of Cities and Rural Areas”	196

Базиль Кербле и Александр Чаянов: перекрестки познания

И.А. Кузнецов, Т.А. Савинова

Игорь Анатольевич Кузнецов, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: repytwjd68@mail.ru

Татьяна Александровна Савинова, кандидат экономических наук, начальник отдела организационно-методической и кадровой работы Российского государственного архива экономики; 119992, Москва, ул. Б. Пироговская, 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

Публикуется подборка архивных документов, связанных с изданием в 1967 году во Франции и Англии собрания сочинений Александра Васильевича Чаянова, подготовленного профессором Сорбонны Базилем Кербле. Публикуется переписка вдовы Чаянова Ольги Гуревич с Базилем Кербле 1966–1970 гг. и сделанный тогда же Ольгой Гуревич перевод с французского языка статьи Кербле о творчестве Чаянова. Статья Кербле была опубликована в качестве предисловия к собранию сочинений и давно стала классической. Она являлась первым серьезным исследованием биографии и творчества Чаянова, а также теории организационно-производственного направления российских экономистов 1920-х годов в западной социологии. На русском языке она публикуется впервые. Письма Кербле и Ольги Гуревич раскрывают некоторые дополнительные обстоятельства подготовки издания и позволяют воссоздать некоторые особенности идейной атмосферы СССР тех лет. Публикации сопровождаются комментариями, приведена краткая биография Ольги Гуревич. Документы извлечены из фондов Российского государственного архива экономики. Публикация посвящена юбилею Чаянова.

Ключевые слова: теория крестьянского хозяйства, история экономической мысли, организационно-производственное направление, Чаянов, Кербле, Гуревич

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-6-8

Предисловие публикаторов

К юбилею А.В. Чаянова журнал продолжает публикацию документов из фонда экономиста в Российском государственном архиве экономики.

Публикуется переписка (семь писем) вдовы Чаянова О.Э. Гуревич с французским исследователем Базилем Кербле, относящаяся ко второй половине 1960-х — началу 1970-х годов. Переписка началась в 1966 году, очевидно, в процессе подготовки к изданию во Франции 8-томного собрания сочинений Чаянова, а затем про-

должилась после его выхода в свет. В первом письме О.Э. Гуревич благодарит своего корреспондента за его статью-предисловие, пишет, что начала переводить ее на русский, затем сообщает некоторые известные ей факты биографии мужа, которых не было в статье, и просит не включать в издание чаяновскую утопию. Однако замечания О.Э. Гуревич не были учтены. Вышедший восьмитомник включил в себя репринтные воспроизведения 12 чаяновских работ разных лет на русском и одного предисловия на немецком языке, в том числе и его утопию (т. 3)¹. Французское издание датировано 1967 годом и, как следует из письма Кербле 10 января 1969 года, «в последние недели 1968 года» оно вышло также и в Англии.

Первый том открывался очерком Кербле о жизни и творчестве А.В. Чаянова: «A.V. Chaïanov: un carrefour dans l'évolution de la pensée agraire en Russie de 1908 à 1930» (А.В. Чаянов: перекресток эволюции аграрной мысли в России 1908–1930 гг.)². Базиль Кербле (1920–2004), профессор Сорбонны, был одним из первооткрывателей имени Чаянова для западной социологии, известным пропагандистом его творчества в те годы, когда его имя в СССР подвергалось забвению или шельмованию. Выход в 2008 году в России сборника работ Б. Кербле, включающего фрагменты автобиографии [сноску 3 оставить тут], а также написанный специально для нашего журнала очерк Алексиса Береловича о творчестве и научной методологии Кербле избавляют нас от необходимости останавливаться на этих вопросах. Стоит лишь отметить, что широкий кругозор, свободное от идеологических клише мышление и глубокое понимание экономических и социальных идей Чаянова в их взаимосвязи сделало его вводную статью к чаяновскому восьмитомнику серьезной исследовательской работой, пионерской для своего времени и не утратившей своего значения до сих пор, особенно для российской аудитории. К сожалению, до сих пор она не была издана по-русски. Публикация перевода, сделанного О.Э. Гуревич в 1966–1967 годах, восполняет этот пробел.

Ольга Эммануиловна Чаянова (Гуревич) родилась 4 января 1897 году в Париже в семье политического эмигранта, известного социал-демократа-меньшевика Эммануила Львовича Гуревича (1866–1952). После революции 1906–1907 гг. семья вернулась в Россию. В 1913 году Ольга с золотой медалью окончила частную женскую гимназию Ю.С. Ивановой в Санкт-Петербурге. В феврале 1922 года вышла замуж за А.В. Чаянова, с которым совершила длительную заграничную командировку в страны Западной Европы. В 1920-е годы занималась воспитанием сыновей — Никиты (1923–1942) и Ва-

1. Oeuvres Choiesies de A. V. Caïanov / Textes réunis et publiés par B. Kerblay: S. R. Publishers Limited Johnson Reprint Corporation Mouton & Co, 1967. Vol. 1–8. Издание доступно в интернете на сайте Руниверс: <https://www.runivers.ru/lib/book6022/> (дата обращения: 25.11.2018).

2. Op. cit. Vol. 1. P. 17–68.

8 силія (1925–2005) Чайновых, — а также писала статьи и брошюры по истории театра. После ареста мужа в 1930 году, опасаясь за будущее детей, оформила развод и сменила фамилию, продолжая при этом переписываться с ним и навещать его в ссылке.

В 1935 году она окончила аспирантуру факультета литературы, искусства и языка Московского института философии, литературы и истории (МИФЛИ). 12 ноября 1937 года была арестована и осуждена на 8 лет исправительно-трудовых лагерей как «член семьи изменника Родины». Освободилась 13 ноября 1945 года; вторично арестована 25 августа 1948 года, окончательно освобождена 13 января 1955 года. Реабилитирована 15 марта 1956 года.

После освобождения оформила инвалидность, работала в кооперативно-промышленной артели инвалидов «Интрудобслуживание», затем в 1960–1967 годах в «Конторе юридического и машинописного обслуживания» библиотекарем, а в 1970 году несколько месяцев в статистическом управлении Московской области в отделе подготовки материалов переписи населения. Скончалась О.Э. Гуревич 19 сентября 1983 года в Москве.

Ольга Эммануиловна не была ни профессиональным переводчиком, ни экономистом, и сделанный ею перевод статьи Кербле, очевидно, дался ей с большим трудом. В ряде мест при подготовке текста были замечены серьезные ошибки. Обширные примечания Кербле вовсе не были переведены, хотя в двух случаях фразы из примечаний были перенесены ею в основной текст. Перевод примечаний и редактирование перевода О.Э. Гуревич сделаны И.А. Кузнецовым, при этом редактор всюду стремился по возможности сохранять исходный вариант. Редакторская правка в тексте не выделяется. Ссылки Кербле на русскоязычные публикации уточнены; цитаты из русскоязычных источников, данные в обратном переводе, заменены на оригинальные.

Примечания к письмам Гуревич и Кербле даны составителями публикации, если в тексте не оговорено иное. Примечания к статье Кербле по умолчанию принадлежат автору, примечания Гуревич помечены ее фамилией, примечания редактора помечены *Ред.*; редакторские добавления к авторским примечаниям и основному тексту даны в квадратных скобках.

Перевод переписки Гуревич и Кербле с французского выполнен Евгением Блиновым

«Благодарю Вас сердечно за то, что Вы извлекли из небытия труды и имя Александра Васильевича Чайнова»: переписка О.Э. Гуревич и Б. Кербле

9

*О.Э. Гуревич,
Б. Кербле
...переписка
О.Э. Гуревич
и Б. Кербле*

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-9-16

¹
О.Э. Гуревич — Б. Кербле
Отправлено
28. XI. 1966 г.

Благодарю Вас сердечно за то, что Вы извлекли из небытия труды и имя Александра Васильевича Чайнова. Вы проявили к моему покойному мужу столько душевного тепла, как будто Вы лично знали его близко и хорошо. Ваша прекрасная статья³ глубоко взволновала меня. Несмотря на все это, я вынуждена Вас просить не печатать брошюру «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Вы видите в ней причуду автора, но хорошо понимаете, что эта «причуда» стала для него фатальной в 1930 г. Эта брошюра и сейчас еще может быть воспринята, как политический выпад. Ради его памяти, которую мне бы не хотелось излишне омрачать, я и обращаюсь к Вам с этой просьбой.

Раз уж я заговорила об этой брошюре, хочу сказать Вам, что Александр Васильевич в своих артистических вкусах далеко не всегда солидаризировался со своим героем Кремневым. Он не любил, как и большинство интеллигенции его поколения, «передвижников». Ему были близки художники, принадлежавшие к группе «Мир искусства». Он очень любил русскую, да и не только русскую старину. У нас были: любовно им собранная небольшая коллекция русских икон XIV–XV вв., хорошее собрание гравюр (деревянная и на меди) XV–XVI вв., в основном итальянцы и немцы; любил старинный фарфор (русский), старинное стекло. Как видите, вкус у него был гораздо более тонкий, чем у Кремнева.

Что касается его близости к теософам, то в этом Вы просто ошибаетесь. Он совсем был не знаком с этого рода «философией» (если можно ее так назвать), и как-то в Берлине знакомый, увлекавшийся теософией, дал ему почитать книжку, в которой излагалось их учение. Александр Васильевич просмотрел ее, посмеялся и полный недоумения сказал: «Как можно тратить столько душевных сил на такие мелкие дела?»

3. По просьбе наших ученых я сейчас перевожу ее на русский язык. — *Прим. О.Э. Гуревич.*

Сообщаю Вам дату рождения и смерти Александра Васильевича 17(29).01.1888 г. — 20.03.1939 г.⁴ и основные жизненные вехи.

Отец Александра Васильевича работал на Иваново-Вознесенской ткацкой фабрике. Начал с мальчика, растирающего краски, а потом стал пайщиком этой фабрики.

Мать — родом из купеческой семьи. Родилась в г. Вятке, окончила Московский сельскохозяйственный институт в первой группе женщин, допущенных в этот институт⁵. Так что Чаянов — интеллигент только во втором поколении.

Учился в Московском сельскохозяйственном институте (впоследствии Петровская сельскохозяйственная академия, а потом — Тимирязевская сельскохозяйственная академия), который и окончил в 1909 г.⁶ В этом же году его командировали в Бельгию (Льеж) для изучения организации всех форм кооперации.

Ещё в бытность свою студентом последних курсов он начал исследовательскую работу по льну, теории потребительно-трудового хозяйства и по кооперации в сельском хозяйстве.

В 1910 г. оставлен в Московском сельскохозяйственном институте на кафедре сельскохозяйственной экономики и организации сельского хозяйства. В этом же году он избран преподавателем Народного университета им. А.Л. Шанявского по курсу «География и история хозяйственного быта». В 1910 г. Чаянов избран действительным членом «Общества взаимопомощи русских агрономов».

В 1911 г. Чаянов командировается Департаментом земледелия в Швейцарию (Берн) «...для подготовки к занятию кафедры сельскохозяйственной экономики»⁷.

В 1913 г. по возвращении из-за границы назначается преподавателем Московского сельскохозяйственного института. В 1919 г.⁸ получает звание профессора Петровской сельскохозяйственной академии.

В 1919 г. проф[ессор] А.В. Чаянов назначается заведующим «Высшим семинарием сельскохозяйственной экономики и политики» при Петровской сельскохозяйственной академии.

4. Действительная дата смерти А.В. Чаянова была рассекречена в 1987 г.: он был расстрелян 3 октября 1937 г.
5. Факт окончания МСХИ матерью А.В. Чаянова — Е.К. Чаяновой — документально не подтвержден. В анкете 1921 г. А.В. Чаянов писал в графе «профессия родителей», что мать — учительница (РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 90. Л. 22).
6. А.В. Чаянов окончил курс обучения в 1910 г., диплом ученого агронома I разряда получил в 1911 г.
7. А.В. Чаянов был командирован Главным управлением земледелия и землеустройства (ГУЗиЗ) за границу на один год. Программа занятий предполагала посещение Германии, Швейцарии, Франции, Англии (РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 41, 42).
8. По декрету Совнаркома от 1 октября 1918 г. всем ведущим преподавателям вузов РСФСР присваивалось единое ученое звание профессора.

В 1922 г. по предложению Наркомзема РСФСР был организован А.В. Чаяновым «Всесоюзный научно-исследовательский институт сельскохозяйственной экономики и политики», затем переименованный сначала в НИИ крупного социалистического хозяйства, а затем в Колхозный институт⁹. В 1924 г. из академии этот институт переехал в Москву в Хоромный тупик. Впоследствии многие аспиранты, окончившие этот институт, заняли руководящие посты в сельскохозяйственных институтах нашего Союза. В 1927 г. Чаянов организовал издание «Бюллетеня сельскохозяйственной экономики». Затем бюллетень переименовал свое название и стал выходить, как «Труды научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики»¹⁰.

О его практической работе в области сельского хозяйства, не считая сельскохозяйственной кооперации, могу сказать, что Чаянов принимал активное участие в разработке проекта самого крупного хлопководческого совхоза «Пахта Арал», не потерявшего своего значения до сегодняшнего дня. Принимал активное участие в организации «Зернотреста».

Кроме того, может быть, это вам покажется нужным для его характеристики, он страстно был влюблен в Москву и занимался исследованием ее глубокого прошлого. Он восстановил карту Москвы XVII в.¹¹ и в Московском государственном университете читал курс по истории топографии г. Москвы. О его литературных пробах Вам известно, поэтому ничего не пишу. Если Вас интересует карта, могу ее передать д[окто]ру проф[ессору] А.Л. Вайнштейну.

*Уважающая Вас и благодарная
Ольга Гуревич (Чаянова)
РГАЭ. Ф. 731. Оп. 2. Д. 19. Л. 1–4.
Машинопись.*

-
9. В 1929 г. НИИСХЭ был слит с Институтом крупного хозяйства, образован Институт организации крупного хозяйства и сельскохозяйственной экономики, в 1930 г. последний был реорганизован в Колхозный институт. Подробнее см.: *Овчинцева Л.А.* К истории научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики // *Аграрная экономика и политика: история и современность* / Отв. ред. А.В. Петриков. М., 1996. С. 50–54.
10. «Бюллетень государственного научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики» и «Труды» НИИСХЭ — разные издания. «Труды» выходили с 1921 года.
11. План г. Москвы XVII века. Составлен проф. А. Чаяновым в 1920 году. План составлен на основании «Строельной книги Московским церквам 1657 года», переписных и других книг 1620, 1626 и 1638 годов, планов Ив. Мичурина 1739 г. и Хотева 1854 года. Улицы проведены для Китая и Белого Города сообразно планам XVII века из атласов Merian'a и Blavian'a, а для Земляного и Замошкворечья сообразно плану Meerber'a. Частные поправки внесены по мелким планам, опубликованным гг. Ламанским и Белокуровым. РСФСР. — *Главмузей. Научно-методический отдел* (РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 20).

*О.Э. Гуревич,
Б. Кербле
...переписка
О.Э. Гуревич
и Б. Кербле*

2

Б. Кербле — О.Э. Гуревич
Париж, 7 июня 1967 года.

Уважаемая госпожа Гуревич!

Мой коллега Д. Торнер передал мне Ваше любезное письмо от 28-го мая. Я прежде всего хотел бы поблагодарить Вас за Ваше учтивое внимание. Я в самом скором времени получу Вашу посылку и, смею Вас заверить, я в полной мере понимаю ее художественную ценность, так как мне хорошо известны работы палехских мастеров. Очень жаль, что проекты профессора Вайнштейна были перенесены на более поздний срок.

Я хотел бы успокоить Вас относительно произведения, которое Вы не получили. Я не послал его, так как не знал, насколько это будет уместно, исходя из Вашего предыдущего письма. Сегодня я отправляю его Вам заказной бандеролью на ул. Дмитриевского. Я дарю его Вам с преогромным удовольствием.

Остается заданный Вами вопрос об издании крестьянской утопии. Инициатива этого переиздания принадлежит не мне, по этой причине у меня нет возможности повлиять на этот проект. Но я могу заверить Вас, что передал Ваше письмо и отстаивал Вашу точку зрения: безрезультатно. В любом случае это издание выйдет на русском (этот текст уже хорошо известен специалистам и вполне доступен в западных библиотеках); поэтому не стоит опасаться скандальной рекламы и еще менее — политических спекуляций. Вы знаете тон моей работы о Вашем муже и предосторожности, предпринятые мною с целью избежать спорных отзывов. Я слишком уважаю русский народ — как его прошлое, так и его труд в настоящем — чтобы вступить на этот путь.

Я прошу Вас, уважаемая госпожа, принять выражение моего уважения и глубокого почтения.

Б. Кербле

*РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 107. Л. 1.
Авторизованная машинопись.*

3

Б. Кербле — О.Э. Гуревич
Париж, 10 ноября 1967

Уважаемая госпожа!

Прошу простить меня за то, что с некоторой задержкой отправляю Вам этот фрагмент, который я позволил себе опубликовать, полагая, что он позволит лучше понять личность Александра Васильевича. Я использую эту возможность, чтобы сказать Вам, насколько тронуло меня Ваше письмо, и еще раз отблагодарить за изящный маленький шедевр из Палеха, который я получил.

Я прошу Вас, уважаемая госпожа, принять выражение моего уважения и глубокого почтения.

13

Базиль Кербле
РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 107. Л. 10.
Автограф.

О.Э. Гуревич,
Б. Кербле
...переписка
О.Э. Гуревич
и Б. Кербле

4
Б. Кербле — О.Э. Гуревич
56, Рю Вано, Париж, 7 округ
10 января 1969 года.

Уважаемая госпожа!

От всего сердца направляю в начале Нового года свои наилучшие поздравления Вам и всем, кто Вам дорог. Избранные произведения Александра Васильевича вышли в виде восьми прекрасных томов в небесно-голубой обложке в последние недели 1968 года. Это издание на русском языке, выпущенное в Англии (S.R. Publisher Ltd., East Ardsley, Wakefield, Yorks.), но под научным руководством Практической школы высших исследований в Сорбонне, к которой я принадлежу. Я попросил Школу отправить Вам эти восемь томов заказной бандеролью по указанному Вами новому адресу. Я думаю, Вы получите это собрание сочинений не позднее чем через два месяца (необходимо время для пересылки из Уэйкфилда в Париж, затем из Парижа в Москву, на Луну сегодня можно попасть быстрее!). Теперь же в научных журналах вышли весьма хвалебные отзывы на произведение, выпущенное по-английски в 1966 году¹², особенно в Японии от Р.Ф.Э. Смита в CHUSO (весна 1967), в Англии от экономиста из кембриджского Тринити Колледж Морриса Добба в The Economic Journal (июнь 1968), от экономиста Клина Кларка в Soviet Studies (Глазго, октябрь 1967), во Франции от Д. Торнера в Annales (декабрь 1966), от Жана Кюизинье в Revue francaise de Sociologie, том VII, 1967 и т. д.¹³ Сам я часто в своих лекциях и статьях упоминаю произведения А.В., всякий раз с чувством глубокой признательности за то, чему он меня научил.

С глубоким уважением,
Базиль Кербле
РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 107. Л. 110б–12.
Автограф.

-
12. Очевидно, речь идет о книге: *Chayanov A.V. The theory of peasant economy* / Ed. by D. Thorner, B. Kerblay, R.E.F. Smith. Homewood, Illinois, 1966. — XXV, 317 p.
13. Оценка моих работ В.Г. Сироткиным, которую нельзя назвать негативной, появилась в «Вопросах истории». 1968. № 2. С. 199, где цитируется моя статья 1964 года. — *Прим. Б. Кербле.*

5
 Б. Кербле — О.Э. Гуревич
 Париж, 31 декабря 1969 года.

Уважаемая госпожа!

Я только что получил великолепную книгу гравюр с видами старого Петрограда, родного города моей матери, который я впервые с восторгом открыл для себя в 1955 году. К счастью, мы в Париже имеем возможность без всякого труда следить за стремительным развитием Вашей страны, в основном благодаря книжным магазинам, специализирующимся на продаже советских книг. Это позволило мне закончить работу о городе Москве, которая вышла в прошлом году, в настоящее же время я заканчиваю другую работу, посвящённую всем новым городам (которая будет опубликована в «Анналах» — журнале Практической школы высших исследований). Излюбленной темой моих исследований остается жизнь крестьян — моя докторская диссертация посвящена крестьянским рынкам в СССР, а также избе; именно поэтому открытие трудов Александра Васильевича было столь важным моментом в моем развитии. Я рад, что сегодня они становятся известны все более и более широкой публике. Исследования, появившиеся последнее время в Англии (А. Ноув «An economic History of USSR») и во Франции (А. Мендра и Тавернье «Земля, крестьяне и политика»), ссылаются на А.В. Кстати, профессор Гельфат опубликовал в «Archives Internationales de Sociologie de la Coopération» статью, которую он должен был Вам отправить, так как он попросил у меня Ваш адрес. Я также этим летом написал посвященное ему небольшое сочинение (оно выйдет по-английски в многотиражном карманном издании «Пингвин»).

С моим глубочайшим уважением посылаю самые теплые пожелания Вам и всем Вашим.

Базиль Кербле

С самыми лучшими преданными воспоминаниями

Базиль Кербле

P.S. Спасибо за Вашу открытку. Кончина профессора Вайнштейна — огромная потеря для нас всех. Я присоединяюсь

к вашим соболезнованиям.

РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 107. Л. 4.

Автограф.

6
 О.Э. Гуревич — Б. Кербле
 1.III.70. Basile Kerblay

Cher Monsieur,

Как странно, Ваша мать родилась в Петрограде, а я родилась в Париже и провела там все свое детство (отец мой был политэми-

грантом). Вы пишете, что в первый раз были в Ленинграде в 1955 г. Стало быть, Вы там были. А в Москве? После вашего последнего письма я лучше понимаю, почему Александр Васильевич, как человек, Вам так понятен. Наверное, потому, что у вас такие же разносторонние интересы, как у него. Кроме Вашего и его любимого сельского хозяйства Вы пишете о Москве, о наших новых городах, Вы знаете и любите наших народных мастеров. Благодарю Вас за Ваши письма, хотя и редкие, они всегда мне доставляют большое удовольствие.

А теперь простите меня за то, что я хочу Вам написать. Я уверена, что с Вашей чуткостью Вы поймете меня правильно. Я получила от проф[ессора] Гельфата его статью¹⁴, в которой он пишет и об Александре Васильевиче. Я его не знаю и ничего плохого о нем не хочу сказать, но мне неприятно поддерживать какие-либо отношения со страной, с которой моя страна порвала дипломатические отношения¹⁵. Я восприняла это как большую бестактность с его стороны.

Еще раз простите меня за то, что я Вам написала, и прошу верить в мое искреннее к Вам уважение.

Olga Gourevitch
РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 107. Л. 14–14об.
Рукописная копия.

7
Б. Кербле — О.Э. Гуревич
Париж, 20 ноября 1973

Уважаемая госпожа!

Я был очень тронут получением «Альманаха библиофила» (1973). Это прекрасная книга, посвящённая предмету, который роднит нас с теми, кто подобно Вам и *Александрю Васильевичу*, о котором я также думаю, является любителем хороших книг. Эта работа также дорога всем тем, кто, подобно мне в Сорбонне, обязаны передавать следующим поколениям все лучшее из наследия прошлого.

Я по-прежнему продолжаю интересоваться настоящим, регулярно читая литературные («Л[итературную]Г[азету]», «Новый

14. *Guelfat I. A.V.* Tchayanov propagateur de la pédagogie de la coopération // Archives Internationales de Sociologie de la Coopération et du Développement. 1969. № 25. Оттиск статьи был прислан О.Э. Гуревич с дарственной надписью: «Госпоже Чайановой на память и в память покойного А.В. Чайанова. Февраль 1970. Профессор Иерусалимского ун-та Исаак Гельфат» (РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 112).

15. Дипломатические отношения с Израилем были разорваны СССР в 1967 г., восстановлены в 1991 г.

Мир», «Наш Современник»), а также научные журналы, чтобы участвовать в важных дебатах и понимать чаяния, которые вдохновляют Ваш великий народ.

От всего сердца благодаря Вас за Ваше учтливое внимание, я заверяю Вас, моя уважаемая госпожа, в величайшем и преданном почтении.

*Ваш Ле Кербле.
РГАЭ. Ф. 731. Оп. 1. Д. 107. Л. 13.
Автограф.*

Basile Kerblay and Alexander Chayanov: At the crossroads of knowledge

Igor Kuznetsov, PhD (History), Senior Researcher, the School of Public Policy, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Vernadskogo Prosp., 82. E-mail: repytwd68@mail.ru.

Tatiana Savinova, PhD (Economics), Head of Organizational-Methodical and Personnel Work Chair, Russian State Archive of Economics; 119992, Moscow, B. Pirogovskaya St., 17. E-mail: savinova30@yandex.ru

The *Russian Peasant Studies* presents a collection of archival documents related to the publication of Alexander Chayanov's works in 1967 in France and England, which was prepared by the Professor of Sorbonne University Basile Kerblay. This collection includes the correspondence of Olga Gurevich, the widow of Chayanov, with Basile Kerblay in 1966-1970, and her translation from French of Kerblay's article on the work of Chayanov. Kerblay's article was published as a preface to the collected works of Chayanov and became classic. This is the first serious study of the biography and work of Chayanov and of the theory of the Russian organization-production school of the 1920s in Western sociology. This article is published in Russian for the first time. The letters of Kerblay and Olga Gurevich reveal some additional circumstances of the publication of Alexander Chayanov's works in 1967 and some features of the ideological atmosphere of the USSR at that time. The collection of archival documents in the *Russian Peasant Studies* includes comments and a brief biography of Olga Gurevich. These documents are a part of the funds of the Russian State Archive of Economics. This publication is dedicated to the anniversary of Chayanov.

Key words: theory of peasant economy, history of economic thought, organization-production school, Chayanov, Kerblay, Gurevich

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке¹⁶

Базиль Кербле

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-17-68

17

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

Александр Васильевич Чайнов — имя хорошо знакомое целому поколению агрономов и экономистов, которые сразу после Столыпинской реформы и до коллективизации взяли на себя тяжкое бремя ответственности за то, чтобы поставить традиционное крестьянское хозяйство на новые рельсы и создать кадры для этой новой агрономии; имя сегодня почти забытое, как в СССР, так и на Западе¹⁷. Если мы сочли полезным посвятить его памяти несколько страниц, то не только потому, что труды Чайнова, представленные шестьюдесятью книгами и брошюрами, не считая множества журнальных статей, многих десятков исследований и выступлений по агрономическим вопросам в России в эпоху революции, обнаруживают теоретическую и практическую зрелость, но еще и потому, как это показал Даниэль Торнер (Daniel Thorner), что вопросы, поставленные нашим автором еще 30 лет тому назад, сохраняют для развивающихся стран, где крестьянское хозяйство является преобла-

16. Автор хотел бы поблагодарить профессора Даниэля Торнера, который является вдохновителем этого исследования и благодаря сотрудничеству с которым оно было успешно завершено. Профессор Саймон Кузнец и д-р Шлёмер были рады предоставить нам некоторые книги Чайнова из их личной библиотеки.

17. Среди современных советских авторов С.М. Дубровский в книге «Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России» (М., 1961. С. 358) ограничивается упоминанием его имени вместе со статьей в «Большевике» (№ 3–4. 1924), в которой осуждается теория Чайнова; А.Л. Вайнштейн в «Народном богатстве и народнохозяйственном накоплении предреволюционной России» (М., 1960. С. 469) и Н.А. Свавицкий в «Земских подворных переписях» (М., 1961, переиздание книги 1926 года. С. 352) являют редкие примеры обращений к книгам Чайнова. На Западе С. фон Дитц в статье «Peasantry» («Encyclopedia of Social Science», t. 12. p. 52), Н. Георгеску-Ройген (Georgescu-Roegen) в «Economic Theory and Agrarian Economics» (Oxford Economic Papers, vol. XII, p. 1–40, февраль 1960), А. Гершенкрон в «Bread and Democracy in Germany» (Беркли, 1943. С. 192), Наум Ясный в «The Socialized Agriculture of the U.S.S.R.» (Стенфорд, 1949. С. 27, 242–246, 429), М.М. Ростан в «The Famulus, The Estate labourer in the Twelfth and Thirteenth Centuries» (Приложение к № 2 «Economic History Review»), Л. Волин в «The Russian Peasant from Emancipation to Kolkhoz» («The Transformation of Russian Society». Гарвард, 1960. С. 292–310) отмечали значение работ Чайнова.

дающим сектором, всю свою актуальность¹⁸. Даже в СССР, как мы увидим в заключение статьи, проблемы им выдвинутые еще до сих пор полностью не разрешены. Таким образом, мысли Чаянова — это перекресток, где встречаются как историки, так и исследователи славянских стран, интересующиеся развитием аграрных учений в России в начале XX столетия. Экономисты и социологи найдут в русском опыте как теорию крестьянского хозяйства, так и ответы на интересующие их конкретные вопросы.

I. Человек

Данные о жизни Чаянова, которыми мы располагаем, слишком разрознены и неточны, чтобы по ним можно было составить его *curriculum vitae*. Известно, что он родился в 1888 г., но неизвестны обстоятельства и год его смерти¹⁹.

В то же время множество работ, оставленных Чаяновым, дают нам возможность наметить генезис широкого круга вопросов, им охваченных, и угадать личность автора. Человек культурный: он не только интересуется разными сторонами экономики, социологии и аграрной политики, его интересы распространяются и на искусство, на литературу и историю. Он пишет пьесы для театра, фантастические романы под разными псевдонимами²⁰. Ум широко открытый для восприятия окружающего мира: его работы, питаемые частыми поездками за границу²¹, обнаруживают близкое знакомство с западными мыслями. Эти черты присущи большей части интеллигенции его поколения, что дает нам право предположить, что он не крестьянского происхождения²². Во всяком случае, в проти-

18. *Thorner D.* L'économie paysanne, concept pour l'histoire économique? // *Annales*. Paris, 1964, no 3, p. 417–432.

19. Большая советская энциклопедия (последнее издание) не указывает дату его смерти, обращаясь к читателям с просьбой сообщить более подробную информацию об этом. Д-р Шлёмер, который был немецкоязычным переводчиком нескольких книг Чаянова, любезно сообщил нам, что последнее письмо, полученное от автора, датируется 1932 годом и прислано из Алматы (Казахстан). [А.В. Чаянов расстрелян 3 октября 1937 г. В Большой советской энциклопедии (2-е и 3-е изд.) статьи о Чаянове не найдено].

20. Х. Ботаник, Московский ботаник Х, Иван А. Кремнев.

21. Его первые поездки в 1908 году привели его в Ломбардию, чтобы изучать ирригацию, и в Бельгию, чтобы познакомиться с организацией кооперативов; его последняя поездка за границу состоялась в 1928 году в Берлин для подготовки немецкого издания его исследования о размерах сельскохозяйственных предприятий («Die optimalen Betriebsgrößen in der Landwirtschaft». Berlin, 1930). Книга В. Seeböhm Ruwntree «Land and Labour: lessons from Belgium» (MacMillan, London, 1910), показывает важность кооперации в Бельгии (с. 225–254) в тот период, когда Чаянов интересовался ее развитием.

22. Чаянов происходил из мещанско-купеческой семьи. — *Ред.*

воположность аристократам-дилетантам или эстетам, которые удалялись от действительной жизни, Чайнов ставит на службу крестьянству весь свой ум и все свое благородство. Это не «хождение в народ» романтиков-идеалистов, это — объективный анализ действительности и немедленное приложение полученных результатов в практической работе.

Блестящий и щедрый ум, когда он был назначен ассистентом при кафедре политической экономии в Петровско-Разумовской с[ельско]х[озияственной] академии²³, он уже опубликовал 13 работ. Его доклады были замечены на различных аграрных и кооперативных съездах начиная с 1910 г. В 1919 г. его назначают директором семинара с[ельско]х[озияственной] экономии, [который затем станет Институтом сельской экономики]; он сохранит руководство до 1930 г.²⁴ Наделенный способностью глубоко проникать в сущность вещей, он с редко встречающейся легкостью переходит от экспериментальных наблюдений к теоретическим обобщениям и от этих обобщений к практике.

II. Место «организационной» школы в эволюции аграрных учений в России

Чтобы поддержать диалог между жизнью и теоретическими исследованиями, эволюция быстрая, а подчас и драматическая, предлагает Чайнову множество размышлений и исключительные опыты. Годы, предшествующие Первой мировой войне, период войны и революции, годы НЭПа, потом начало коллективизации — являются удобными вехами, по которым легко проследить за формированием идей, захватывающих Чайнова, и в особенности за эволюцией его теории крестьянского хозяйства.

В то время как в продолжении XVIII в. и приблизительно до 1880 г. русский агроном обслуживал исключительно большие дворянские поместья²⁵, с начала XX в. его интерес привлекают крестьянские хозяйства. Кризис 1880–1890-х гг. нанес чувствительный

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

23. Кафедра сельскохозяйственной экономии Московского сельскохозяйственного института. — *Ред.*

24. Сегодня это отдельный от Тимирязевской академии Всесоюзный научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства при Министерстве сельского хозяйства СССР. [В 1928 г. Чайнов был отстранен от руководства институтом, но продолжал работать в нем научным консультантом до его реорганизации в Колхозный институт.]

25. Первым российским агрономическим произведением является «Домострой», который должен был служить руководством для ведения поместья. Об экономическом менталитете русской знати в конце XVIII века см. работу М. Конфино, которая вносит значительный вклад в изучение темы: «Domaines et Seigneurs en Russie» (Славянский институт исследований. Париж, 1963).

удар тем поместьям, которые практиковали еще экстенсивное земледелие, основанное на эксплуатации дешевой рабочей силы. Такое положение вещей породило споры между народниками, легальными марксистами и революционными марксистами о сравнительной выгоде мелкого и крупного хозяйства.

С другой стороны, развитие высших сельскохозяйственных учебных заведений увеличило число агрономов²⁶. Небольшое количество помещичьих усадеб не могло вобрать в себя всех свободных агрономов и последние шли на службу земства — этим объясняется, что внимание агрономов направилось на крестьянское хозяйство, которое являлось главным предметом забот земства. После 1905 г. это новое поколение агрономов было достаточно могущественным, чтобы держать в своих руках все агрономические общества страны. Сельскохозяйственные общества в Москве, Петербурге и Харькове, а также в значительной степени и Вольное экономическое общество не управляются больше дворянами; во главе них становится левая интеллигенция, ее роль станет решающей в аграрной мысли накануне Первой мировой войны.

В годы, предшествовавшие развязыванию войны 1914 г., Столыпинская реформа была полумерой, которая не могла ни успокоить интеллигенцию, разделенную различными взглядами на аграрный вопрос, ни удовлетворить наименее обеспеченное крестьянство. Возникновение хуторов только углубило противоречия внутри деревни. В то время как социал-демократы и социалисты-революционеры считали, что аграрный вопрос может быть решен только национализацией или социализацией земли, т. е. только политической революцией, целое течение, называемое организационным, которое в основном черпало своих единомышленников в недрах земства, среди агрономов и преподавателей, считало, что раздел земли был только паллиативом, недостаточным для того, чтобы разрешить аграрный вопрос, и что, напротив, он может вызвать непредвиденный социальный переворот. Эта группа выдвигала ряд аграрных и экономических мер для интенсификации производства крестьянского хозяйства. Ее целью было прежде всего преобразовать организацию крестьянского хозяйства, не дожидаясь политических перемен, откуда эта школа и получила название «организационной»²⁷.

26. Количество высших сельскохозяйственных учебных заведений возросло с двух в 1895 г. с 75 студентами до восьми в 1912 г. с 3922 студентами, а количество агрономов, работающих в земствах, увеличилось с 124 до 2701 в тот же период, что позволяет использовать одного агронома на участок, а не на уезд, а это значит приблизить агронома к крестьянину (см.: Агрономическая помощь в России / Под ред. В.В. Морачевского. СПб., 1914). [В переводе О.Э. Гуревич данное примечание было помещено в основном тексте статьи.]

27. В русском языке «организационно-производственное направление»; по-французски буквально «организационное и продуктивное». Подробное объяснение этой концепции см.: *Макаров Н.П.* Крестьянское хозяйство и его эволюция. Т. 1. М., 1920. С. 1–160. Краткая информация: *Utechin S.V.* Russian political thought, a concise history. Praeger, 1963, p. 138–139.

Речь больше не идет о том, как во времена Герцена и Чернышевского, может ли Россия прийти к социализму, минуя капитализм. Проблема, которая захватывает эту группу, увлеченную новшествами в западной агрономии (племенной скот, машины, удобрения, кооперация), — технический и экономический прогресс, а не только социальный или фискальный, как в эпоху IX съезда русских [естествоиспытателей и] врачей в 1894 г., внимание которого было главным образом заострено на низком жизненном уровне крестьянской семьи²⁸. Как применить западный агрономический и экономический опыт (теорию размещения, маргинальный²⁹ расчет) к крестьянским, еще полунатуральным хозяйствам, опирающимся всецело на труд членов семьи?

Курс А.И. Чупрова, читанный им в Париже в 1904 г. в Высшей русской школе общественных наук о преимуществах мелкого крестьянского хозяйства и о методах, которые позволяют его модернизировать, был, по-видимому, одним из первых оглашений подобного рода мыслей³⁰. В.А. Косинский идет гораздо дальше, выдвигая проблему различия крестьянского и капиталистического хозяйства, возобновившую полемику с марксистами не только политическую, но и экономическую. Вот почему Чаянов рассматривает его как духовного отца школы крестьянского хозяйства³¹.

Для В.А. Косинского «ни о ренте... равно как ни о прибыли, в крестьянском хозяйстве не может быть и речи. <...> Крестьянин, являясь одновременно представителем и земли, и капитала, и труда, не делит созданной в процессе производства ценности на необходимую и прибавочную стоимости. Вся созданная ценность поступает в его нераздельное пользование и равна прибавочной стоимости капиталиста + заработная плата. Ему поэтому прежде всего чужда идея прибавочной стоимости и прибыли на капитал. На свой чистый доход он смотрит как на продукт своего труда, занятого в производстве при помощи собственных материальных средств производства (земли и капитала)»³². Это, по мнению Косинского, объясняет причину, почему крестьянское хозяйство может платить повышенную арендную плату за землю в соответствии с чистым доходом, так как оно старается максимально применить свой

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

28. Этот конгресс знаменует собой важную веху в развитии социальных исследований в России, поскольку методологические проблемы обсуждались комиссией, включавшей лучших статистиков того времени (А.И. Чупров, Ф.А. Щербина, Н.А. Каблуков, Л.И. Маресс).

29. Современный перевод термина — маргиналистский. Далее термин «маргинальный» исправляется нами без оговорок в зависимости от контекста: маргиналистский или предельный. — *Ред.*

30. *Чупров А.И.* Мелкое земледелие и его основные нужды. СПб., 1907. Переиздано в Берлине в 1921 году.

31. *Sajanov A.V.* Gegenwärtiger Stand der Landwirtschaftlichen Ökonomie in Russland // *Schmollers Jahrbuch.* 1929, p. 731.

32. *Косинский В.А.* К аграрному вопросу. Вып. 1. Одесса, 1906. С. 167, 165–166.

труд, интенсифицируя продукцию, когда она лимитирована недостатком земли. Таким образом, с 1906 г. появляется ответственное понимание того, что понятия «доход» и «прибавочная стоимость», которые марксисты переносят с классической схемы на крестьянское хозяйство, не могут быть к нему применимы.

Чаянов примыкает к этой школе³³. Так же как и другие его коллеги — [А.Н.] Челинцев, [Б.Д.] Бруцкус³⁴, [Н.П.] Макаров и пр. он очень быстро понял два основных факта: 1) непроизводительность огромного труда над бюджетным материалом, собранным работниками земства, вследствие порочности метода, примененного при их анализе; 2) невозможность применения экономических концепций классической экономики к крестьянскому хозяйству. Из этих положений Чаянов быстро находит выход, и в этом сказывается его творческая потребность. С одной стороны, он находит метод бюджетных исследований, который позволяет решить вопросы организации, с другой стороны, он предлагает теорию крестьянского хозяйства, способную объяснить специфику этого способа производства *suī generis*³⁵ и облегчить повседневную связь и помощь агронома крестьянству.

III. Первые работы Чаянова и генезис его теории крестьянского хозяйства

Принимая во внимание особенности крестьянского хозяйства, два съезда сыграли для агрономов этого поколения роль катализаторов: Агрономический съезд 1901 г. и Кооперативный съезд 1908 г.³⁶

33. Н. Каблуков («Об условиях развития крестьянского хозяйства в России», 1908. С. 377–384) проводит ту же линию анализа: особенности использования капитала и формирования прибыли в крестьянском хозяйстве. [О неприменимости к крестьянскому хозяйству категорий капиталистического хозяйства Н.А. Каблуков писал еще в «Лекциях по экономии сельского хозяйства, читанных в Московском университете в 1895/96 году» (М., 1897), С.Н. Булгаков в «Капитализме и земледелии» (1900) и др. В связи с этим оценка значимости В.А. Косинского как основоположника этой линии мысли представляется преувеличенной.]

34. Бруцкус в работе 1913 года «Очерки крестьянского хозяйства в Западной Европе» противопоставляет крестьянскую экономику и капиталистическую экономику (одна основана на *субъективных* оценках ценности, другая на *затратах*, которые измеряются *объективно*) и подчеркивает в тех же терминах, что и Чаянов, произвольный характер методов бухгалтерского учета швейцарца Э. Лаура.

35. В его своеобразии, в его уникальности (лат.). — *Ред.*

36. Следует также отметить роль, которую играли некоторые агрономические журналы, такие как «Земский агроном» (Саратов), московский «Вестник сельского хозяйства» под редакцией А.Г. Дояренко и особенно «Агрономический журнал» (Харьков), в редакциях которых сгруппировались основные сторонники движения. [В тексте упомянуты: Съезд деятелей аг-

Чаянов был тогда слишком молод, чтобы дать себя заметить, но через два года, когда в Москве собрался Первый всероссийский съезд льноводов³⁷, именно ему было доверено провести бюджетные исследования о значении льна в доходах крестьян Волоколамского уезда Московской губернии.

В том же 1911 г. идеи организационной школы были предложены Московскому областному агрономическому съезду³⁸. [С.А.] Первушин, выступая на этом съезде, критиковал земские подворные переписи крестьянских бюджетных исследований: опросные бланки содержали огромное количество рубрик, часто слишком мало доступных пониманию крестьян. Нельзя собирать бюджетные данные, опираясь исключительно на одну память опрашиваемого крестьянина, утверждал Первушин³⁹. Если хотят, чтобы эти бюджетные данные можно было применить с точки зрения практической, необходимо упростить счетоводство, которое мог бы вести сам крестьянин. Участковая агрономия и организационный план крестьянского хозяйства», в котором подчеркивает пользу бюджетного исследования крестьянского хозяйства — а не только бюджета потребления семьи — с точки зрения бухгалтерского учета способного указать агроному путь к организации доверенного ему хозяйства. Бруцкус прокомментировал: «Чаянов формулировал те мысли, которые бродят среди агрономов»⁴⁰.

Первые анкетные данные, собранные Чаяновым, подкрепили его тезисы, высказанные им на съезде. Опросные данные, полученные им в Волоколамском уезде⁴¹ (и с помощью А.Н. Григорьева в Смоленской губ[ернии], с целью получения образцов более бедных районов) показали невозможность применения методов, практикуемых в то время в Западной Европе. Метод Э. Лаура, изучаемый в частности Чаяновым⁴², заключался в следующем: из валового дохода

рономической помощи местному хозяйству (Москва, 10–19 февраля 1901 г.) и Первый Всероссийский съезд представителей кооперативных учреждений (Москва, 16–21 апреля 1908 г.)]

37. Первый Всероссийский съезд представителей льняного дела (январь 1911 г.). — *Ред.*
38. Московский областной съезд деятелей агрономической помощи населению (21–28 февраля 1911 г.) объединял представителей ряда губерний центральной России. — *Ред.*
39. Типовая модель бланка [Ф.А.] Щербины, принятая в 1900 году для исследования в Воронежской губернии, содержала 677 вопросов, которые требовали от одного исследователя от полутора до двух дней на семью, чтобы заполнить его.
40. Труды Московского областного съезда деятелей агрономической помощи населению. М., 1911. Т. 5. С. 54.
41. Лен и другие культуры в организационном плане крестьянского хозяйства нечерноземной России. Т. 1. Волоколамский уезд. М., 1912. — 198 с.; Т. 2. Смоленская губерния. М., 1913. — 209 с.
42. Чаянов А.В. Крестьянское хозяйство в Швейцарии. М., 1913. Профессор Эрнет Лаур, секретарь Союза швейцарских крестьян, разработал систе-

хозяйства он вычитал сумму производственных расходов, расходов на семью, вознаграждение за труд и капитал и получал либо чистый доход, либо чистый убыток. Для полунатурального хозяйства, каким было крестьянское хозяйство в России, замечает Чаянов, такой экономический расчет был бы произвольным. Оценка здесь преимущественно качественная: продукт существует в достаточном или недостаточном количестве в зависимости от потребности, но эти продукты не могут заменить друг друга, как в рыночной экономике⁴³.

Он также констатирует, что маржиналистскую теорию, которая объясняет выбор капиталистического предпринимателя, нельзя перенести в трудовое крестьянское хозяйство, так как в этом типе хозяйства снижение полезности предельных единиц труда не блокирует деятельности работника, поскольку потребности семьи не удовлетворены. «Понижающийся доход не останавливает труд, поскольку не достигнуто равновесие между потреблением и трудом»⁴⁴, следовательно, оптимум крестьянского трудового⁴⁵ хозяйства отличается от хозяйства капиталистического. Первоначальные тезисы того, что станет впоследствии теорией трудового крестьянского хозяйства, были сформулированы в 1911 г.

В том же 1911 г. Комитет взаимного кредита и сбережений проводит анкетное исследование с целью определения торгово-денежных элементов в крестьянском хозяйстве Московской губ[ернии], в котором принимает участие Чаянов с целью наметить планы кредитования в соответствии с денежным приходом и расходом сельских хозяев губернии. В 1912 г. Комиссия вырабатывает первый вариант упрощенного счетоводства для агрономов, приспособленного к русским условиям⁴⁶. Работа Чаянова «Опыт анкетного исследования денежных элементов крестьянского хозяйства Москов-

му бухгалтерского учета («Landwirtschaftliche Buchhaltung für bauerliche Verhältnisse», 1904; 5-е изд., 1913), выдвинув сложное требование о том, чтобы для регистрации денежных и финансовых потоков с одного счета на другой использовались 5 различных книг (счет предприятия, счет семейного дома, счет труда, счет вспомогательных доходов, счет владельца). Труд членов семьи оценивался по ставке заработной платы. Кроме того, Э. Лаур был лидером крестьянского движения, идеалы которого были достаточно близки к идеалам российских народников; он выразил их в работе «Politique agraire» (Payot, 1919).

43. Чаянов А.В. Опыт разработки бюджетных данных по сто одному хозяйству Старобельского уезда Харьковской губернии. Т. 1. М., 1915. Глава VI.

44. Лен и другие культуры...

45. Тип семейного хозяйства, которое не использует внешнюю рабочую силу.

46. В 1914 году А. Челинцев опубликовал свою работу «Участковая агрономия [и счетоводственный анализ крестьянского сельского хозяйства]», которая является первым опытом практического пособия по анкетным исследованиям и упрощенному бухгалтерскому учету в сельском хозяйстве в духе организационной школы. Этот же автор в преподаваемом им курсе для киевских агрономов в 1912 году пытался разработать «теорию

ской губ[ернии]» (1912) описывает трудности этого первого опыта. На 7000⁴⁷ отправленных опросных бланков было получено 300 ответов, из которых 164 были признаны годными. Как их группировать? Как вывести среднее? Как проверить достоверность результатов? Почерк Чаянова сказывается в том, что во главу угла был поставлен анализ расходов семьи, в качестве выражения денежных потребностей, которые требовалось удовлетворить, поскольку именно в соответствии с этими потребностями осуществляется деятельность семьи, как в сельском хозяйстве, так и за его пределами (отхожие заработки).

Эти две практические работы толкнули Чаянова на попытку их теоретического обобщения⁴⁸. «Очерки» (1913) он начинает с анализа, с одной стороны, отношений между производством и потреблением в крестьянском хозяйстве, с другой стороны, различных составных частей бюджета крестьянского потребления и его эластичности по сравнению с бюджетом рабочего⁴⁹. Однако эта первая попытка оставила автора неудовлетворенным. Он понимал, что его первые наблюдения опирались в большинстве на малоимущих крестьян и что необходимо было изучить хозяйство крестьян наиболее имущих. Еще, и более всего, он стремился исследовать отношения, которые устанавливались в крестьянском хозяйстве между расходами на потребление семьи и расходами на хозяйство, так как его исследованиями всегда руководил «организационно-производственный» интерес.

Его товарищи из Харьковского земства помогают ему в этой работе, предоставив в его распоряжение необработанный материал бюджетного исследования, проведенного в 1910 г. в Старобельском уезде.

Чаянов подвергает анализу эти материалы, пытаясь проверить, существует ли зависимость между размером семьи (и особенно зависимость между количеством работающих членов семьи и тех, которых нужно кормить в процессе цикла образования и воссоздания семьи) и зажиточностью хозяйства. Его анализ содержит теоретические гипотезы, согласно которым движущей силой крестьянского труда являются потребности семьи на различных этапах своего развития во времени. Старобельские бюджетные исследования подкрепляют его первые попытки теоретического обобщения, которые подтверждают, что размер хозяйства является менее значимым фактором деятельности крестьянства, чем им указанные. Кроме того,

и практику крестьянской экономии». Это те же стремления, что и у Чаянова, и часто идентичные формулировки.

47. Это ошибка; у Чаянова 3000. — Прим. О.Э. Гуревич

48. Чаянов А.В. Очерки по теории трудового хозяйства. М., 1912–1913. Вып. 1–2. — 24 + 91 с.

49. Этот очерк позднее станет первой главой «Die Lehre [von der bauerlichen Wirtschaft]» (1923) и «Организации [крестьянского хозяйства]» (1925).

этот анализ более гибок и касается не только денежных элементов хозяйства, но и натуральных и дает возможность проследить оба эти течения, которые дают семье необходимый для удовлетворения ее потребностей доход. На этот раз Чаянов вновь подчеркивает, уже более уверенно, свое несогласие с Лауром. Он не собирается, как этот последний, вычитать из массы богатств, произведенных хозяйством, все, что может быть рассмотрено как плата за капитал, за труд или за землю. Для крестьянской семьи труд не имеет определенной стоимости. Метод, который состоит в том, чтобы приравнивать его к сельскохозяйственному заработку [наемного работника], произволен, так же как и расчет земельной ренты на базе податного оклада в капиталистических хозяйствах⁵⁰. Результаты этого фундаментального труда Чаянова были опубликованы в 1915 г., переизданы в 1922 г. и частично вошли в разные главы «Учения о крестьянском хозяйстве» в 1923 г. и в «Организацию [крестьянского хозяйства]» в 1925 г.

IV. Первая мировая война и деятельность Чаянова в кооперации

Вступление России в войну направило деятельность Чаянова к конкретной задаче — организации сбыта льна. Этот опыт станет познавательным для разработки его теории кооперации.

Напомним, что Россия была в 1914 г. первым экспортером льна на мировом рынке, и что эта культура давала некоторым северным и центральным районам страны значительную долю сельскохозяйственного заработка.

Однако это завоевание льняного рынка Россией, который опирался на низкий жизненный уровень русского крестьянства, не было прочным; ему всегда грозила конкуренция хлопка с противоположной стороны моря (уже были нанесены тяжелые удары льноводству Бельгии и Франции) и требования «качества» иностранных фабрикантов. Поэтому начиная с Первого съезда 1911 г. льноводы были заняты не только стабилизацией культуры льна в России, надеясь на возврат «конъюнктуры»⁵¹, но и возможной организацией кооперативов для улучшения качества первичной переработки льна. Первичная переработка составляла основное занятие крестьян некоторых районов в зимнее время.

На Втором съезде льноводов (4–7 апреля 1913 г. в Москве) Чаянов, которому уже в 1911 г. было доверено проведение бюджетных исследований стабильности экономики крестьянской производи-

50. Бюджеты крестьян Старобельского уезда / Под ред. А.В. Чаянова. Харьков, 1915. С. 116–121.

51. Цена пуда (16,38 кг) льна в Волоколамске с 234 копеек в 1894 году поднялась до 493 копеек в 1913 году.

тельности льна, показывает трудности организации *ex nihilo*⁵² системы кооперации. Кооперация может заинтересовать крестьян только в том случае, если она предлагает более высокие покупные цены, что предполагает для начала организацию достаточно влиятельную, чтобы конкурировать со скупщиками — капиталистами; но каким образом организация может быть влиятельной без тесной связи с крестьянами? Для того чтобы разорвать этот заколдованный круг, Чаянов предлагает организацию кооперации «*en aval*» (с поручительством в платеже по векселям), то есть начиная с центральной экспортной кооперации, а не с сети местной производственной кооперации. Кризис сбыта льна из-за нарушения коммуникаций с границей, вызванный войной, помог Чаянову осуществить на практике свои идеи⁵³.

Урожай льна в России в 1914 г. поднимается до 16 млн тонн; за вычетом потребностей внутреннего рынка оставалось 6 млн тонн, которые рисковали вызвать сильное понижение цен, если их не удастся реализовать. Чаянов при помощи существующей в то время структуры кооперативов⁵⁴, то есть Кассы сельскохозяйственного кредита и могущественного Союза сибирских маслодельных артелей, экспортировал этот лен в Англию через Архангельск или через Норвегию в Торнео. Он добился участия Государственного банка для финансирования этой операции. Кассы мелкого кредита были агентами-плательщиками и сборщиками льна на корню, в то время как Союз сибирских маслодельных артелей, у которых в Лондоне был свой представитель (Московский Народный Банк), взял на себя обязанность продажи льна за границей. В первый год операция прошла удачно только наполовину. Лен достигает своего назначения лишь после 12-месячного кругосветного путешествия в условиях, когда 75% груза была признана негодным к продаже. Единственная польза этого опыта была та, что русский крестьянин приучился продавать лен кооперативу. Это было поощрением для основания в следующем году Центрального товарищества льноводов, одним из членов-распорядителей которого стал Чаянов. Центральное товарищество организует продажу льна как внутри страны — гарантируя русским фабрикантам высокое качество льна, так и на внешний рынок во Францию, Англию и Японию. Под руководством В.И. Анисимова, Чаянова, С.Л. Маслова и А.А. Рыбникова Центральное товарищество объединяет 150 тыс. льноводов в 350 кооперативных товариществ и 11 контролирующих товариществ в районах, имеющих от 12 до 85% коммерческого льна. Подписанный в 1916–1917 гг. договор с капиталистической

52. Из ничего (лат.). — *Ред.*

53. Этот опыт подробно описан в книге Чаянова «Русское льноводство, льняной рынок и льняная кооперация» (М., 1918. — 177 с.).

54. *Kayden et Antsiferov*. The cooperative movement in Russia during the war. New Haven, 1929.

фирмой «Рало» дает Центральному товариществу монополию экспорта русского льна.

V. Февральская и Октябрьская революции 1917 года, Чаянов и «аграрный вопрос»⁵⁵

Февральско-мартовская революция 1917 г. вызвала брожение умов в кругах левых агрономов и экономистов и одновременно перегруппировку во взглядах на аграрный вопрос. В то время как до сих пор «организационная» школа пыталась примениться к эволюции, порожденной Столыпинской реформой, сейчас землеустройство требует более радикальных мер. Были предложены разные рецепты. Одни, более левые, предусматривали социализацию или национализацию земель (доверенную крестьянским общинам — социал-революционеры, отданную государству — большевики), другие, более правые, считали, что единый налог на землю в размере земельной ренты, является достаточным для решения аграрного вопроса, так как земля, лишённая ренты, потеряет свою стоимость и, следовательно, свою притягательную силу для капитала.

Несмотря на эти расхождения, Вольное экономическое общество, Московское общество сельского хозяйства, Харьковское общество сельского хозяйства и Всероссийский земский союз, объединяя агрономов и экономистов столь различных направлений, как марксист П.П. Маслов, социалист-революционер [Н.П.] Огановский, народники С. Маслов и Н. Макаров, консерватор А. Стебут, сходятся на некоторых решающих вопросах, основывая Лигу аграрных реформ⁵⁶. Чаянов принимает в ней участие в качестве члена распорядительного Комитета⁵⁷.

В то время как «Апрельские тезисы» Ленина требуют немедленной конфискации помещичьих земель — они должны были служить в качестве крупных показательных хозяйств — и национализации земель, считая и крестьянские земли, Лига довольствуется тем, что

55. Следует также отметить роль Чаянова в организации снабжения во время войны и революции в рамках Всероссийского земского союза. Его компетентность в вопросах крестьянского потребления имела решающее значение для установления возможных стандартов нормирования как для города, так и для деревни. (Материалы по вопросам разработки общего плана продовольствия населения. Вып. 1. Нормы продовольствия сельского населения в России / Под ред. А.В. Чаянова. М., 1916; а также последующее исследование потребления в Москве в 1919 году.)

56. Бруцкус подготовил для этого почву, представив с 1916 по 1917 год в Вольном экономическом обществе серию докладов по аграрному вопросу, которые будут опубликованы в Петрограде в 1922 году под заглавием «Аграрный вопрос и аграрная политика».

57. В течение 1917 года два члена Комитета занимали должность заместителя министра земледелия.

предлагает передать все земли трудовому крестьянству (как в программе эсеров), однако эта передача должна совершиться на основе государственного плана земельного устройства (в этом расхождение с эсерами, которые провозглашали децентрализованную систему управления), поэтому Лига отстраняется от общих формул, принятых большими политическими партиями, она придерживается того мнения, что аграрная реформа должна производиться с учетом бытовых и экономических особенностей отдельных районов. В общем, земельное устройство, согласно принципам, принятым Лигой, есть только часть решения аграрной проблемы, которая включает в себя все вопросы, связанные с общими условиями с[ельско]х[озия]ственного производства, организацией связи этих хозяйств с общим мировым рынком. Задача Лиги — обсуждение и выяснение, а не проведение в жизнь аграрных предположений, и их распространение изданием серии брошюр.

Первая изданная работа Лиги — подписанная Чаяновым «Что такое аграрный вопрос»⁵⁸. Это комментарий к вышеизложенным принципам, что дает нам право предполагать, что наш автор играл решающую роль в редакции программы Лиги. Как понимал Чаянов в 1917 г. решение аграрной проблемы?

В политическом плане задача кажется ему простой, так как надо голосовать за законы, соответствующие социальным идеалам, которые предстоит провести в жизнь. Но экономическая жизнь подчиняется собственным законам, которые не полностью зависят от воли человека. Поэтому надо считаться с законами развития и, в частности, с особенностями сельского хозяйства, если не хотят, чтобы эти произведения были мертворожденными.

Следовательно, первое условие, которое нам предлагает русская действительность, подчеркивает Чаянов, — индивидуальные особенности различных районов. Тенденции развития сельского хозяйства различны в Центральной Азии и на юге России, где преобладают кочевое скотоводство и залежь, в Сибири, где земли в изобилии и право собственности как таковое отсутствует, и в центральных районах, где плотность населения требует интенсивных форм хозяйствования и особого режима землевладения — общины, которая поддерживает равновесие между количеством земли и населения путем периодических переделов земель. Поэтому решение аграрной проблемы не может быть одинаковым во всех регионах.

Но решения, касающиеся аграрной реформы, не должны быть доверены компетенции местных властей — уездов или волостей⁵⁹. Эти решения должны руководствоваться общими интересами национальной экономики. В противном случае можно опасаться, что

58. Чаянов А.В. Что такое аграрный вопрос? М., 1917. — 63 с.

59. Для решения этих проблем Лига выпустила атлас, составленный С.А. Клепиковым под руководством Чаянова: Атлас диаграмм и картограмм по аграрному вопросу. М., 1917. — 40 с.

оренбургские или самарские казаки, которые имели уже сейчас по десять десятин на душу, не пришли бы к решению разделить между собой обширные помещичьи земли, в то время как с точки зрения национальных интересов надо было бы скорее переселить в эти районы излишек сельского населения из Киевской, Подольской и других губерний, чем закрепить экстенсивное сельское хозяйство у населения, которое здесь жило.

Вторая черта, присущая действительности, утверждает Чаянов, — преобладание семейно-трудового хозяйства. За последнее десятилетие крестьянство сильно эволюционировало. Русская деревня перестроилась на денежно-товарный строй ведения хозяйства: крестьяне приобрели в собственность 27 миллионов гектаров земли, часто ценой тяжелого труда; кооперативы развивались на коммерческой основе. Даже если частная собственность не соответствует идеалу, это привычная форма, которую не следует трогать, пока не изменится крестьянское мировоззрение.

Чаянов не думает, что старый народнический лозунг «Земля и воля» достаточен, чтобы регулировать крестьянский вопрос. Поэтому требование «Земля трудовому народу!» — требование только морального характера, и социализация или национализация земли с точки зрения количественной была бы лишь частичной мерой аграрной реформы (на 100 млн гектаров, засеянных хлебом в 1916 г., 89 принадлежали крестьянам и 11 помещикам). Это предвещающее действие, морально необходимое, но недостаточное⁶⁰, так как ни одна политическая власть не в силах заставить крестьянина изменить природу своего хозяйства. Стало быть, только терпеливый труд, согласно Чаянову, заключает в себе возможность направить эволюцию сельского хозяйства страны в сторону наиболее рациональных форм, которые повышают производительность труда, сохраняя при этом принцип равноправного распределения национального дохода между всеми, кто участвует в его создании⁶¹.

С этой точки зрения землеустройство и работы по земельной мелиорации должны были сыграть существенную роль. Результаты, которые можно ожидать от объединения производственных единиц, различны в сельском хозяйстве и в промышленности. Этим объясняется, что преимущества крупного хозяйства над мелким сказывается не одинаково в разных секторах сельского хозяйства. Оптимальные размеры предприятий не будут одинаковыми в районах

60. Чаянов заявляет о своей поддержке национализации крупных частных имений, которые играют ведущую роль в селекции растений или животных и дают значительную часть товарного урожая, с тем чтобы избежать растраты основного капитала и сокращения излишков, доступных для внутреннего рынка и экспорта.

61. Автор признает, что эти принципы нелегко согласовать, как показывает опыт сельскохозяйственных «коммун» после 1917 года (см.: *Robert C. Wesson. Soviet Communes, Rutgers University, New Jersey, 1963*).

экстенсивного земледелия, где можно допустить хозяйства размером от 2000 до 3000 гектаров зерновых полей с применением машин, и в районах, где применяется ручной труд с более интенсивным употреблением сельскохозяйственного инвентаря, что заставляет возрастать расходы на транспорт, если хозяйство превосходит оптимальные размеры в 200–300 гектаров.

Другими словами, природа сама указывает пределы единственно возможной горизонтальной интеграции сельскохозяйственно-го предприятия. Наоборот, в плане вертикальной интеграции эти затруднения исчезают. Благодаря кооперативам мелкие хозяйства могут пользоваться всеми преимуществами крупного хозяйства. Крестьянское хозяйство, таким образом, сохраняет возможность соединиться, чтобы получить на рынке те же условия цен, кредита и т. п., как и крупные торговцы или крупные предприниматели.

Остается установить, при помощи каких средств можно добиться этих преобразований. Чайнов не верит в силу принуждения. Методы просвещенного абсолютизма, практиковавшиеся Екатериной II, не должны быть применены сегодня. Необходимо найти систему государственного регулирования, которая влияет на условия, в которых сельское хозяйство должно развиваться, а не навязывать структуры априори. Инструментами этого будут: 1) законодательство, которое не должно отменять частную собственность на землю и исключать всякую возможность торговых сделок с землей; 2) различная фискальная система земельных налогов (налог будет выше земельной ренты для крупных хозяйств капиталистического типа и ниже для крестьянских хозяйств); 3) государством может быть разрешена экспроприация некоторых имений, если национальные интересы этого потребуют, в таком случае владельцам будет выплачиваться государством выкуп в продолжение 50–100 лет; 4) земли, экспроприированные или купленные государством, будут реальным резервом, которым государство сможет оперировать при землеустройстве, если сочтет это полезным; эти земли будут отдаваться крестьянам в аренду. Таким образом, доход от этих земель пойдет на вознаграждение за экспроприированные земли.

Предпринятые меры должны были войти в финансовый план, чтобы избежать неравномерности и растянуть эти поступления на длительное время, так как землеустроительные реформы требуют длительного переходного периода. Государство может употребить этот период для создания условия для постепенного перехода либо к социализации, либо к национализации, но ему придется бороться против нетерпения демократических масс и всех тех, кто захочет ускорить режим этих преобразований.

Земельную реформу Чайнов мыслит не как раздел богатств между различными группами населения, но как преобразование всей экономической структуры страны. В этой работе обновления агроном должен будет играть роль движущей силы для того, чтобы кооптировать и направлять живые силы крестьянства.

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

VI. Общественная роль агронома в трансформации аграрных структур (1918)

Уже в 1913 г. Чаянов организовал семинар в Петровско-Разумовском на тему «Общественная агрономия и кооперация», который позволил делиться мыслями известным русским агрономам того времени. В нем принимали участие: Владимирский, [К.А.] Мацевич, [А.П.] Левицкий и учитель Чаянова [А.Ф.] Фортунатов. Работа «Основные идеи и методы работы общественной агрономии», вышедшая в 1918 г. в «Кооперативном издательстве», подытоживает опыты всей русской довоенной агрономии, предлагая ей в то же время новые пути⁶².

Роль общественной агрономии Чаянов формулирует как «систему общественных мероприятий, стремящихся направить эволюцию сельского хозяйства страны в сторону наиболее рациональных (в условиях времени и места) форм его». Это в некотором роде приложение принципов, изложенных в «Что такое аграрный вопрос», переработанных в программу конкретных действий, данных для повышения уровня производительности сельского хозяйства.

Переход от одного типа хозяйствования к другому происходит обычно спонтанно, без определенного плана; крестьяне подражают тем, кто после серий опытов нашел наилучшую систему хозяйствования для данного района. Например, в Сибири крестьяне пробовали применить тот же образец ведения хозяйства, который они практиковали у себя на родине, но потом после того, как они 10 или 20 лет применялись к новым условиям, разные пробы были сведены к единому новому типу хозяйствования.

Агроном, стало быть, должен внимательно изучать местные формы организации сельского хозяйства, так как они являются продуктом нескольких десятилетий исканий, и все искусство агрономии заключается в том, чтобы найти те образцы, которые дали бы возможность наилучшим образом использовать особенности данной земли. Нельзя из Москвы давать общие советы, годные для Воронежа или Чернигова. С другой стороны, уездный агроном не стоит во главе хозяйства; он отвечает за обширный район, в котором соседствует тысяча индивидуальных хозяйств. Его поле деятельности не машины и не поля, но отдельные индивидуальные личности. Деятельность агронома прежде всего социальна. Он должен вызывать в умах и воле крестьян новое сознание — из этого может родиться современная агрокультура.

62. Чаянов А.В. Основные идеи и методы работы общественной агрономии. М., 1918. — 111 с.; переиздание 1922 года (переведено на немецкий язык д-ром Шлёмером под заглавием «Die Sozialagronomie», Berlin, 1924. — 96 p.).

Во всяком случае его деятельность будет успешной, если психологический эффект захватит большую крестьянскую массу, а не только отдельные хозяйства. Надо определить в области два или три основных вопроса, наиболее интересующие массу крестьянства, легко удовлетворимые простыми и недорого стоящими нововведениями, как, например, замена сохи плугом или борьба с полевыми вредителями. Достигнутый на первом этапе после нескольких лет работы в районе успех завоеует доверие крестьян, и теперь они уже сами придут за советом к агроному. После этого задача агронома будет состоять в том, чтобы находиться всегда в поле зрения земледельца. Так как предлагаемые агрономом меры на втором этапе не должны быть общими, они будут дифференцированы, т. е. будут приняты во внимание разные типы хозяйств, которые благодаря знакомству с районом позволяет агроному мало-помалу приносить конкретную помощь отдельным хозяйствам⁶³. Если коротко, то для Чаянова существует прежде всего народ, а уже потом агрономия; роль агронома — создать живые силы, которые смогут создать новую сельскохозяйственную культуру.

VII. Институт сельскохозяйственной экономики в Петровско-Разумовском в эпоху военного коммунизма (1919)

Эти взгляды находят признание среди молодых экономистов и агрономов, которые группируются под руководством Чаянова в его семинарии при Петровско-Разумовской академии. С весны 1919 г. этот семинарий быстро принимает форму автономного учреждения, которое вскоре становится Научно-исследовательским институтом сельскохозяйственной экономики и политики. Он объединяет для начала 18 преподавателей, 30 исследователей⁶⁴ и сотрудничающих с ним людей различных направлений⁶⁵. Институт наследует несколько частных библиотек, библиотеку кооперативного института; так, уже к 1920 г. библиотека Института сельскохозяйственной

63. Опыт, накопленный в ходе многолетних полевых исследований на местах, создает метод анализа на уровне региона, который сегодня может быть использован экспертами по технической помощи, работающими в новых регионах, для разработки конкретной программы агрономических действий. А. Челинцев рассказывает о практическом опыте Харьковского союза кооперативов в 1918–1919 годах: *Челинцев А.Н.* Опыт построения местной сельскохозяйственной политики // *Крестьянская Россия*. Прага, 1924. № 7. С. 55.

64. Включая Н.П. Никитина, Ф.И. Семенова, С.А. Клепикова, А.Л. Вайнштейна, Б.Н. Книповича, Н.И. Курочкина, А.Н. Григорьева, Г.[А.] Студенского.

65. С.Н. Прокопович, А.[А.] Рыбников, [Б.Д.] Бруцкус, Гатовский, [С.А.] Первушин, [Л.Н.] Литошенко.

ной экономии насчитывала 140 000 томов⁶⁶ и считалась самой большой московской библиотекой по экономическим вопросам.

В то же время при Чаляновском семинаре и под его началом было создано Бюро текущего наблюдения за хозяйственной жизнью в России и других странах, руководимое Н.Д. Кондратьевым, наподобие Конъюнктурных институтов в Гарварде и Берлине⁶⁷. Сотрудничество Кондратьева и Чалянова будет очень тесным вплоть до 1930 г., когда оба они стали жертвой чистки сталинского режима.

Направление Института было и теоретическим, и практическим. В теоретическом плане интерес работы института сосредоточился на развитии теории крестьянского хозяйства, так же как и на разработке теории размещения в сельском хозяйстве в условиях России, которая была под стать теории, разработанной [А.] Вебером для промышленности. В практическом отношении эти проблемы поручаются Народным комиссариатом земледелия институту, который в некотором отношении является исследовательским центром комиссариата. Темами его исследований было изучение питания, кредита, ирригации, оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий.

Чалянов особенно был захвачен конкретными задачами; надо узнать, как экономический расчет, который является базой всех агрономических решений, касающихся сельскохозяйственных предприятий, может сохранять свою ценность в условиях непрерывно увеличивающейся в ту эпоху инфляции. Как установить расчет, когда лошадь, купленная в январе за 30 000 р., стоит в десять раз больше в декабре. Чтобы ответить на этот вопрос, Чалянов заканчивает в октябре 1920 г. «Методы безденежного учета хозяйственных предприятий», которая печатается Наркоматом земледелия РСФСР⁶⁸. Практическая ценность этой методики кажется сегодня ничтожной, так как расчет, предлагаемый автором, неприложим к предприятию. Он берет как данное существование центрального плана и административной пирамиды с рядом «Центров», призванных калькулировать соотношение затрат производства и выхода продукции (input — output) в материальных количествах для каждого типа сельскохозяйственного предприятия, затем установить баланс каждого предприятия, уравнивая результаты, полу-

66. Вероятно, опечатка: в 1922 году А.В. Чалянов писал о 40 тысячах томов (*Чалянов А.В.* Из области новых течений русской экономической мысли // *Крестьяноведение.* 2018. № 1. С. 39); в Отчете института за 1926/27 г. говорилось о «более 100 тысячах томов» (*Бюллетень НИИСХЭ.* 1927. № 1–2. С. 64). — *Ред.*

67. Начало работы Первушина, Любимова и Кондратьева по сельскохозяйственным кризисам в Европе и России.

68. *Чалянов А.В., Вайнштейн А.Л.* Методы безденежного учета хозяйственных предприятий // *Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики.* Вып. 2. М., 1921. С. 5–76.

ченные в каждой отрасли производства в соответствии с нормами, предварительно установленными.

Однако с исторической точки зрения работа Чаянова фундаментальна не только потому, что в ней находишь всю схему планирования «в натуре» в приложении к сельскому хозяйству, которая остается до сих пор одной из характерных черт плановой экономики советского типа, но еще и из-за теоретических и политических проблем, поднятых автором, которые необходимо рассматривать в контексте дискуссий того времени.

Эти дискуссии дают возможность поставить на место денежную стоимость и трудовой «эквивалент». Это заглавие хорошо знакомой статьи С.Г. Струмилина «Трудовой эквивалент»⁶⁹, в которой автор предлагает обобщить опыт нескольких московских заводов, устанавливая понятие «единица неквалифицированного труда», которое послужит базой разработки системы цен по «трудовому эквиваленту». Вайнштейн, который принимает участие в разработке этого вопроса в работе Чаянова, показывает, что разработка «трудового эквивалента» требует предварительного хронометража каждого цикла производства, что потребует времени, и данные которого будут часто неправильными, так как условия военного коммунизма не те, что условия мирного времени. С другой стороны, единица труда не может заменить одно другим, как денежная стоимость. В реальных терминах труд инженера качественно разнится от единиц неквалифицированного труда. Баланс в единицах труда не освобождает от необходимости сохранения материальных балансов в физических выражениях. Чаянов идет дальше в своей критике: если каждый продукт измеряется постоянной стоимостью единицы труда, больше не существует дефицитных продуктов, и анализ рациональности решений больше невозможен; наоборот, в сельском хозяйстве, где крестьянин мыслит конкретными выражениями столько-то продуктов с гектара или столько-то животных, — единица труда является абстракцией, плохо прилагаемой к потребностям хозяйства.

В плане теоретическом этот труд Чаянова становится на позицию специфичности законов экономики при социализме, который является продолжением его первых тезисов о невозможности приложения капиталистических концепций к крестьянскому хозяйству. Критерий рентабельности, рассчитанный в денежно-торговых выражениях, лишен всякого смысла в натуральном хозяйстве (корова не может быть дефицитной или прибыльной), его нужно заменить техническими критериями. Автор считает, что социалистическое хозяйство, будучи управляемо единой волей — волей государства, похоже на натуральное хозяйство, где господствует необходимость удовлетворения нужд общества средствами, нахо-

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

69. *Струмилин С.Г.* Трудовой эквивалент // *Экономическая жизнь*. 1920. № 167.

дящимися в их распоряжении. Кроме того, организация покоится на распределении труда, рациональность которого не определяется требованиями капиталистического рынка, его уровнем макрохозяйства, в котором труд используется для увеличения национального дохода. Классическая политическая экономия больше неприменима к социалистическому режиму.

Нельзя не отметить родственность этих высказываний с тезисами [Н.И.] Бухарина в «Экономике переходного периода», вышедшей в том же 1920 г. Во всяком случае приговор, вынесенный политической экономии, радикализм «Азбуки коммунизма», противостоит осторожности агронома. Чаянов старается подчеркнуть, что нельзя строить социализм надолго, опираясь исключительно на энтузиазм. Социалистическое общество, следуя нашему автору, еще не нашло стимулы, которые дали бы возможность найти оптимальную организационную форму для производственной единицы. Пока этот ключ не будет найден, экономика присуждена быть добычей гигантского бюрократизма, так как интенсификация труда может родиться только из внутренней потребности. Нельзя без ущерба нарушать нужное равновесие между интенсивностью труда и удовлетворением потребностей. Социалистическая экономика не должна быть подобна экономике Спарты. В выражениях почти не завуалированных, Чаянов осуждает действия военного коммунизма, который своими реквизициями подавляет персональную активность.

VIII. Убежище в Крестьянской утопии: Москва, 1984

В то трудное время, когда черный рынок Сухаревки является в Москве главным источником пропитания, Чаянову нравится мечтать, как пастухам в знаменитой картине Брейгеля Старшего, о стране с молочными реками и кисельными берегами. Под псевдонимом Ивана Кремнева он приглашает нас в «Путешествие моего брата Алексея в страну крестьянской утопии». Эта книжка, изданная в 1920 г. государственным издательством с предисловием В.В. Воровского⁷⁰, очень скоро стала библиографической редкостью. Она выражает под видом литературной выдумки целую школу политической мысли с народнической или анархической тенденцией, и в то же время намекает на артистические вкусы и философские тенденции нашего автора.

Гражданин Кремнев просыпается в Москве в 1984 г. Однако народ, его окружающий, сильно разнится от того, который представлял себе Джордж Оруэлл; это Аркадия. «Эра городской культуры ушла в вечность», большие города исчезли. В самой Москве

70. В оригинале Б. Кербле указывал только псевдоним автора предисловия — Орловский. — *Ред.*

не больше 100 000 жителей. Снесены целые кварталы домов; памятники сохранены как исключение. Заводы перенесены в деревню, похожую на большую шахматную доску обработанных крестьянскими семьями полей, объединенных в кооперативы. Городские центры насчитывают не больше 10 000 жителей.

Эта вселенская пастораль, нарисованная Чаяновым, — конец революции, который в 1934 г. поставил у власти крестьянскую партию после падения большевиков. «Поколение слабых было засыпано лавиной камней... Новое поколение варваров довело социализм до абсурда», но коммунисты были побеждены, т.к. они захотели ввести национализацию земли в стране, где преобладала крестьянская масса. В плане интернациональном коммунистическое движение разделилось на две части под влиянием центробежной силы. Из всех государств только единственно Германия сохранила в 1984 г. режим 1920-х гг., потому что во чреве капиталистических заводов родился социализм как антитеза капитализма.

В главе, которую Чаянов-Кремнев предназначает «вниманию членов коммунистической партии», он упрекает идеологов рабочего класса в том, что они предъявляют притязание на монополизацию творческой инициативы, что они рассматривают крестьянскую экономику как низшую стадию и что они внедряли свою идеологию методами абсолютизма, что привело русское общество к анархизму. Утопия здесь только басня, которая помогает раскрыть ошибки настоящего, в частности, попытку уничтожить семью (рассматриваемую как пережиток капитализма) и заменить крестьянскую семью единицей большего размера. Идея хлебной и мясной фабрики — «это противоестественно для идеологов крестьянского социализма», т.к. она делает крестьянина пассивным, вместо того чтобы сделать его культурной и духовной движущей силой. Автор показывает себя сторонником плюрализма, который дает возможность широко проявить все свои способности, и планово-экономической системы, которая сохраняет все основные индивидуальные стимулы⁷¹ (цены, вознаграждение): «Экономическая политика есть прежде всего искусство осуществления, а не искусство строить планы».

Этот политико-литературный опыт стремится в основном выдвинуть идеологию, которую можно было бы противопоставить коммунизму и которая уходит корнями в традиционную крестьянскую систему землепользования. И действительно, по своему содержанию идеология, предложенная Чаяновым, является проводником мыслей, заимствованных у [П.А.] Кропоткина с его идеями децентрации городов, местной автономией и многообразием круга деятельности, проповедуемым теософами и антропософами, модными в то время. Эта идеология ведет к опытам коммун, вдохновленным анархистами или теософами, которую Кремнев показывает

71. Но Кремнев предусматривает налогообложение, изымающее все доходы, которые не являются плодами труда (земельная рента, дивиденды).

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

нам в идеализированном виде во время своего визита в «Братство» в Архангельское в 1984 г.

Другими словами, его стремления — это стремления некоторой части русской интеллигенции, стоящей гораздо ближе к космополитизму, чем к крестьянским традициям. Его манера придумывать крестьянскую культуру будущего тоже очень консервативна: ярмарка, блюда, песни, традиционные костюмы не исчезли по истечении 80 лет; выставки живописи — мы находим здесь идеалы школы «передвижников»⁷², представления Гамлета, книги по искусству и экзотические фрукты, предназначенные крестьянам в будущих аграрных городах, являются единственными признаками прошедшей перемены. Таким образом, крестьянская культура здесь представляет собой лишь переложение неких буржуазных идеалов.

Воровский, который должен был написать предисловие к этому памфлету, подчеркнул «мелкобуржуазный» характер книги, смешанный с притязанием на художественность, старый крестьянский консерватизм и ретроградное восприятие технического прогресса. Кремнев восхваляет мелкое крестьянское хозяйство и все более и более интенсивное земледелие, в то время как машина должна освободить человека от рабства земли. В то же время Воровский признает, что Кремнев человек культурный и честный. И он не таит зла против него, против его пророчеств о победе крестьянской партии — причуда, без сомнения, которая станет для Чайнова фатальной в 1930 г.

IX. Модель изолированного государства

Узок путь, который связывает крестьянскую утопию с экономической моделью изолированного государства, появившейся в следующем году и открывшей собой серию работ Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики⁷³. Видение пасторального будущего России, описанного Кремневым, опирается, по существу, на надежное оптимальное равновесие между городом и деревней и на систему интенсификации сельского хозяйства, ключ к которой нам дает «Изолированное государство».

Почему выбрано такое заглавие? Несомненно, изолированное государство — это картина, которая отражает положение совре-

72. Ален Безансон показал связи, которые существовали между народниками и представителями школы «передвижных выставок»: Besançon A. La dissidence de la peinture russe 1860–1922 // *Annales*. Paris, mars-avril 1962, pp. 150–265.

73. «Опыт изучения изолированного государства» (Труды Высшего семинария сельскохозяйственной экономики и политики. Вып. 1. М., 1921. С. 1–36), некоторые фрагменты этой работы уже публиковались в «Агрономическом журнале» (1915. № 2. С. 42–56) под заглавием «Проблема населения в изолированном государстве».

менной России, но главным образом, как можно догадаться, чтобы отдать долг Тюену⁷⁴. Но в противоположность Тюену, исследования которого касаются земельной ренты и влияния цен на размещение, Чайнов интересуется связью между сельским хозяйством и другими, не аграрными кругами деятельности. В то время как до сих пор работы Чайнова рассматривали сельское хозяйство в отрыве от остальной экономики, в данной работе предстоит найти ему место в общей экономике, и особенно принимая во внимание будущие связи России с мировым рынком. Кроме того, предложенный «опыт» должен был помочь определить оптимальные размеры интенсификации для изучения сельскохозяйственного районирования, над которым работали некоторые сотрудники Чайнова⁷⁵.

«Опыт изучения» строится на нескольких исходных гипотезах: собственность на землю не существует; территория разделена на пять сельскохозяйственных зон, расположенных концентрически вокруг одного города; каждая из этих зон способна к восприятию 10 ступеней интенсификации производства (это значит, что количество затраты труда на гектар удваивается, утраивается и т. д., но из-за закона убывающей производительности продукция не увеличивается в той же прогрессии). Обмен между городом и деревней лимитируется одним продуктом с одной и с другой стороны. Продукт деревни А — продукт питания и потребность его не эластична, в то время как продукт города Б с эластичной потребностью не подчиняется закону убывающей производительности (продукт увеличивается пропорционально затрате труда). Наконец, расходы на транспортировку продукта А возрастают по мере удаления от города, в случае с продуктом Б они (расходы на транспорт) рассматриваются как несуществующие.

Исходя из этого, автор изучает хронологический порядок (в 21 этап) обработки в различных зонах и степень их интенсификации по мере того, как увеличивается сельское и городское население, учитывая избыточный продукт А, могущий быть употребленным в городе. Отсюда вытекает, что интенсификация позволит пропитать все увеличивающееся население, но пройдя определенный оптимальный порог, продукт А все более и более поглощается сельским населением. Таким образом, возможность городской экспансии и индустриализации понижаются по причине уменьшения избыточного продукта в последних фазах интенсификации.

74. *Johann Heinrich von Thünen*. Der isolirte Staat in Beziehung auf Landwirtschaft und Nationalökonomie. Berlin, 1875. 3ed.

75. *Книпович Б.Н.* К методологии районирования. М., 1921; *Никитин Н.П.* Сельскохозяйственное районирование Московской губернии / Общая ред. и введ. А.В. Чайнова. М., 1921. Две эти небольшие работы по районированию сельского хозяйства, опубликованные в Трудах института сельскохозяйственной экономики (Вып. 5 и 6), продолжают серию важных исследований организационной школы в данной области: Челинцев (Тамбовская губерния), Бруцкус и Котов (Воронежская губерния), Макаров (Сибирь).

Чаянов также показывает, до какого относительного уровня фиксируются отношения между ценами А и Б и движением населения, которое эти цены вызывает, между деревней и городом, или наоборот, поскольку равновесие уровня жизни между сельскохозяйственным и городским населением еще не достигнуто.

На второй стадии анализа автор ставит вопрос об изменениях в изолированном государстве, если допустить гипотезу частной собственности на землю в условиях капитализма. Доминирующим условием не является на этот раз оптимальное количество населения, а получение самой высокой прибыли с гектара при условии оплачиваемого наемного труда. Допустим, что заработок этого последнего фиксируется для каждой фазы обработки земли на уровне, соответствующем предельному доходу, тому, что получил бы рабочий, если вместо того, чтобы продать свой труд, он приложил бы его на обработку новых земель. Таким образом, можно выделить чистый доход, произведенный абсолютной и относительной рентой, присвоенной производителем-капиталистом на разных фазах интенсификации. Доход настолько выше, насколько плата за труд будет ниже; значит, пусть понижается плата за труд крестьянина по мере интенсификации. Наоборот, система, базирующаяся на семейном трудовом крестьянском хозяйстве без найма рабочей силы, должна была бы позволить оптимальную интенсификацию сельского хозяйства, благоприятную с точки зрения плотности населения и с точки зрения увеличения общего национального дохода⁷⁶.

Нужно ли говорить, что земельная рента не существует в условиях трудового крестьянского хозяйства. Некоторые экономисты, как Челинцев и Макаров, принадлежавшие к той же «организационной» школе, поддерживали этот тезис, применяя к крестьянскому хозяйству анализ минимума средств жизни, выдвинутый Рикардо для рабочей семьи. Они считали, что доход крестьянской семьи и число хозяйств фиксируется в каждом данном случае на минимальном уровне, как следствие увеличения плотности населения, а доходы остаются пропорциональными затратам семьи. Следуя этой теории, надо было допустить, что крестьянское хозяйство ускользает от законов денежно-торгового хозяйства и, следовательно, механизма формирования ренты. Отсюда до того, чтобы сделать из крестьянского хозяйства систему *sui generis* (способ производства в марксистском смысле) только один шаг. Сделал ли этот шаг Чаянов?

76. Исследование Чаянова об экономических основах выращивания картофеля (*Чаянов А.В. Экономические основы культуры картофеля / Труды НИИСХЭ. Вып. 4. М., 1921*) является эмпирической проверкой теоретической модели. Поскольку выращивание картофеля является одним из видов интенсивной культуры, которая развивается в районах с высокой плотностью населения, автор стремится проанализировать факторы, определяющие эволюцию этого производства, в особенности картофелеводства для промышленной переработки.

Чтобы ответить на предыдущий вопрос, нам теперь нужно проследить, с чего начал Чаянов свои первые работы о крестьянском хозяйстве. Он начал с урока «Die Lehre...» (1923), затем вышли «Очерки...» (1924), прежде чем перейти к общей теории системы крестьянского хозяйства («Zur Frage...», 1924) и его специфической организации («Организация...», 1925)⁷⁷.

Когда Чаянов в 1923 г. вновь берется за переработку своей теории, выдвинутой в 1913 г. на базе Старобельских бюджетных исследований, он должен считаться с более свежими работами, напечатанными после Октябрьской революции⁷⁸. Но эти работы не аннулируют его первые гипотезы, согласно которым концепция классической экономики неприменима к крестьянскому хозяйству.

Таким образом, спор, начатый в конце XIX в., об относительной выгоде крупного и мелкого хозяйства, получает совершенно другой смысл: нельзя больше противопоставлять формы организации хозяйства, совершенно противоположные по существу. Э. Лаур уже пытался доказать это, анализируя связь между движением цен, заработком, платой за землю и размером хозяйства. Чаянов углубляет аргументы Лаура, подчеркивая в «Очерках...», что крестьянское хозяйство подчиняется в вопросах рентабельности присущим ему законам: степень интенсификации сельского хозяйства или самоэксплуатации семейного хозяйства диктуются не желанием получить наибольшую прибыль, а нуждами семьи. Он устанавливает также особую роль, которую играют труд, капитал и земля в крестьянском хозяйстве. Отсюда вытекает особый тип организации и социальных отношений, собственно ей присущих.

В «Очерках...»⁷⁹ две главы останавливаются на вопросе о роли машин в крестьянском хозяйстве и на вопросе земельной мелיו-

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

77. *Tschajanow A.* Die Lehre von der baurlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau. Berlin, 1923. — 132 s.; *Чаянов А.В.* Очерки по экономике трудового сельского хозяйства. М., 1924. — 152 с.; *Tschajanow A.* Zur Frage einer Theorie der nichtkapitalistischen Wirtschaftssysteme // Archiv für Sozialwissenschaft und Sozialpolitik. Tübingen, 1924. Bd. 51, H. 3, s. 577–613; *Чаянов А.В.* Организация крестьянского хозяйства. М., 1925. — III, 215 с. [«Zur Frage...» на русском языке под заглавием «К вопросу теории некапиталистических систем хозяйства» впервые опубликована в кн.: *Чаянов А.В.* Крестьянское хозяйство: Избранные труды. М., 1989. С. 114–143. Там же см. комментированное переиздание «Организация крестьянского хозяйства» (С. 194–442). «Die Lehre...» на русский язык не переводилось.]

78. В частности, книга А.Н. Челинцева «Опыт изучения организации крестьянского сельского хозяйства» (Харьков, 1919), основанная на исследовании, проведенном в Тамбовской губернии.

79. Публикация «Очерков» была отложена до 1924 года; ее написанию предшествовало «Die Lehre», которое было опубликовано в 1923 году. Назва-

рации⁸⁰. Чайнов стремится рассчитать, в каких условиях механизированный труд более выгоден, чем ручной для крестьянского хозяйства, и подчеркивает, что методы и критерии, применяемые в капиталистическом хозяйстве, не могут быть здесь применены, так как надо считаться с неравномерным приложением рабочего труда во время года. Например, площадь, которую два работающих человека могут сжать в 10 дней, машина (жатка) может сжать много быстрее, тогда как, наоборот, в мертвый сезон машина (молотилка) не будет нужна, потому что имеет место недостаточная занятость рабочей силы⁸¹. То же в сельском хозяйстве, которое должно стать более интенсивным, земельная мелиорация будет давать прибыль, в частности поливка, в районах, где вода, а не земля является лимитирующим фактором.

Чайнов анализирует в деталях механизм этой особой ренты, основой которой является вода, в противоположность земельной ренты. Водная рента не является маржинальной (приростной), поскольку она не связана с ситуацией на земельном участке, с другой стороны, когда водная рента поднимается — потому что вода дефицитна, — земельная рента уменьшается, так как плохие земли больше не возделываются. Он делает практические выводы для агронома, в обязанности которого входит определение типа плодоперемменных хозяйств, разделение воды по хозяйствам на год и фиксация уровня ирригационных (поливных) вод. Но в особенности он настаивает на том факте, что при расчетах на лимиты земельной мелиорации для крестьянского хозяйства нужно считаться с ценой на землю, а не с предусматриваемым повышением ренты, так как в крестьянском хозяйстве цены на землю или земельную мелиорацию не фиксируются уровнем, который обозначал бы капитализацию, как в капиталистическом хозяйстве. Вот почему наш автор приходит к заключению, что сфера использования земельных мелиораций более широка в крестьянском хозяйстве, чем в хозяйстве капиталистическом.

«Die Lehre...» пытается синтезировать наблюдения над соотношениями и влиянием трех слагающих: труд, земля, капитал в системе организации семейного хозяйства. В капиталистическом хозяйстве земля и капитал⁸² являются переменными величинами, которые предприниматель комбинирует так, чтобы получить наибольшую прибыль от капитала (постоянный фактор). В крестьянском же хозяйстве труд пропорционален величине семьи и является

ние («Очерки по экономике трудового сельского хозяйства») было переработано, и в упрощенную версию добавлено предисловие Л.Н. Крицмана.

80. Другие главы не являются новыми; их можно найти в ранее опубликованных книгах или статьях Чайнова.

81. Это явление замечено в России Д.И. Кирсановым в 1900 году в Пермской губернии.

82. Вероятно, опечатка в источнике, должно быть «труд». — *Ред.*

постоянной величиной, от которой зависит увеличение объема капитала и количество земли. Чтобы доказать это положение, автор доказывает: а) что нехватка земли и капитала заставляет идти на приработки вне хозяйства; б) что капитал играет разную роль в крестьянском хозяйстве и в хозяйстве капиталистическом. Вклад семьи не ограничивается только капиталом, но еще и главным образом трудом. Отсюда вытекает, что то, что в капиталистическом хозяйстве может быть выделено, как доход с капитала, здесь является продуктом потребления семьи. Граница между вознаграждением за труд и доходом с капитала, которая определяется объективно в капиталистическом хозяйстве — этот доход уменьшается настолько, насколько плата за труд становится выше, — в крестьянском хозяйстве имеет лишь субъективную ценность и здесь доход с капитала не отделяется от потребления.

Социальные противоречия особенностей организации крестьянского хозяйства проанализированы более тщательно в «Zur Frage...» и в «Организации...». Первая работа рассматривает эти противоречия под углом зрения макрохозяйства, вторая под углом зрения микрохозяйства. Но и в том и в другом случае концепция ренты является путеводной нитью.

Историческая школа имела ту заслугу, что она умела понять относительность во времени концепции классической экономики, основанной на функциональной зависимости категорий: цена, земельная рента, норма процентов, но она не пробовала разработать теорию некапиталистических систем. «Zur Frage...» пытается освободиться от классической теории, употребив с пользой методы анализа, которые оказались такими плодотворными для семейного хозяйства. Возможно ли разработать универсальную экономическую систему на основе факторов, присущих всем исторически известным системам? Эта «генерализованная» экономическая теория, повторяя удачное выражение проф[ессора] Ф. Перру (F. Perroux), не противоречит ли предварительным теоретическим учениям, описывающим чистые типы по отдельности: натуральное хозяйство, рабовладельческое хозяйство, феодальное хозяйство, коллективное хозяйство? В какой мере и в какой форме категории заработной платы, ренты, прибыли выражаются в каждом из этих способов производства и какова роль экономических и внеэкономических стимулов в каждом из них?

Так, например, если рента не всегда выражается как особый и автономный доход, то факторы, обуславливающие ренту, оказывают неоспоримое влияние на уровень доходов, получаемых семьей (семейная экономика), хозяином (рабовладельческое хозяйство) или сеньором (феодальное хозяйство). В семейном крестьянском хозяйстве выгода, полученная от аренды земли, не подчиняется правилу убывающей продуктивности капитала, и цена арендованной земли не является выражением капитализации ренты, но выражением тяжести приложенного труда для удовлетво-

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

рения потребности семьи. Этим объясняется, почему стоимость аренды земли тем выше, чем беднее и гуще населен район. В хозяйстве, построенном на рабском труде, рента рабов представляет собой прибыль, полученную рабовладельцем от разницы между ценой раба и расходами на его содержание, и эта рента будет тем больше, чем более цена изъятия продукта будет стремиться к нулю, либо поскольку более или менее мощное плодородие почвы позволит снизить затраты на содержание. Равновесие достигается между полученной предельной продукцией и себестоимостью (стоимостью содержания) предельного раба. В оброчном хозяйстве помещик (*seigneur*) не должен брать на себя расходы на содержание и воспроизводство человеческого капитала, но он больше не может влиять на количество крепостных, как в случае рабского хозяйства; перенаселенность может понизить жизненный уровень и налог, который крепостному надлежит уплачивать; рента может стать отрицательной, если не случится массового народного выселения для колонизации новых земель. В этих примерах, а также в коллективистской экономике Чаянов подчеркивает важность принуждения для установления того или иного характера использования земли, ирригаций, натурального налогообложения или трудовых повинностей.

Чтобы ответить критике, которую вызвали два очерка, изданные на немецком языке⁸³, Чаянов нашел нужным опубликовать работу, названную им «Организация крестьянского хозяйства» — новую версию своей теории. Она разнится от прежней работы, если не считать нескольких добавлений к концу главы, лишь последними главами, имеющими отношение к организации крестьянского хозяйства в социальном плане. В предисловии к «Организации крестьянского хозяйства» Чаянов предупреждает, что, в отличие от прежних позиций, его теория претендует пока только на особую главу из курса организации хозяйства, прославленного немецкого *Betriebslehre*, которую он собирается писать, а не систему или тип национального хозяйства.

83. Чаянов был чувствителен к упрекам А. Вебера, который сожалел в личной беседе, как сообщает наш автор («Организация...». С. 10), что увидел в экономической теории излишние категории монизма; и особенно к критике профессора Августа Скальвейта (Киль), который указал, что наблюдения Чаянова могут быть действительными для описания крестьянской реальности России, но не в случае Германии, они не имели всеобщего значения; крестьянское хозяйство не было типичным для рейнского хозяйства (*Reinkultur*). Крестьянская экономика для Скальвейта является лишь вариантом капиталистической экономики, поскольку она тесно связана с рынком и подвержена всем влияниям конкуренции (цены, процентные ставки, формируемые на этих рынках). (*August Skalweit. Die Familienwirtschaft als Grundlage für ein System der Socialökonomik // Weltwirtschaftliches Archiv, vol. 20 (1920), pp. 231–246.*) Далее мы изучаем критику, адресованную Чаянову с российской стороны.

Кратко говоря, он признает, что крестьянское хозяйство, так же как капиталистическое хозяйство, входит в макроэкономическую систему, которую автор готов признать системой капиталистической в силу свойственной ей доминирующей роли капиталистических отношений (с. 172). Во всяком случае, поскольку оговорена разница между организацией капиталистического хозяйства и хозяйства крестьянского, безразлично знать, каково в действительности равновесие этих секторов. С другой стороны, если признать особенности *sui generis* крестьянского хозяйства в плоскости организации, не нужно ли сделать вывод, что крестьянское хозяйство создает присущие ему социальные отношения? Проблема ренты и различий социальных отношений, отсюда вытекающих, снова встает перед Чаяновым. Он не отрицает наличия ренты в крестьянском хозяйстве. Как и Рикардо, он берет во внимание только дифференциальную ренту⁸⁴ и, так же как и Рикардо, он допускает историческую последовательность в системе обработки земли⁸⁵, но вслед за [Ф.] Эребо (Aeroboe)⁸⁶ он подчеркивает трудность расчета чистого дохода в сельском хозяйстве. В частности, трудность изолирования ренты в крестьянском хозяйстве, в котором могут быть изолированы лишь следующие категории: валовой доход, суммы, затрачиваемые на воспроизводство капитала, содержание семьи, сбережение. Стало быть, лучшее или худшее плодородие земли, так же как более или менее благоприятное положение хозяйства относительно рынка, принесет или понижение материальных затрат и трудовых усилий для получения того же валового дохода, или же повышения этого дохода при тех же материальных затратах и трудовых усилиях, но рента не приносит ни прибыли, ни убытка, как в капиталистическом хозяйстве. Для трудового хозяйства в обоих случаях это будет означать увеличение оплаты единицы труда не в денежном выражении, а натурой, относительной мерой удовлетворения потребностей семьи соответственно мере тягостности труда. Рента в этом случае, стало быть, независима от других экономических категорий, тогда как капиталистическая земельная рента не существует отдельно от рынка. Значит, уровень ренты исчисляется по-разному. В крестьянском хозяйстве оценки меры удовлетворения потребностей и меры тягостности труда субъективны и широко определяются плотностью населения. Вот почему арендная плата на землю или цена земли (капиталистическая рента) повышается настолько, насколько гуще население. Одним словом, ры-

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

84. Он не говорит об абсолютной ренте или ренте редкости, которая возникает, когда все земли заняты, и даже худшие участки начинают приносить ренту.

85. Работа Кэри (Carey) показала, что этот закон неприменим к аграрной истории Соединенных Штатов.

86. *Aeroboe Fr. Die Beurteilung von Landgütern und Grundstücken*, Berlin, 1921.

ночная конъюнктура не является здесь решающим фактором, как в случае капиталистической ренты. Этим объясняется то, что крестьянское хозяйство смогло победить хозяйство капиталистическое в культурах, интенсивных, как лён, в период падения цен, и почему период низких конъюнктур ведет за собой интенсификацию крестьянского труда, тогда как, наоборот, хозяин-капиталист сокращает свое производство, когда рынок неблагоприятен. Крестьянское хозяйство не считается с нормой процентов на обложение земельных мелиораций или на пользование машинами. Вот почему, согласно Чаянову, потенциальная возможность интенсификации капитала больше в крестьянском хозяйстве, чем в капиталистическом.

XI. Динамика крестьянского хозяйства и социальная дифференциация в деревне

Чтобы ответить на упреки в том, что он берет крестьянское хозяйство статично, не принимая во внимание динамику социальной дифференциации⁸⁷, Чаянов считает нужным уточнить свои мысли на этот счет.

Он никогда не претендовал на то, говорит он, что демографические различия⁸⁸ — единственно существующие, но они играют первенствующую роль. Рыночная конъюнктура ускоряет или замедляет социальную поляризацию, которая берет свое начало в демографических различиях. Чаянов подтверждает свою мысль итоговой таблицей динамики крестьянской собственности и динамики состава крестьянской семьи между 1882 и 1911 гг. («Организация...», с. 194). В этой таблице видно, что динамика изменений количества земли в крестьянских хозяйствах недостаточный критерий, чтобы объяснить процесс пролетаризации или проникновения капитализма в деревню. В анализе различных организационных типов обнаруживаются эти изменения (например, в процентном соотношении оплачиваемых рабочих рук). С другой стороны, в СССР этот процесс может быть только очень медленным с тех пор, как национализация земли и раздел крупных владений стали препятствием движению [к] концентрации земельной собственности.

Бюджетные исследования, с которых начал свои теоретические работы Чаянов, возобновились по его настоянию после стабилизации рубля⁸⁹. Направление работ теперь не только организаци-

87. Что для марксистов вытекает в основном из механизма земельной ренты.

88. Иными словами, отличия в положении одной крестьянской семьи от другой связаны прежде всего с размерами семьи: самые многочисленные семьи обрабатывают больше земли, чем другие.

89. Это стало отправной точкой для серии исследований в 1925 году в районах Пензы, Волоколамска; в 1926 году в свекловичных районах; в 1927 году в Ярославской губернии.

онное, предстоит изучить хлебный и фуражный баланс хозяйств⁹⁰, степень товарности крестьянского хозяйства и в особенности степень неоднородности социального состава в деревне.

Под председательством А.Н. Челинцева в Институте сельскохозяйственной экономии была создана комиссия с целью изучения методологии этих анкет. Чайнов излагает историю анкетных методов в работе, которая появилась в 1929 г. и была 47-м томом трудов его Института⁹¹.

Официальные анкеты, проведенные между 1920 и 1924 гг., как и [Л.Н.] Литошенко, приняли критерии социальной дифференциации, обозначенные Г.И. Баскиным в работе, посвященной Ставропольской губернии в 1913 г. Баскин различал 17 социальных групп по признакам доходов вне хозяйства, вознаграждения за труд и найма рабочих рук. Молодой марксист В.С. Немчинов, который сотрудничал с чайновским Институтом, опираясь на анкетные данные, полученные на Урале в 1925 г., пробовал создать другую группировку. Его цель — достичь количественной оценки прибавочной стоимости в каждой группе, он различает их около тридцати, считая подгруппы, исходя из степени независимости или зависимости хозяина по отношению к земле, постоянному капиталу, оборотному капиталу, рабочей силе⁹². Другие молодые сотрудники, также марксисты, пробуют продвинуть этот анализ дальше, высчитывая связь в цифрах, которая соединяет рабочую силу со средствами производства в каждой группе. Эта анкета будет проведена в районе Волоколамска [Я.А.] Анисимовым, [И.Д.] Верменичевым и [К.И.] Наумовым⁹³ под давлением теоретических предположений [Л.Н.] Крицмана. Но Чайнов, ради объективности и плюрализма, до конца стремился давать свои советы и оказывать поддержку своим молодым сотрудникам. Видно, что последние чувствовали себя неловко перед своим директором, сознавая и пользу его помощи и его превосходство, и в то же время чувствовали себя обязанными поддерживать критику, направленную против Чайнова, становящуюся все более и более острой. Мы увидим, как марксисты упрекают его в том, что он рассматривает крестьянское хозяйство в себе, не считаясь с социальным окружением⁹⁴. Чайнов постарался

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

90. Этим исследованием, которое сильно зависело от анализа потребительских бюджетов, руководил А.Е. Лосицкий, возглавлявший секцию потребления в Центральном статистическом управлении.

91. *Чайнов А.В.* Бюджетные исследования, история и методы. М., 1929. — 331 с.

92. Работы В.С. Немчинова были подвергнуты критике Л.Н. Крицманом в журнале «На аграрном фронте», 1926. № 2.

93. Опубликовано под заглавием: «Производственная характеристика крестьянских хозяйств разных социальных групп» (М., 1927) с предисловием Чайнова и переводом резюме на английский язык В.В. Вильямса (человека, давшего свое имя травопольной системе земледелия, которую недавно критиковали в СССР).

94. Таков упрек Каутского в адрес исторической школы.

ется ответить на это замечание тем, что применит новый анкетный метод, который поможет выяснить различные внешние связи крестьянского хозяйства (значение аренды земли, кредита). Чтобы провести их, он выбирает свекловичные районы, т. е. те, которые больше всего связаны с рынком⁹⁵.

Эти теоретические положения вызвали внутри партии политические дискуссии вокруг проблемы социальной эволюции деревни. После потрясения военного коммунизма и кризиса «ножниц [цен]», в первые годы НЭПа советская экономика в конце концов обрела равновесие в ценах, приближающихся к ценам 1914 г. Можно было ожидать, что традиционные фискальные и финансовые механизмы смогут обрести свое стимулирующее влияние на крестьянскую деятельность. В декабре 1924 г. цена на пшеницу была повышена, чтобы увеличить торговлю. С другой стороны, статьи Ленина «О операции» (январь 1923 г.) озаменовали своего рода перемирие с кооперативным движением, к которому большевики относились до сих пор с недоверием.

Различные уступки крестьянству были восприняты более радикальными элементами партии, как возврат к политике поддержки «крепкого» крестьянина. Повышение цен на продукты сельского хозяйства было выгодно только богатым крестьянам, и эти же крестьяне доминировали в кооперативах. [Г.Е.] Зиновьев и [Н.И.] Бухарин, наоборот, предлагали более гибкую, с их точки зрения, политику, и под их давлением в мае 1925 г. прошел декрет, позволяющий крестьянам отдавать землю в аренду. Споры о социальной дифференциации и об отношении к партии были восприняты с обостренным волнением в деревне (убийства селькоров, восстание в Грузии, затруднения со сбором налогов 1925–1926 гг.), создавая новый поворотный момент. Начиная с апреля 1926 г. закончилась политика снисхождения к кулаку.

Эволюция политической конъюнктуры объясняет одновременно успех Чаяновской школы в начале НЭПа и ее затруднения начиная с апреля 1926 г. Борьба, которую Чаянову нужно было поддерживать в последнее десятилетие его научной карьеры, сосредоточивалась вокруг оптимальных размеров сельскохозяйственного предприятия, методов интеграции сельского хозяйства, наиболее благоприятных для ускорения его технического переустройства.

95. Анисимов ссылается на рукопись этого исследования в статье: *Анисимов Н.* Обзор систем и разработок бюджетных данных крестьянских хозяйств русскими исследователями // Бюллетень государственного научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. 1928. № 1–4. С. 105. Вполне вероятно, что частично она послужила основой для работы Чаянова о себестоимости производства свеклы: *Чаянов А.В.* Себестоимость сахарной свеклы. М., 1928. — 131 с.

ХII. Проблема оптимального размера сельскохозяйственного предприятия

49

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

Проблема оптимального размера сельскохозяйственного предприятия присутствовала с самого начала работы Института сельскохозяйственной экономики. В 1922 г. Чайнов публикует свой первый очерк на эту тему в «Проблемах землеустройства» («Труды...», вып. 7). Два последующих издания «Оптимальные размеры земледельческих хозяйств» появятся с незначительными изменениями. Последние издания 1928 г. появятся в тот момент, когда советские руководители как никогда были уверены в пользе больших сельских хозяйств. Позиции Чайнова на этот счет были гораздо осторожнее и шли вразрез с позициями тех, кто пропагандировал пользу больших пшеничных фабрик. По поводу оптимальных размеров предприятий мы вновь возвращаемся к старым спорам о крупных и мелких хозяйствах. Но на этот раз эта проблема рассматривается под количественным углом. Чайнов предупреждает, что его вычисления касаются только капиталистического предприятия. Он исходит из немецкой школы Тюнена, Вернера, Штебеля (Dr. V. Stebel)⁹⁶, которая первая пробовала вычислить пределы использования сельскохозяйственного инвентаря в пространстве хозяйства. Сверх некоего оптимального порога, который варьируется от 1 км у Вернера до 3 км у Штебеля, расходы на транспортировку поглощают избыточный продукт, полученный благодаря применению машины. Чайнов раскладывает издержки производства на дальность расстояния: а) постоянные издержки (семена, издержки на домашнее хозяйство); б) уменьшающиеся издержки (амортизация материала); в) издержки, которые увеличиваются с расстоянием, т. е. с увеличением самого предприятия (издержки на транспортировку). В этой последней категории он различает регулярную транспортировку, сезонную транспортировку, частую повторяемость транспортировки во время дня и так далее таким образом, чтобы найти ряд кривых, которые помогут установить оптимальные размеры предприятия. Он приходит к заключению, что эти размеры варьируются в зависимости от культур: 2000 гектаров для хлебных злаков с экстенсивным земледелием, от 800 до 900 гектаров для трехпольной системы, 500–600 гектаров для зерновых культур при интенсивном земледелии, 200–250 гектаров для пропашных культур.

В последнем издании (1928 г.) Чайнов замечает, что изменения цен, которые произошли между 1922 и 1928 гг., мало меняют оптимальные уровни и что, с другой стороны, более низкие сельскохозяйственные доходы позволяют поднять оптимум на более высокий уровень: 3000 гектаров для экстенсивного земледелия, пропаш-

96. *Werner*. Überzeitgemässen Laudwirtschaftsbetrieb. 1904; *Stebel V*. Einfluss der Grundstückentfernung auf Wirtschaftsaufwand // *Frühliugs Landwirtschaft Zeitung*, 1909, no 1–2.

ных культур. С другой стороны, для данного хозяйства оптимальные размеры могут быть перейдены, если самые отдаленные поля фермы обрабатываются менее интенсивным способом, чем близлежащие поля. Пересмотр, предпринятый автором, идет по пути более высокого оптимального размера. Он определяет, что расчеты, произведенные для посевных культур, не могут быть перенесены на животноводческие фермы и что его институт занят изучением проблем, выдвинутых разными типами скотоводства (от почти непрерывного стойлового содержания скота — до пастбищного), затраты на перевозку кормов в которых меняются в соответствии с отдельными случаями.

С другой стороны, наш автор хотел бы, чтобы эти методы могли быть использованы для определения размеров сельских населенных пунктов, то есть с учетом особенностей крестьянских хозяйств⁹⁷, оптимальные размеры которых меньше, чем у крупных хозяйств. В заключение Чаянов напоминает, что в хозяйстве метод исчисления оптимальных размеров должен быть особым для каждой отрасли хозяйства и что суть проблемы заключается в организации каждой из этих отраслей согласно законам оптимальных размеров. Эта мысль о дифференциальном оптимуме является преобладающей в его работах о кооперации.

ХIII. Учение Чаянова о сельскохозяйственной кооперации и коллективизации

«Основные идеи организации сельскохозяйственной кооперации» восходят к 1919 г. и переиздавались несколько раз (последнее издание относится к 1927 г.)⁹⁸. Они основываются на личном опыте кооперативного движения, которое мы уже описали. Но в последние годы НЭПа тезисы Чаянова подверглись тяжелым испытаниям, так как массовая коллективизация, которая иногда шла под

97. Земля разбита на большое количество полос и участков, инвентарь и поголовье скота используются не в полном объеме, что увеличивает транспортные расходы.

98. *Чаянов А.В.* Основные идеи и формы организации крестьянской кооперации. М., 1919. — 343 с.; но первые идеи Чаянова восходят к его «Краткому курсу кооперации» (1-е изд. 1915), написанному для Народного университета Шаньевского. Только после написания этого исследования мы узнали комментарии А. Гершенкрона: Alexander Tschajanoff's. Theorie des Landwirthschaftlichen Genossenschaftswesen // Vierteljahrsschrift für Genossenschaftswesen. Halle (Saale), vol. 8, 1930, pp. 151–166. [Указанная книга Чаянова 1919 года была переиздана при его жизни лишь один раз, причем издание 1927 года имело существенные исправления и измененное заглавие: «Основные идеи и формы организации сельскохозяйственной кооперации».]

видом кооперации, явилась антитезой эволюции, проповедуемой нашим автором.

Согласно его мыслям, горизонтальная концентрация производства, как показывают его работы об оптимальных размерах предприятий, предполагает только ограниченную выгоду в сельском хозяйстве. Наоборот, вертикальная концентрация позволит произвести в сельском хозяйстве революцию, подобную той, какую произвела паровая машина в промышленности. Выгода этой вертикальной интеграции состоит в том, чтобы найти такие условия деятельности крестьянских хозяйств, как интенсивная культура, животноводство, в которых эти хозяйства оказываются более продуктивными, чем хозяйства капиталистические с их требованием технического прогресса, и которая дает преимущество крупным хозяйствам, в таких областях, как механизация или торговля. Сельскохозяйственная кооперация является орудием этой интеграции.

Другое преимущество объединения в кооперативы — возможность перевести сельское хозяйство на технические рельсы и принимать участие при возникновении добровольного движения крестьянства. Надо сохранить, по мнению нашего автора, демократический и добровольный характер кооперации, широко открывая ее двери крестьянству, чтобы сделать из кооперации массовое движение. Только в этом случае кооперация имеет возможность победить. Всякие ограничительные рецепты, которые лимитируют свободу присоединения к кооперативам во имя идеологических принципов, могут только уменьшить стремление к кооперации как массовому явлению. Но с другой стороны, не нужно воспринимать кооперацию как изолированную от организационных сил, которые ее породили, вот почему желание объединить в одном организме потребительскую и сельскохозяйственную кооперацию порочно, так как их интересы не одинаковы. Потому что кооперация — добровольное движение масс, она может гораздо лучше, чем другие производственные коллективные организации (коммуны и артели), которые никогда еще не вносили большого прогресса⁹⁹, осуществить преобразование советского сельского хозяйства.

Оговорки Чаянова, касающиеся коллективных сельских хозяйств (коммун и артелей), основываются на том, что система стимулирования в кооперации, которая опирается на мелкое семейное хозяйство, более гибкая, чем в артели. Так как в том случае, когда артель (или коммуна) основывается на идеологической или религиозной базе, которая связывает ее членов и стимулирует труд, несмотря на то что продукция делится поровну между ее членами, идеологическая или религиозная база слишком узка и мешает росту

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

99. Напомним, что на 1 июня 1929 года, то есть до начала кампании принудительной коллективизации, общая площадь сельскохозяйственных угодий в коллективизированном секторе не превышала 3,9%.

кооперации. В случае, наиболее часто встречающемся, когда никакие идеологические узы не связывают членов коллективного хозяйства, нужно ввести систему вознаграждения, которая наиболее стимулировала бы труд. Таким образом, вновь приходят к системе, близкой к капиталистической, но с той разницей, что единому хозяину будет противостоять коллектив, который не располагает силой принуждения.

С другой стороны, колхоз, в отличие от совхоза, не имеет возможности привлекать рабочие руки со стороны. Он обречен либо на то, чтобы искать у себя дополнительную рабочую силу, если у него имеются такие резервы, либо страдать от недостатка рабочих рук.

Чаянов вовсе не окончательно враждебен всем формам горизонтальной интеграции. Горизонтальная и вертикальная интеграции скорее дополняют друг друга, нежели противопоставляются. Граница горизонтальной интеграции, т. е. желаемый размер предприятия, не идентичны на всех стадиях производства и при всяких системах хозяйства.

Чаянов допускает, что коллективизация могла захватить экстенсивные культуры (зерновые культуры) и пастбища, где процессы могут быть легко механизированы (обработка земли, транспортировка), но она не может давать хороших результатов там, где имеют место биологические процессы (животноводство, интенсивные культуры). В торговой деятельности горизонтальная интеграция приобретает свои преимущества в соответствующих зонах, которые превосходят размеры, свойственные колхозам, как мы это наблюдаем в молочных союзах. Отсюда и происходит идея дифференциального оптимума для каждой отрасли производства, которая затрудняет возможность расчленения звеньев организационного плана производства на разные уровни интеграции. Кооперация наиболее приспособлена к согласованию больших механизированных площадей с торговой деятельностью или к тому, чтобы превращать семейные хозяйства в интенсивные предприятия.

Не имеет смысла настаивать на различиях, которые существовали между только что изложенными положениями и точкой зрения, принятой советским правительством. Надо ли напоминать попытки, сделанные советским правительством взять в свои руки кооперативное движение, контролируемое в начале революции эсерами¹⁰⁰? Надо ли вызывать в памяти официальные директивы, которые предлагали исключать из кооперативов богатых крестьян, меры принуждения, направленные к коллективизации? Для большевиков кооперация лишь этап в социалистическом преобразова-

100. Декрет 6 августа 1918 года провозгласил обязательное членство в кооперативах, но Ленин выступил против позиции IX съезда партии 1920 года о слиянии рабочих и сельскохозяйственных кооперативов в единый орган (Центросоюз).

нии сельского хозяйства, для Чаянова — это был идеальный компромисс, ведущий к согласованию преимуществ мелкого хозяйства и крупной собственности в техническом плане.

XIV. Новые совхозы и техника будущего

Проблема оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий в последние годы деятельности Чаянова должна была стать основной в Институте сельскохозяйственной экономики, в момент кампании за крупные совхозы. Образование совхозов на базе бывших помещичьих имений, о которых говорил Ленин еще в апреле 1917 г., должно было в 1928 г. занять новые районы, чтобы создать настоящие зерновые фабрики. Эти последние должны были и перерабатывать торговые излишки, получение которых становилось все более и более трудным, по мере того как крестьянство из-за отсутствия стимулов замыкалось в себе.

Последние работы Чаянова касаются совхозов и рассматривают с одной стороны их организацию, с другой — планирование их производства. В одной из статей «Техническая организация зерновых фабрик» (Экономическое обозрение. 1929. № 12. С. 95–101) он пытается ответить на следующие вопросы:

а) В каком районе СССР можно найти 25 млн гектаров земли, на которых возможно создать новые совхозы? Нельзя наступать на традиционные районы уже перенаселенные, значит, следует ориентироваться на периферию крестьянских хозяйств и особенно на районы Волги, Сибири и Казахстана, где, согласно расчетам автора, 12,3 млн гектаров могут быть распаханы или вновь предоставлены под зерно (бывшие залежные земли). Это в некотором роде программа, предложенная за 25 лет до плана Н. Хрущева. Трудность состоит в том, что эти земли расположены в районах с недостаточным количеством осадков и слаборазвитой транспортной инфраструктурой. Среднее расстояние новых предприятий от железнодорожных станций или портов 20–40 км (а иногда и 70 км).

б) Какой тип земледелия лучше всего применить в этих окраинных районах, чтобы обеспечить стабильные урожаи? До сих пор эти земли были предоставлены под пастбища или оставались нетронутыми, так как примитивные крестьянские орудия труда были не в состоянии обработать земли в короткий срок, предусмотренный климатом тех районов. Только трактор и грузовик смогут помочь взять это предприятие, но придется вести тяжелую войну с сорными травами, за сохранение влаги в земле зимой и плодородие почвы, избегая летней засухи и эрозии почвы. Чаянов прекрасно предвидел основные опасности, которые подстерегали залежные земли. Как паллиатив против этих болезней почвы он предлагает американскую сухую обработку: пшеница с последующим годовым паром. Но не все соглашались с этим методом, другие эксперты

предлагали двухпольный севооборот (пшеница-трава), стало быть, более комплексное предприятие, которое давало возможность развития животноводства.

в) Какова степень механизации и оптимальные размеры этих специализированных предприятий? Чаянов провозглашает себя сторонником полной, стопроцентной механизации, чтобы сократить число рабочих рук и увеличить количество культур на большом пространстве: от 10 до 12 тысяч гектаров полезной земли. Мы, стало быть, далеки от лимитов, которые наш автор считал предельными. Он объясняет причины такой перемены. Его предыдущие расчеты, установившие оптимальные размеры в 800–1500 гектаров интенсивных культур хлебных злаков, основывались на работе лошадей и машин, которые должны были каждый вечер возвращаться на ферму, но, если машины остаются в поле и если люди могут возвращаться на ферму в грузовиках, лимиты меняются. Технический прогресс мог позволить создавать предприятия 8–12 тысяч гектаров, таким образом, объединением нескольких предприятий можно было бы получить совхоз от 60 000 до 100 000 гектаров с единым административным управлением. Самым узким местом в этом случае, согласно Чаянову, были не капиталы, а необходимые кадры. Он заключил, высказывая пожелание скорейшего осуществления программы, ускоренного появления специалистов-агрономов и администраторов для обслуживания совхозов.

Среди других проблем, возникших в связи с рождением хлебных фабрик, возникла проблема разработки плана производительности совхозов. Институт на собранном пленуме 16 марта 1928 г. предложил на обсуждение доклад Чаянова по этой теме¹⁰¹. Метод составления сельскохозяйственных планов, которые он защищал, до сих пор еще употребляется в советской практике, но его концепция государственных сельскохозяйственных предприятий сильно разнится от современного совхоза.

Чтобы разработать производственный план, наш автор предлагает взять отправной точкой районы, определенные правительством. Эти данные определяют направление производства, и в зависимости от цен и условий рынка вычисляется рентабельность различных направлений производства. Производственный план будет вытекать из выбранного направления. Автор ищет возможность найти равновесие между основной линией производства и дополнительным кругом его деятельности (животноводство, кормовые культуры, продукты питания для рабочих), что, со своей стороны, определит протяженность хозяйства (соотношение используемой пашни к пастбищу), совокупность всех путей сообщения, затра-

101. Чаянов А.В. Методы составления организационных планов крупных сельскохозяйственных предприятий в условиях советской экономики // Бюллетень государственного научно-исследовательского института сельскохозяйственной экономики. 1928. № 1–4. С. 5–14.

ченной на это энергии, количество необходимых рабочих рук, корма, которыми располагает совхоз, определяют количество скота, этот, в свою очередь, количество навоза. Из всего этого выводится степень возможной интенсификации. Интенсификация фиксирует уровень доходов и, наконец, возможности накопления и, стало быть, расширенного воспроизводства. Таким образом, объекты плана цепляются друг за друга, как звенья цепи, отсюда и название — «ведущие звенья», которое получил этот метод в советском планировании, ставший классическим.

Во всяком случае то, как он понимал государственное сельскохозяйственное предприятие, по типу капиталистического, ориентируя производство не только на выполнение плана, но и принимая во внимание критерий рентабельности, навлекло на Чаянова критику некоторых его коллег: К.И. Наумова, В.Н. Лубякова, И.С. Кувшинова (Ук. соч. С. 14).

Известно, что правительство не последовало советам Чаянова и что рентабельность этих предприятий долго была слабой стороной государственного сектора сельского хозяйства.

В самых последних работах Чаянова отмечается достаточно осязаемая ревизия его прежних позиций не только, как мы это видели, относительно оптимальных размеров сельскохозяйственных предприятий, но еще гораздо шире в его общей оценке эволюции советского сельского хозяйства.

Ранние работы Чаянова, послужившие основой его первым теоретическим разработкам, соответствовали условиям русского сельского хозяйства, очень мало тронутого техническим прогрессом. Чаянов тогда не был знаком с революцией, вызванной в сельском хозяйстве трактором, грузовым автомобилем и жатвенной машиной-молотилкой.

В 1929 г. эти новшества, сравниваемые им с революцией, которую внесла паровая машина в промышленность, заставляют полностью переосмыслить агрономическую науку. «При этой перегруппировке, — пишет он, — многое, что считалось до сих пор основным и важным, отходит на задний план»¹⁰². Теория крестьянского хозяйства была разработана на основе доиндустриальной технической вселенной. «...Защищать дальнейшее существование мелких семейных хозяйств, [хотя бы и кооперировавших свою переработку и товарные связи,] это значит — защищать существование нескольких поколений, обреченных на агонию медленного вымирания»¹⁰³. Это так же нереально, как желание защитить ремесленные мастерские от фабрики в конце XVIII века. Проблема лишь в том, чтобы выяснить, какую форму будет принимать эта неизбежная аграрная

102. Чаянов А.В. Сегодняшний и завтрашний день крупного земледелия // Экономическое обозрение. 1929. № 9. С. 40.

103. Там же. С. 50. [Слова, взятые нами в скобки, пропущены в цитате Б. Кербле без обозначения купюры.]

революция в современных условиях. Будем ли мы присутствовать в России при повторении эволюции сельскохозяйственного капитализма в Англии? Советский режим открывает новый путь, путь организованного переустройства крестьянских хозяйств в большие хозяйства, посредством процесса самоколлективизации.

Другими словами, сельскохозяйственная кооперация, которая до сих пор проявила себя только в торговой сфере, сейчас расширит свою сферу деятельности и на производство. *Тогда больше не будут существовать крестьянские хозяйства*, но будут огромные коллективные хозяйства, распространяющиеся на несколько тысяч гектаров. Эти колхозы будут различаться от больших капиталистических хозяйств не организацией и техникой, а социальной стороной. В плановом социалистическом хозяйстве, где государство контролирует все ресурсы, будет возможно избежать социальной катастрофы аграрной революции, которая разрушает рамки прежнего крестьянского сельского хозяйства. Коротко говоря, только при условии сохранения наследия крестьянского опыта и при условии самоколлективизации, без давления извне, Чаянов приветствует новые ориентации советского сельского хозяйства на создание колхозов и совхозов как «единственный реалистический путь развития сельского хозяйства»¹⁰⁴.

Глава, которую пишет Чаянов в 1928 г. для сборника «Жизнь и техника будущего» на тему «Возможное будущее сельского хозяйства»¹⁰⁵, — акт веры в научный прогресс. Он предвидит переворот, который некоторые исследования принесут сельскому хозяйству в более или менее далеком будущем. Перспективы, открытые сельскому хозяйству, лишенному плодородной почвы, благодаря синтезированному белку, добытому на заводах при помощи биологических процессов, описаны так, что в то время могли показаться утопическими. Автор предвидит появление заводов, на которых будут изготавливаться предметы питания и синтетические ткани, растения будут употребляться только с декоративными целями, а фрукты только из-за их неповторимых ароматов. Он также предвидит, что человек будет управлять климатом и предугадывать урожаи. Таким образом, его нельзя упрекнуть в том, что он бежит от прогресса.

Наряду с умением смотреть вперед мы находим в этой последней работе целую программу, определяющую направление агрономических исследований в СССР, что лишний раз обнаруживает его глубокое знакомство с особенностями каждого района своей страны. Он подчеркивает значение изучения селекции растений, для того чтобы приспособить каждый род растений к вегетационному

104. Там же. С. 51.

105. Чаянов А.В. Возможное будущее сельского хозяйства // Жизнь и техника будущего: Социальные и научно-технические утопии. М.; Л., 1928. С. 260–285.

циклу, очень короткому в северных районах, различных методов борьбы с засухой в южных районах и т. д. Мы находим перечисление основных трудностей, с которыми встречались советские агрономы в последние десятилетия.

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

XV. Попытка синтеза научного вклада, сделанного Чайновым

Это хронологическое изучение большого охвата мыслей Чайнова приводит нас к выводу, насколько это возможно *a posteriori*, что все его работы заметно связаны одним стремлением — построения теории крестьянского хозяйства. Логические цепи и основные грани могут быть резюмированы следующим образом.

До начала нашего века аграрный вопрос, спор о котором возникал еще между славянофилами и западниками, затем между народниками и марксистами, рассматривался под углом зрения общественных отношений в сельском хозяйстве. Идеализации традиционной общины и мнению о ее жизнеспособности, которое высказывалось одними, противопоставлялись тезисы о дифференциации и пролетаризации деревни под влиянием капитализма. Организационно-производственная школа, наиболее выдающимся теоретиком которой стал после революции Чайнов, сосредоточивает спор не на общественных отношениях, а на формах организации крестьянского хозяйства. Он пытается доказать, что к категориям и способам производства, признанным Марксом (натуральное и рабовладельческое хозяйство, феодализм, капитализм, социализм), следует добавить еще одну категорию *sui generis* (особого рода): трудовое крестьянское хозяйство, отличное от капиталистического хозяйства («Zur Frage...»).

Тогда как для марксистов доминантная мотивация крестьянского хозяйства — максимальный доход, что по направлению и стремлению позволяло отнести его к капиталистической формации, Чайнов подчеркивает, что в крестьянском хозяйстве потребление, т. е. удовлетворение потребностей семьи — основная движущая сила. Отсюда он делает вывод, что установление фактора продуктивности крестьянского хозяйства, т. е. способа организации производственной единицы, подчиняется субъективным критериям («Организация [крестьянского хозяйства]»). С другой стороны, сравнение бюджетных данных крестьян и рабочих, как показали бельгийские, немецкие и швейцарские опросные листы, подтвердили, что тенденции потребления различные, что доказывает *a contrario* специфичность крестьянского хозяйства («Очерки...»).

От анализа различных типов хозяйств и теории крестьянского хозяйства автор переходит к различным системам хозяйства. Классическая теория основывалась на критериях земли, капитала и труда, чтобы характеризовать степень интенсификации сельского хозяйства района, и основывалась на законе убывающей произво-

дительности этих трех факторов, чтобы объяснить общую эволюцию разных систем в сельском хозяйстве. Работы Ф. Эрбо в Германии и Э. Лаура в Швейцарии позволили констатировать, что производственное направление хозяйства, т. е. его ведущая отрасль, больше значит для характеристики системы, чем комбинация производственных факторов. Это объясняет преимущество проведения анкетных исследований в отдельных секторах сельского хозяйства в России, где исследования Чаянова по льну, картофелю, хлопку, свекле, ирригации дополняют работы Челинцева и Бруцкуса, написанные в это же время. Но основная заслуга Чаянова — попытка синтеза основных факторов, определяющих эволюцию систем, а отсюда и социальных отношений в сельском хозяйстве.

Тюнен был одним из первых, кто показал определяющее влияние рынка на степень интенсификации сельскохозяйственного предприятия. Интенсификация уменьшается и направление предприятия изменяется по мере удаления от рынка, принимая в расчет затраты на транспортировку, местные цены и скоропортящийся характер съестных продуктов.

Учение Рикардо о земельной ренте, на которое опираются марксисты в своем анализе аграрной эволюции, помогает также рассматривать рынок как существенный фактор. Этим объясняется, что споры между легальными марксистами и социал-демократами о возможностях и признаках развития капитализма в России сконцентрировались на проблеме рынка¹⁰⁶. Рынок для этих последних должен был играть прогрессивную роль в преобразовании натурального крестьянского хозяйства. Без изменения рынка нельзя было надеяться на значительные изменения в организации хозяйства.

Немецкая историческая школа (Шмоллер) и вместе с ней некоторые русские теоретики, как Челинцев, пытаются доказать, что плотность населения играет более существенную роль в эволюции системы хозяйства, чем рынок. Чаянов, со своей стороны, пытается анализировать связи, которые устанавливаются между плотностью населения и формой организации. Он, однако, идет дальше, чем его предшественники, объединяя («Изолированное государство») эти два фактора: рынок и плотность населения. В натуральном хозяйстве интенсификация диктуется плотностью населения; но для того, чтобы эта интенсификация могла привести к специализации, т. е. к еще большей интенсификации, необходим рынок. Местные рынки могут возникнуть благодаря плотности населения района, но она не в состоянии объяснить появление далеко отстоящих рынков районной специализацией. Стало быть, эволюция сельского хозяйства не определяется единственным фактором и по этой

106. Ленин В.И. Развитие капитализма в России: Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности. 2-е изд. СПб., 1908. [См.: Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 3.]

причине общественные отношения внутри деревни сложны и разнятся друг от друга в разных районах.

Было бы, без сомнения, преувеличением считать, что если сегодня специфика крестьянского хозяйства знакома нам лучше как в плане техническом, так и экономическом¹⁰⁷, то вся заслуга принадлежит исключительно нашему автору. Германский ревизионизм¹⁰⁸, работы исторической школы — каждый принес свои кирпичи для построения этого здания. Но Чаянов захотел выйти из тупика, в который вели, с одной стороны, абстрактные обобщения классических или неоклассических (маржиналисты) теоретиков, с другой стороны, релятивизм исторической школы. Знание различных типов организаций и систем позволили ему протянуть мост между абстрактной теорией и историей.

Нет сомнения, что не все в положениях Чаянова было в одинаковой степени оригинально, но кто сегодня может оспаривать, что его основные положения, внушенные глубоким знанием действительности, могли бы облегчить некоторые преобразования и помочь крестьянству и сельскому хозяйству избежать множества испытаний, через которые им с тех пор пришлось пройти.

Доказательством этому служит то, что с течением времени марксистская советская школа подходит с гораздо большей нюансировкой, а подчас и близко к мыслям Чаянова, которые около сорока лет тому назад ставились ему в вину. В заключение нам кажется полезным напомнить превратности критики, которая имела место в отношении нашего автора.

XVI. Русская критика теории Чаянова

Среди левых экономистов, не принадлежавших к партии большевиков, С.Н. Прокопович пользовался, по крайней мере, не меньшим

107. R. Barre, *ct. Manuel: d'économie politique*. Paris, P.U.F., t. 1, 1956, p. 359, collection Themis.

108. «Der moderne Kapitalismus» переведен на русский язык в 1905 году; для В. Зомбарта «разнообразие структур крестьянского хозяйства является наибольшим, потому что единообразие капиталистического мотива уступает место многообразию потребностей и потому, что крестьянское хозяйство может легче уклониться от действия рынка» (*Sombart W. Aropée du capitalisme*, t. II, p. 475). По словам Н. Макарова (Ук. соч.), Чаянов, как ему представляется, перенес тип «докапиталистической» потребительской (ремесленной) экономики Зомбарта на крестьянскую экономику. Однако это утверждение не подтверждается анализом работы нашего автора, который никогда не цитировал Зомбарта. [Говоря о влиянии германского ревизионизма на теорию крестьянского хозяйства в России, следовало бы отметить работы Ф. Герца, Э. Давида и др., которые в начале XX века произвели сильное впечатление на экономистов народного направления из поколения учителей Чаянова, см.: *Карышев Н.А.* Из литературы вопроса о крупном и мелком сельском хозяйстве. М., 1905.]

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

влиянием, чем Чаянов. Вот почему реплика Прокоповича в «Крестьянском хозяйстве» на «Очерки» его разочаровала¹⁰⁹. Она была несоразмерна с притязаниями Чаянова. Работа не содержала новой теории крестьянского хозяйства, это был сборник более или менее логически связанных исследований по различным аспектам крестьянской экономики до революции. Прокопович хотел доказать, что то, что называлось «субъективной» концепцией крестьянского хозяйства, т. е. его существенная мотивация, направленная на потребление (позиция Чаянова), — «не была несовместимой с объективной концепцией», которая считала, что решающими были категорические требования производства (позиция марксистов).

Чтобы установить синтез этих двух течений, Прокопович, так же как и Чаянов, употребил бюджетные данные, устанавливая коэффициенты корреляции, которые обнаруживают, как он считает, соотношения между землей, капиталом и трудом. Он пробует доказать, что факторы производительности, и особенно земля, которой пользуется крестьянин, имеют более сильный коэффициент корреляции по отношению к уровню семейного дохода, чем к числу ртов, требующих питания. Поэтому он отвергает теорию о том, что потребительские потребности определяют размеры крестьянского хозяйства (с. 36). Он не считает, однако, крестьянское хозяйство однородным с капиталистическим хозяйством, но он ставит под сомнение критерий дифференциации, предложенный Чаяновым (с. 41). К несчастью, конструктивная часть его работы грешит употребленным им методом корреляции. Теперь мы лучше знаем опасность применения этого метода.

Также Бруцкус, профессор Аграрного института в Петербурге с 1907 по 1922 г.¹¹⁰, эмигрировавший в Берлин в то же время, что и Прокопович, занимает в своем труде по экономике сельского хозяйства¹¹¹ среднюю позицию между Чаяновым и марксистской школой: крестьянское хозяйство «предназначено удовлетворить потребностям хозяйствующей семьи и вообще извлечь наибольший доход из земли на основе наилучшего использования труда хозяина и его семьи»¹¹².

109. Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство. Берлин, 1924. — 246 с.

110. Б.Д. Бруцкус преподавал на Петербургских (Каменноостровских) сельскохозяйственных курсах, которые после революции трансформировались в Петроградский сельскохозяйственный институт. — *Ред.*

111. Бруцкус Б.Д. Экономика сельского хозяйства. Народнохозяйственные основы. Берлин, 1923. — 360 с. [Пг., 1924. С. 205] Челинцев приветствовал эту книгу в качестве первого крупного трактата, сожалея о том, что многочисленные и ценные работы Чаянова не образуют полноценного курса.

112. В вопросе о преимуществах кооперированного мелкого хозяйства Бруцкус присоединился к Чаянову; подобно ему, он был знаком с теориями предельной полезности и производительности. В анализе динамики социальной эволюции позиции Прокоповича и Чаянова также идентичны (Прокопович С.Н. Крестьянское хозяйство. С. 157–192).

Работы Чаянова, появившиеся после «Die Lehre...» (1923), имели лишь малый отклик в среде русских эмигрантов, где находилось некоторое количество его прежних друзей ([А.А.] Чупров, [В.А.] Косинский). Напрасны поиски хотя бы одной заметки в журнале, издаваемом в Праге под заглавием «Вестник крестьянской России» под редакцией С. Маслова.

Только в недрах Института сельскохозяйственной экономики, где директором был Чаянов, нужно искать отзвуки дискуссий, возникших в связи с несогласием с положениями Чаянова его ближайших сотрудников. Например, Г.А. Студенский в своей работе о земельной ренте, напечатанной в этом институте¹¹³, нападает на концепции своего директора на этот счет. Следует напомнить, что Чаянов, не отрицая существования ренты в крестьянском хозяйстве, считал, что она не изолирована от общего дохода, получаемого от работы крестьянской семьи. Студенский пытается предложить метод, который позволил бы вычитать ренту в крестьянском хозяйстве, согласно работе [А.Л.] Вайнштейна об арендных платежах¹¹⁴.

Его цель состоит в том, чтобы прийти к принципам такой налоговой политики, которая позволяет изымать ренту, оставляя нетронутым вознаграждение за труд и капитал¹¹⁵. Вместе с Чаяновым он желает во всяком случае, чтобы благодаря земельному налогу механизмы рынка могли играть роль стимуляторов интенсификации сельскохозяйственного производства без того, чтобы привести его в расстройство.

Позднее, в 1928 г. вопрос ренты снова встанет в дискуссиях Института по поводу закона убывающей производительности в сельском хозяйстве (Челинцев выступит против Чаянова, который примет точку зрения марксистов). Но именно проблема социально-экономической дифференциации крестьянства вызвала самый большой взрыв в стенах Института и спровоцировала, по словам [М.В.] Сулковского¹¹⁶, настоящий раскол в недрах «организационной» школы в 1927 г. Макаров и Кондратьев придерживались того взгляда, что социально-экономическая дифференциация в деревне прогрессивна, так как она развивает производительные силы крестьянства, в то время как Чаянов, поддерживаемый Челинцевым, берет под сомнение это утверждение и не признает прогрессивно-го характера развития «капитализма» в крестьянском хозяйстве,

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

113. *Студенский Г.А.* Рента в крестьянском хозяйстве и принципы его обложения / Труды НИИСХЭ. Вып. 15. М., 1925. — 113 с.

114. *Вайнштейн А.Л.* Обложение и платежи крестьянства. М., 1924.

115. Чаянов решает эту же проблему в работе «Сельскохозяйственная таксация» (М., 1925. — 186 с.).

116. *Сулковский М.* Эволюция и распад неонародничества // На аграрном фронте. 1929. № 11–12. С. 84.

предпочитая сельское хозяйство, основанное на мелком крестьянском хозяйстве, организованном в кооперацию¹¹⁷.

Оппозиция партийных марксистских теоретиков положениям Чаянова обнаружилась очень рано (мы уже указывали на предисловие к «Ивану Кремневу»). Автор сам перечислил во введении к «Организации» основные аргументы, выставленные марксистской школой против его теории крестьянского хозяйства.

1. *Метод, используемый Чаяновым*, немарксистский. Чаянов рассматривается как эпигон австрийской школы маржиналистов. Маржиналистская теория основана на преобладающих рыночных ценах, и ценность субъективно оценивается в соответствии с потребностями. Но для марксистов цены — это только переменные, определяемые уровнем производственных сил и изменяющиеся в зависимости от производительности труда¹¹⁸, а ценность, наоборот, имеет объективное содержание. Крицман, в частности, ставит Чаянову в вину (предисловие к «Очеркам», 1924 г.), что он не принимает во внимание материальные производительные силы как фактор развития крестьянского хозяйства. [Г.] Меерсон продолжает¹¹⁹: значение деятельности измеряется трудом и средствами производства (а не только трудом), потому что средства производства распределяются неравномерно и происходит перераспределение самой рабочей силы, как это показал Маркс во «Введении к политической экономии».

2. *Крестьянское хозяйство борется как статическая величина*, независимая от окружающей его среды. Школа Чаянова как будто не замечает, что крестьянское хозяйство борется с капитализмом и становится жертвой социально-экономической дифференциации. «Развитие капитализма в России» служит образчиком для советских марксистов, чтобы иллюстрировать разложение крестьянства. По их словам, Чаянов смешивал середняков и кулаков в одну группу (владеющих более чем 15 гектарами), тогда как дальнейшее деление крестьян по размерам хозяйства показало бы, что аренда земли и применение наемного труда чаще встречаются в хозяйствах с 25 гектарами и более. С другой стороны, в этих категориях численность семьи увеличивается гораздо быстрее, чем в тех хозяйствах, из которых работники должны уходить на отхожие промыслы из-за недостатка земли.

Неверно утверждать, что мелкое хозяйство благодаря своим специфическим преимуществам может бороться с капиталистиче-

117. Мы знаем эту дискуссию лишь в общих чертах по цитатам, используемым партийными теоретиками в их нападках на школу Чаянова.

118. Гордеев Г. Рец. на И.Г. Тюнен «Изолированное государство» // На аграрном фронте. 1927. № 4. С. 162–171.

119. Меерсон Г. Семейно-трудова теория и дифференциация крестьянства на заре товарного хозяйства (статья 1) // На аграрном фронте. 1925. № 3. С. 33–52.

ским хозяйством. Это рассуждение, которое строится у Чаянова на предположении одинакового технического уровня этих двух секторов, опровергается действительностью. Капиталистические предприятия владеют более высокой техникой и получают более высокую прибыль. Неспособность мелкого хозяйства использовать технический прогресс или недоиспользование инвентаря, на которое оно осуждено в силу своих размеров, является подтверждением противоречия между этой социально-экономической формой и производительными силами¹²⁰. Так же точно во имя технического прогресса партийные теоретики опровергали теорию «оптимальных размеров» нашего автора, ставя ему в упрек игнорирование зависимости эволюции оптимальных размеров от этого прогресса и неумение различать оптимальные размеры предприятия от оптимальных размеров обрабатываемых земель¹²¹.

3. Чаянов идеализирует крестьянское хозяйство, наделяя его благожелательной мотивацией. Реальность показывает, что психология крестьянина не отличается от психологии предпринимателя. Идеализация черт мелкой буржуазии служит оправданием для защиты кулака¹²². «Неонародничество» продолжает идеологию, которую породила Столыпинская реформа, предлагая «американский» путь развития, т. е. без революции. Говоря иначе, своими положениями Чаянов стремится кристаллизировать крестьянское хозяйство при помощи кооперации и помочь более эффективным элементам крестьянства, понимаемым им как «прогрессивные» течения¹²³.

Школа в некоторой степени приняла дореволюционные положения социал-демократов, которые рассматривали развитие капитализма в сельском хозяйстве как неизбежное, даже желательное при переходе к социализму. Но в этом неонародники остаются на положениях народников, они продолжают считать, что крестьянское хозяйство способно прийти к социализму без насильственной коллективизации и что образование больших производственных кооперативов не имеет будущего, за исключением некоторых районов, в которых механизированное на 100% экстенсивное сельское хозяйство окажется возможным.

120. См. предисловие Крицмана к изданию «Очерков [по экономике трудового сельского хозяйства]» 1924 года.

121. Сулжовский М. Рец. на А.В. Чаянов. Оптимальные размеры сельскохозяйственных предприятий // На аграрном фронте. 1928. № 4. С. 145–149.

122. Упрек, нацеленный в большей мере на Кондратьева, чем на Чаянова (Верменичев И. Классовое расслоение крестьянства и классовые позиции буржуазных и мелкобуржуазных теоретиков // На аграрном фронте. 1927. № 4. С. 78–87).

123. Сулжовский М. Эволюция и распад неонародничества // На аграрном фронте. 1929. № 11–12. С. 76–96.

Б. Кербле

А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

С момента ликвидации правого уклона в недрах партии¹²⁴ разрыв между Чаяновым и его противниками становится непреодолимым. Критика, которая вначале была сравнительно дружественная, становится нетерпимее, начиная с 1929 г. Она становится политической, и Чаянов обвиняется в 1930 г. в контрреволюционных действиях¹²⁵.

XVII. Актуальность Чаянова и эволюция общественных наук в СССР

Идеи Чаянова его пережили, и многие вопросы, поставленные в 1920-х годах нашим автором, получают сейчас новое освещение. Было бы, без сомнения, преувеличением предполагать, что с политической стороны официальная точка зрения изменилась. Также было бы несправедливым не признать ощутимую эволюцию советских положений с точки зрения научной, как в исторических исследованиях, так и в сфере сельскохозяйственной экономики.

Самые интересные исследования молодой школы советских историков, касающиеся проблемы аграрного развития России в XX в.,

124. *Куликов П.* Оппортунистическая путаница о совхозах // На аграрном фронте. 1931. № 1. С. 136. Но Николай Бухарин опровергал свою принадлежность к этим «мелкобуржуазным рыцарям, «защищающим» сельское хозяйство от всяких долевых отчислений в пользу индустрии, [которые] стоят... на точке зрения увековечения мелкого хозяйства, его убогой техникой, его «семейной» структуры, его узенького культурного горизонта... Идеологи мелкобуржуазного консерватизма не понимают, что развитие сельского хозяйства зависит от индустрии» (Заметки экономиста // Правда. 30 октября 1928). [*Бухарин Н.И.* Избранные произведения. М.: Политиздат, 1988. С. 399–400.]

125. «Группа буржуазных и мелкобуржуазных ученых в СССР типа Кондратьева, Юровского, Дояренко, Огановского, Макарова, Чаянова, Челинцева и др., с которыми блокировались Громан, Суханов, Базаров и др., олицетворяла собой антимарксистское направление в области сельскохозяйственной экономики. Это — «последние могикане» буржуазной, мелкобуржуазной, всевозможных оттенков народнической идеологии в области аграрного вопроса. В настоящее время вся эта группа разоблачена как руководящая верхушка контрреволюционной, вредительской организации, прямой своей задачей поставившей свержение советской власти...» (*Верменичев И.* Буржуазные экономисты как они есть (кондратьевщина) // Большевик. 1930. № 18. С. 38). По мнению того же автора, эта организация намеревалась замедлить темпы роста сельскохозяйственного производства и содействовать развитию капиталистических элементов в сельских районах. Эти ученые были бы вдохновителями правого уклона, который стремился изменить линию партии в направлении буржуазной идеологии. Эти обвинения основаны на «признаниях» профессора Каратыгина, который, как утверждается, признал, что участвовал в организации с целью торпедировать снабжение рабочих (Там же). Следовательно, этим ученым вменялись в вину трудности в сборе урожая, но в отсутствие публичного судебного разбирательства обвинения, которые были выдвинуты против Чаянова, неизвестны.

выражаются в анализе развития капитализма в русском сельском хозяйстве перед революцией и социального состава русской деревни после нее. Не входя в детали дискуссии, далеко еще не оконченной¹²⁶, у некоторых историков, как А.М. Анфимов¹²⁷, можно констатировать желание углубить изучение экономических форм в русском сельском хозяйстве в начале XX в., которое переходит границы ленинских работ. Применяя более тонкие критерии и отмечая различные районы эволюции¹²⁸, он стремится, с одной стороны, отделять крупное (помещичье) капиталистическое хозяйство от крестьянского хозяйства и, с другой стороны, выделить в высших слоях крестьянства группы, которые переходят к капитализму, используя наемную рабочую силу, в отличие от тех, кто не пользуется наймом рабочей силы. Таким образом, в конечном итоге он стремится уменьшить значение аграрного капитализма.

Также более свежие исторические работы, касающиеся социальной структуры российской деревни 1920-х годов до коллективизации, имеют тенденцию подчеркнуть значение *среднего* крестьянства. И. Малый цитирует речь Ленина на X съезде партии (1921 г.): «Крестьянство стало гораздо более средним, чем прежде, противоречия сгладились, земля разделена в пользование гораздо более уравнительное... данные статистики указывают совершенно бесспорно, что деревня нивелировалась, выравнилась т. е. резкое выделение в сторону кулака и в сторону беспосевщика сгладилось. Все стало ровнее, крестьянство стало в общем в положение середняка»¹²⁹. Тот же автор упоминает работу В.[С.] Ястремского¹³⁰, который показывает очевидность корреляции между разме-

Б. Кербле

А.В. Чайнов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

126. *Рубинштейн Н.Л.* О разложении крестьянства и так называемом первоначальном накоплении в России // Вопросы истории. 1961. № 8; Он же. О мелкотоварном производстве и развитии капитализма в России XIX века // История СССР. 1962. № 4. С. 66–86; *Ковальченко И.Д.* Об изучении мелкотоварного уклада в России XIX века // История СССР. 1962. № 1. С. 74–93; *Рындзюнский П.Г.* О мелкотоварном укладе в России XIX века // История СССР. 1961. № 1; *Яцунский В.К.* Еще к вопросу о возникновении капиталистического расслоения сельскохозяйского крестьянства в дореформенной России // История СССР. 1963. № 1. С. 119–141; *Анфимов А.М.* О мелком товарном производстве в сельском хозяйстве пореформенной России // История СССР. 1963. № 2. С. 141–160.

127. *Анфимов А.М.* К вопросу об определении экономических типов сельскохозяйственного хозяйства // Вопросы истории сельского хозяйства, крестьянства и революционного движения в России. М., 1961. С. 362–379.

128. Анфимов использовал Старобельские бюджеты 1913 года, так же как и потребительскую концепцию крестьянского хозяйства (Ук. соч. С. 367), но Чайнов не был назван. [В переводе О.Э. Гуревич это примечание было перемещено в основной текст статьи.]

129. *Малый И.* Вопросы аграрной статистики в послеоктябрьских трудах В.И. Ленина // Вестник статистики. 1964. № 4. С. 16.

130. *Ястремский Б.* Связь между элементами крестьянского хозяйства в 1917 и 1919 гг. // Вестник статистики. 1920. № 9–12. С. 51–53.

рами хозяйства и составом семьи. Вот еще одно из основных положений Чаянова, которое всплывает на поверхность.

Исследование социальной структуры советского сельского хозяйства В.[Н.] Яковцевского¹³¹ в 1921–1925 гг. также подчеркивает роль середняка, помещенного в рубрику не капиталистического, а «мелкотоварного хозяйства». Отсюда до того, чтобы считать крестьянское хозяйство специфической категорией, — один шаг.

Кажется, этот шаг был сделан экономистами. Действительно, недавно вышедший «Курс политической экономии», изданный Московским университетом под редакцией Н.А. Цаголова (2 тома, 1963 г.), содержит в главе о земельной ренте целый параграф, посвященный ренте в крестьянском хозяйстве (т. 1, с. 452), в которой некоторые фразы легко могли быть подписаны Чаяновым. «Мелкотоварное крестьянское хозяйство не имеет в качестве побудительного мотива возрастание стоимости, условием его функционирования не является получение средней прибыли, регулирующая цена крестьянского хозяйства не обязательно должна быть равна цене производства. В крестьянском хозяйстве нет издержек производства (с + v): оно не покупает рабочей силы. Новая стоимость, прибавляемая трудом крестьянина, не распадается на какие-либо части, ибо здесь нет оплаченного и неоплаченного труда. И тем не менее, поскольку господствует капиталистический способ производства, категории капиталистического хозяйства условно могут быть применены и к крестьянскому хозяйству»¹³². Говоря иначе, как будто допускают, что крестьянское хозяйство отличается от капиталистической формы производства и что употребление капиталисти-

131. В сборнике, изданном под редакцией И.А. Гладкова, «Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг.» (М., 1960. С. 267–380). В другом сборнике, «Построение фундамента социалистической экономики в СССР. 1926–1932» (М., 1960), тот же В. Яковцевский приводит следующие статистические данные в поддержку своего тезиса (Построение... С. 272):

Динамика социальной эволюции в деревне, %		
Группы	Перед революцией	1928–1929
Бедняки	65	35
Середняки	20	60
Кулаки	15	5

Автор добавляет: «Наша статистика не дает обобщенных сведений о распределении посевных площадей, урожайности, валового и товарного продукта по основным социально-экономическим группам крестьян. ...Один показатель — размер посевной площади — не определяет принадлежности крестьянского хозяйства к той или иной социально-экономической группе...» (Советское народное хозяйство в 1921–1925 гг. С. 274).

132. Курс политической экономии: в 2 т. / Под ред. Н.А. Цаголова. Т. 1. М., 1963. С. 452.

ческой концепции [концептов теории капитализма] в этом случае может быть только условным.

В советской экономике сегодня более решительно отдается предпочтение математическим методам, благодаря работам [Л.В.] Канторовича, [В.С.] Немчинова и [В.В.] Новожилова понятия редкости и маржинального расчета видоизменяют или подрывают как марксистскую теорию стоимости, так и практику экономического выбора. В этой ревизии, противоречия которой перерастают область сельскохозяйственной экономики, интересно отметить роль, которую играют прежние сотрудники Чайанова: вышеупомянутый В.С. Немчинов и А.Л. Вайнштейн, который сейчас работает в Экономико-математическом институте Академии наук¹³³.

Применение маржинального расчета к сельскому хозяйству вновь ставит проблемы оптимальных размеров предприятий и локализации производства, которые волновали Чайанова в 1920-х годах. Знаменательно, что работы, недавно осуществленные в этой области¹³⁴, повторяют некоторые работы нашего автора. Так, И.А. Бородин, чтобы вывести размеры хозяйства, прибегает, улучшая их, к выводам Чайанова в его статье о совхозах (Экономическое обозрение. 1929. № 12): «Вопрос об оптимальных размерах совхоза и его подразделений решается одновременно с вопросом о правильном размещении отделений, ферм по территории совхоза»¹³⁵. Что касается оптимальных размеров подразделений совхозов, они варьируются согласно типам культур: 2500–3000 гектаров для районов Поволжья, 100–120 гектаров (Северо-Запад) — 300–400 гектаров (Центральный район) для интенсивных культур (овощи). Мы находим параметры, схожие с теми, которые предлагал Чайанов в 1922–1928 годах.

Эта эволюция общественных наук в СССР, в областях, более или менее близких крестьянскому хозяйству, не говорит, конечно, о том, что официальная политика как-то изменилась. Обоснованность коллективизации и борьбы с кулаками не ставится под сомнение. Только темп преобразований и методы, практиковавшиеся Сталиным, сегодня строго осуждаются некоторыми историками, которые занимаются историей этого периода¹³⁶. Вот почему нам

Б. Кербле

А.В. Чайанов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 г.: на перекрестке

133. В оригинале: в Бюро эконометрики и экономических моделей. — *Ред.*

134. О применении линейного программирования к разработке плана регионального распределения производства см. работу А.Г. Аганбегяна, В.С. Михеева и И.Г. Попова в издании: Проблемы оптимального планирования, проектирования и управления производством: Труды теоретической конференции, состоявшейся на экономическом факультете МГУ в марте 1962 г. М., 1963. С. 373–409.

135. Об оптимальных размерах совхозов // Вопросы экономики. 1963. № 12. С. 50. См. также: Вопросы рациональной организации и экономики сельскохозяйственного производства. М., 1964. С. 261–328.

136. В.П. Данилов и Н.А. Ивницкий в книге «Очерки истории коллективизации сельского хозяйства в союзных республиках» (Сборник статей / Под ред. В.П. Данилова М., 1963. С. 3–67).

кажется, что назрел вопрос о реабилитации Чаянова, даже в том случае, если некоторые вопросы, поставленные им, решаются сегодня другими путями.

Не является ли жизненность некоторых его идей лучшим проявлением признательности, которую можно было бы оказать сегодня Чаянову? Несмотря на то что во многих случаях наш автор отдавал предпочтение традиционному крестьянскому хозяйству, а не индустриальной агрикультуре завтрашнего дня, труды Чаянова помогают понять проблемы, которые ставила природа русского крестьянского хозяйства в период, предшествовавший коллективизации, в особенности его работа по «организации крестьянского хозяйства», представляющая собой перекресток эволюции аграрной мысли его страны, мимо которого невозможно пройти.

Базиль Кербле
Париж, 1964

A.V. Chayanov. Evolution of the Russian agrarian thought from 1908 to 1930: At the crossroads

Basil Kerblaye

Alexander Chayanov is a well-known scientist to the generation of agronomists and economists who immediately after the Stolypin reform and before collectivization took the responsibility for rebuilding the traditional peasant economy in a new way and for creating personnel for this new agronomy. However, the name of Chayanov was almost forgotten both in the USSR and in the West. We decided to devote several pages to his memory not only because the works of Chayanov (sixty books and brochures not to mention many journal articles, dozens of studies and speeches on agronomical issues in Russia in the era of revolution) are theoretically and practically mature, but also because, as Daniel Thorner showed, the questions that Chayanov raised 30 years ago are still relevant for developing countries with the dominant peasant economy. Even in the USSR, as we see in the conclusion of the article, the problems identified by Chayanov have not been solved yet. Thus, Chayanov's thoughts are a crossroads for meeting of historians and researchers of Slavic countries who study the development of agrarian thought in Russia in the early 20th century. Economists and sociologists will find in the Russian experience both theory of peasant economy and answers to specific questions.

Key words: A.V. Chayanov, rural Russia, peasant studies, interdisciplinary research, agrarian policy, Russian revolution, collectivization.

Базиль Кербле — исследователь России

А. Берелович

Алексис Берелович, Университет Париж — Сорбонна (Париж IV). Франция, Париж 5 округ, рю Виктор-Кузен, 1. E-mail: a.berelowitch@gmail.com

Статья рассказывает о вехах научной биографии крупного французского социолога и историка XX века, профессора Сорбонны Базиля Кербле. Анализируются основные темы работ Кербле — история России, социология позднего советского общества — в контексте дискуссий западной советологии 1960–1970-х годов, споров «тоталитаристов» и «ревизионистов». Отличительными чертами работ Кербле называется широта кругозора, компаративистский подход к исследованиям по истории России, свобода научного мировоззрения от идеологической предвзятости. Подчеркивается значение Кербле как одного из первых биографов, исследователей и издателей трудов А.В. Чаянова по теории крестьянской экономики.

Ключевые слова: социология, крестьяноведение, советология, Кербле, Чаянов

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-69-77

По всей вероятности, имя Базиля Кербле (Basile Kerblay) мало что говорит российским историкам или социологам, и даже крестьяноведам. Если они о нем что-то и слышали, то только как об «открывателе» А.В. Чаянова, что, конечно, не так уж мало. Но помимо этой заслуги он был, без сомнения, лучшим знатоком Советского Союза во Франции.

Начну с нескольких фактов его биографии¹. Мать его, урожденная Керблаи (ее отец был перс, и она снова взяла свою девичью фамилию, когда переехала с сыновьями во Францию; Базиль носил фамилию матери, по-французски она произносится Кербле или Керблэ), эмигрировала из России после революции 1905 года во Францию, а потом очутилась в Болгарии, где и вышла замуж. И так Базиль Кербле родился в мае 1920-го в Болгарии. Позднее он с матерью переехал во Францию, где окончил Институт политических наук и Школу восточных языков, получив юридическое и экономическое образование. Мы можем констатировать, что уже в годы учебы Базиль Кербле проявил ту многосторонность интересов, которая стала впоследствии одной из его отличительных черт. Его работы всегда были, как подчеркивает М. Левин в своей статье

1. Базиль Кербле рассказал немного о себе в письме своей бывшей студентке (Кербле, 2008: 12–16).

о нем, междисциплинарны: они могли равно заинтересовать и социолога, и историка, и антрополога (Lewin, 2004).

Некоторое время после окончания учебы Кербле работал экспертом при ООН, потом при французском МИДе, но несколько лет спустя выбрал для себя чисто академическую карьеру преподавателя и исследователя. После *Ecole pratique des hautes études* (Практическая школа высших исследований) и Института политических наук, начиная с 1970-го и до пенсии в 1984 году, он преподавал в Отделении славистики Университета Париж-Сорбонна. Его лекции запомнились студентам и аспирантам ясностью изложения и оригинальностью подхода. Он не подавлял собеседника своей культурой, своими поистине энциклопедическими знаниями России и Советского Союза, и не только. Базиль Кербле всегда был доступен и доброжелателен, что не мешало ему быть требовательным (каким он был по отношению к себе), когда дело касалось науки.

В отличие от большинства специалистов по Советскому Союзу, Кербле прекрасно знал и историю России предыдущих периодов. Многие его статьи касаются или собственно XIX века или же рассматривают поставленную проблему начиная с XIX века. Действительно, даже если он осознавал глубину разрыва 1917 года, он одновременно видел и постоянные черты в истории России, особенно в том, что касалось «крестьянской цивилизации» (это его выражение), для которой главным переломом стал не 1917, а 1929 год.

Близость Кербле к так называемой «школе Анналов» объясняется и ее многодисциплинарностью (история, антропология, социология), и его вниманием к «долгому времени» (*le temps long*), которое мы видим, например, в его статьях о рождаемости и брачности в селах вблизи Коломны с 1861 по 1961 год или о пище крестьянина с 1896 по 1960 год (Kerblay, 1962; Кербле, 2008: 82–114).

Знания Базилья Кербле не ограничивались Россией — Советским Союзом, и это придавало ему тот широкий кругозор, которого так часто не хватает специалистам по России. Он постоянно сопоставлял наблюдаемые им процессы в России — будь то распространение грамотности, сельская миграция или модернизация — с аналогичными процессами в других странах, от Японии до Франции, вписывая их, таким образом, в то, что теперь называют глобальной историей. Прибегая к сравнениям и сопоставлениям, он мог лучше анализировать советское общество и, кроме того, решать очень важную, я бы даже сказал, этическую задачу: напоминать — а это было необходимо по отношению к читателям 1970-х годов, — что жители Советского Союза принадлежат роду человеческому. «Мужчины и женщины, живущие на другом берегу, принадлежат к тому же человечеству, что и мы», — писал он в своей книге «Советские люди в 80-е годы», созданной совместно с экономистом Мари Лавинь (Kerblay, Lavigne, 1985).

В многочисленных статьях, посвященных памяти Базиля Кербле после его кончины в феврале 2004 года, лейтмотивом повторяется определение его как свободного человека. Что имелось в виду? Чтобы ответить на этот вопрос, надо вспомнить, что представляла собой советология во Франции. Как пишет автор одной из этих статей, «это было заминированное поле». Пока существовал Советский Союз, отношение к нему и определение природы советского режима были теснейшим образом связаны с политическими позициями во Франции. Была позиция ортодоксальных коммунистов, которые, несмотря на некоторую критику линии КПСС после 1968 года и вторжения советских войск в Чехословакию, продолжали видеть в лице Советского Союза хоть и не идеальное, но все-таки социалистическое государство. Были «леваки», считавшие, что в Советском Союзе не социализм, а капитализм. Среди «правых» были те, кто видел в Стране Советов просто продолжение российской империи, а также те, кто видел в ней осуществление социализма и, стало быть, живое, наглядное доказательство порочности социалистической идеи. Советский Союз, по их мнению, должен был либо развалиться на куски в страшных конвульсиях, либо, наоборот, захватить весь мир, если Запад не даст ему отпор². Все это дебатировалось в СМИ, где советологи выступали в роли экспертов. При этом в общественном мнении доминировало представление о Советском Союзе как о большом лагере. В среде историков на это еще накладывалось деление на «тоталитаристов» и «ревизионистов». Первые (чаще всего правых убеждений) сводили всё к политической власти, которая держала население под тотальным контролем; вторые (скорее левых взглядов) всё объясняли при помощи социальных движений и сводили роль власти к минимуму.

Этот достаточно длинный экскурс был мне нужен, чтобы объяснить, как Базиль Кербле — почти единственный — сумел остаться свободным от всех этих школ, течений, групп и кланов. Во-первых, он держался в стороне от всяких СМИ, говоря, что «надо или интервью давать, или со студентами заниматься», как вспоминает его бывшая аспирантка, а ныне профессор в Университете Париж-Сорбонна Мирьям Дезэр. Но главное не это. Он строил свои работы таким образом, что снимал необходимость втискивать свой материал в прокрустово ложе априорных схем. Этот свой подход он несколько раз эксплицирует, например, в своей книге «*La Société soviétique contemporaine*» («Современное советское общество»)³.

-
2. Любопытно, что когда Советский Союз действительно рухнул, никто, за исключением Кербле, не стремился пересматривать заново свои теоретические конструкции, сопоставляя их с реальностью (см.: Kerblay, 1989b).
 3. Само заглавие книги уже шло вразрез с позицией тех учёных, которые считали, что так как Советский Союз тоталитарное государство, то там не может быть общества по определению.

«...Наш подход, — пишет он, — состоит в том, чтобы исходить из первичных фактов социальной реальности <...>; микросоциология будет [в нашей работе] предшествовать анализу структуры социальных отношений и политических институтов, характеризующих общество в целом <...>, и только к исходу нашего пути мы зададим себе вопрос о природе этого общества <...>. Мы не хотим заранее предрешать, какова социальная система Советского Союза, облачая ее в узкое платье идеологии <...>. Эмпиризм нашего подхода диктуется стремлением избежать всякого догматизма» (Kerblay, 1977). У Базиля Кербле это была не просто декларация принципов, но постоянный метод работы.

Например, в статье о социологии в Советском Союзе, которую ему заказали для сборника, посвященного общественным наукам в СССР, он написал не о социологии, а о социологах, объяснив свой выбор следующим образом: «...Чтобы не сталкиваться с необходимостью давать предварительное определение тому, что называют социологией в СССР, мы предпочли рассмотреть деятельность тех, кто присваивает себе звание социолога». В конце статьи, отвечая на вопрос, заданный самому себе в ее начале, он заключает: «[советская] система вбирает то, что в социологии приемлемо для ее идеологии, и то, что укрепляет технократию [он рассматривал среди прочего работу «социологов» на предприятии], но отбрасывает все, что может походить на критическую социологию» (Kerblay, 1985b).

Каждый раз, когда ему надо вернуться к определению советского режима, он дает различные возможные подходы к этому определению (экономический, культурный, социальный), и для каждого подхода анализирует, что он дает, насколько работает или не работает, как сочетается с другими.

Так, в своей книге, написанной в соавторстве с Мари Лавинь, он последовательно объясняет, почему не оперирует понятием «социальные классы», а предпочитает говорить о «социальных водоразделах» (*fractures sociales*), затем — почему в обществе, иерархичном сверху донизу, где все одновременно и подчиняют и подчиняются, не годится биполярность понятия «доминирующие/доминируемые» (*dominants/dominés*), и заканчивает тем, что отбрасывает интерпретации советского общества через призму тоталитаризма, — потому что это понятие, которое предполагает тотальный контроль власти над обществом, мало вяжется с наблюдаемым реальным обществом, где преобладает пассивность и аполитичность.

Кербле, как, например, в упомянутой статье о советских социологах, всегда начинает с человека, но, конечно, не с человека вообще, а с человека социального, включенного в историю, в культуру, в институты. Как он сам говорит, «общий знаменатель... нашей работы — это обычно люди, а не бог вещь какая теоретическая или мифическая конструкция, будь она хоть идеальной моделью, хоть пугалом». «И, — продолжает он далее, — люди, живущие

на другом берегу, принадлежат к тому же человечеству, что и мы» (Kerblay, Lavigne, 1985: 7). Эта его благожелательность по отношению к людям, основанная на четких моральных принципах, несколько не оставляет за рамками его работы несвободу, произвол, ужасы коллективизации и Большого террора. Она не затемняет нравственные суждения автора, когда он их считает необходимыми. Но, как сказано на обложке упомянутой выше книги, авторы старались писать как без ненужной агрессивности, так и без попустительства, и они надеются, что читатель оценит их тон, когда они затрагивают болезненные сюжеты без той агрессивности, которая так модна в наши дни. Это пристальное внимание к людям опиралось у Базиля Кербле на представление об истории не как о неизбежном осуществлении неких незыблемых «законов истории», но как о результате выбора между разными траекториями, который всякий раз делается людьми.

В заключительной главе своей книги «Современное советское общество» он пишет: «...Будущее советского общества, как и всякого общества, по нашему мнению, не связано с экономическим детерминизмом или же неизбежными социальными процессами... История будущего, как и история прошлого, вписывается в понятие выбора» (Kerblay, 1977). Поэтому даже если — а это было так — он не писал историю в сослагательном наклонении, он подчеркивал сделанные в свое время выборы, как, например, отказ от развития сельского хозяйства через кооперацию и выбор коллективизации, то есть нового закрепощения крестьян, которое обернулось катастрофой не только для самого крестьянства, но и для Советского Союза в целом.

Так как Кербле постоянно работал в области истории и социологии, он всегда рассматривал общество в его развитии, а не как застывшую структуру. Чтобы убедиться в этом, достаточно посмотреть заглавия его статей, где часто встречается слово «эволюция». Он рассматривал все социальные явления с их историей в прошлом и старался увидеть в настоящем признаки их возможной будущей эволюции. Так, в своей книге о Советском Союзе 1970-х годов он увидел признаки глубоких изменений в якобы «замороженном» обществе. По той же причине одновременно со своими исследованиями по истории России он всегда очень быстро откликался на то, что происходило, будь то появление нового устава колхозов в 1969 году (статья «Le nouveau statut des kolkhoz») (Kerblay, 1969), будь то перестройка, о которой он написал свою последнюю книгу «La Russie de Gorbatchev» («Россия Горбачева») (Kerblay, 1989a)⁴.

Главной темой исследований Базиля Кербле было крестьянство в России (и позднее — в Советском Союзе) от XIX века до реформ

4. В английском переводе: «Gorbatchev's Russia» (New York, 1989).

Бориса Ельцина. Если пролистать его библиографию⁵, то бросаются в глаза две вещи: чрезвычайно широкий диапазон его интересов (в рамках России) и преобладание работ о крестьянстве. Он сам собрал в сборник те из них, которым придавал наибольшее значение (Kerblay, 1985a).

Его первая статья о крестьянстве, подписанная псевдонимом Arpent, появилась в 1956 году (Arpent, 1956), но систематически на эту тему он начал писать в 1960-е годы. Его диссертация была посвящена крестьянским рынкам (Kerblay, 1968). Базиль Кербле, нисколько не приукрашивая традиционный крестьянский мир, был полон понимания и, можно сказать, любви к этим «униженным и оскорбленным», как он их определил в предисловии к воспоминаниям Ивана Столярова (Stoliaroff, 1992)⁶. Хотя и слышится в этом предисловии некоторая ностальгия по этому миру, с его традициями, самоорганизацией, культурой (Кербле часто пользовался выражением «крестьянская цивилизация»)⁷, но он видел и необходимость для крестьянского семейного хозяйства модернизироваться, выйти из натурального хозяйства и включиться через рынок в народное хозяйство. Еще до встречи с работами А.В. Чаянова он считал, что дорогой к этому могла бы стать интеграция крестьянских хозяйств в кооперативы.

В начале 1960-х годов друзья Базиля Кербле, известные индологи Алиса и Даниэль Торнер (Thorner), указали ему на существование интересной книги некоего «по-видимому, немецкого ученого русского происхождения»: А. Tschajanow «Die Lehre von der bauerlichen Wirtschaft: Versuch einer Theorie der Familienwirtschaft im Landbau», опубликованной в Берлине в 1923 году. Естественно, она очень заинтересовала Кербле, так как предлагала неклассическую экономическую теорию крестьянского семейного хозяйства.

После нескольких лет работы в библиотеках, благодаря помощи коллег и друзей Кербле удалось восстановить (в условиях закрытых архивов!) биографию А.В. Чаянова⁸ и составить библиографию его работ, хотя, конечно, еще не полную. Он участвовал в издании английского перевода «Организации крестьянского хозяйства», к которому написал предисловие (Chayanov, 1966). В нем он отмечал

5. С ней можно ознакомиться на сайте <https://cercec.fr/bibliographie-des-travaux-de-basile-Kerblay.htm> Составители Monique Armand, Myriam Desert, Marie-Rose Belgodere, а также в сборнике (Кербле, 2008).

6. Воспоминания Ивана Яковлевича Столярова о своем крестьянском детстве до этого вышли на русском языке: Столяров И. (1986). Записки русского крестьянина / Préface de Basile Kerblay. Paris, 1986.

7. Его послесловие звучит как прощание с крестьянской цивилизацией: «Она доживает свои последние дни», — пишет он (с. 21).

8. Он знает, например, что А.В. Чаянов был арестован в 1930 году, но не знает, что он был расстрелян в 1937-м. О работе Кербле над биографией и теориями Чаянова см. статью: Stanziani, 2004.

не только социально-экономические труды Чайанова, но и его литературную деятельность. Базиль Кербле явно восхищался многогранным талантом Чайанова, в котором он видел олицетворение всего лучшего, что есть в русском интеллигенте, с его высокой культурой и заботой об участи народа. Именно в этом смысле он называл Чайанова неонародником. Год спустя Кербле издал собрание сочинений Чайанова в формате репринта (Chayanov, 1967).

В последней своей работе о Чайанове, опубликованной в 1990 году, — в послесловии к французскому переводу «Организации крестьянского хозяйства» — Кербле возвращался к теме богатства чайановского наследия и выражал надежду, что заново открытый Чайанов поможет новым реформаторам найти путь развития сельского хозяйства через подлинную кооперацию без насилия над крестьянами (в этом он был близок к идеям Виктора Петровича Данилова). Но уже тогда он опасался, что это окажется неосуществимым из-за отсутствия нужной инфраструктуры и в первую очередь потому, что крестьянство было раздавлено раскулачиванием, коллективизацией и бесконечным рядом безумных реформ (Tchayanov, 1990).

Базиль Кербле был замечательным ученым и человеком, гуманистом. Все, кому посчастливилось у него учиться или с ним работать, сохранили о нем память как о скромном, даже застенчивом человеке, говорившем на заседаниях редколлегий журналов или научных советов всегда мало, но точно и принципиально. Он оставил после себя много работ, ставших классическими. Большинство из них, как пишет Моше Левин, нисколько не устарели. Было бы хорошо, если бы они активнее переводились на русский язык и получали признание у российского читателя.

Библиография

- Кербле Б. (2008). Русская культура. Этнографические очерки / Пер. с фр. СПб.: Европейский дом.
- Столяров И. (1986). Записки русского крестьянина / Préface de Basile Kerblay. Paris.
- Apremont B. (1956). Politique agricole et collectivisation en URSS // La Nef. Paris.
- Chayanov A. (1967). Oeuvres choisies. Paris — La Haye. 8 vol.
- Chayanov A.V. (1966). On the theory of peasant economy / eds. by B. Kerblay, D. Thorner, R. Smith. Homewood.
- Kerblay B. (1962). L'évolution de l'alimentation rurale en Russie, 1896–1960 // Annales. Economies, sociétés, civilisations. No 5.
- Kerblay B. (1968). Les Marchés paysans en URSS. Paris — La Haye.
- Kerblay B. (1969). Le nouveau statut des kolkhoz // Communautés. No 26.
- Kerblay B. (1977). La Société soviétique contemporaine. Paris.
- Kerblay B. (1985a). Du Mir aux agrovilles. Paris.
- Kerblay B. (1985b). Les «sociologues» et la société soviétique du cours des des années soixante-soixante-dix // Revue des études slaves. Vol. 57. Paris.
- Kerblay B. (1988). L'évolution de la natalité et de la nuptialité dans trois villages de la banlieue de Kolomna de 1861 à 1961 // L'Evolution des modèles familiaux de l'Est européen et en USSR. Paris.

- Kerblay B. (1989a). *La Russie de Gorbatchev*. Lyon.
- Kerblay B. (1989b). Les modeles interpretatifs en sociologie // *Revue des Pays de l'Est*. No 1. Bruxelles.
- Kerblay B., Lavigne M. (1985). *Les Soviétiques des années 80*. Paris.
- Lewin M. (2004). Basil Kerblay and his scholarship // *Cahiers du Monde Russe*. No 45/ 3-4.
- Stanziani A. (2004). Čajanov, Kerblay et les shestidesiatniki: une histoire globale? // *Cahiers du Monde Russe*. No 45/3-4.
- Stoliaroff I. (1992). *Un Village russe. Récit d'un paysan de la région de Voronej*, Paris.
- Tchayanov A. (1990). *L'Organisation de l'économie paysanne*, Paris.

Basile Kerblay — an explorer of Russia

Alexis Berelowitch, University Paris — Sorbonne. France, Paris-5, Rue Victor-Cousin 1.
E-mail : a.berelowitch@gmail.com

The article by Alexis Berelowitch describes the milestones of the scientific biography of the prominent French sociologist and historian of the 20th century, Professor of Sorbonne University Basile Kerblay. The article presents the main themes of Kerblay's works — history of Russia and sociology in the late Soviet society — in the context of the Western sovietology debates of the 1960s — 1970s and disputes of "totalitarianists" and "revisionists". The author considers as distinctive features of Kerblay's works his broad outlook, comparative approach to the study of Russian history, and lack of ideological bias. The article emphasizes the importance of Kerblay as one of the first biographers, researchers and publishers of A.V. Chayanov's works on the theory of peasant economy.

Key words: sociology, peasant studies, sovietology, Kerblay, Chayanov

References

- Apremont B. (1956) Politique agricole et collectivisation en URSS. *La Nef*. Paris.
- Chayanov A. (1967) *Oeuvres choisies*. Paris — La Haye. 8 vol.
- Chayanov A.V. (1966) *On the theory of peasant economy* (eds. by B. Kerblay, D. Thorner, R. Smith). Homewood.
- Kerblay B. (1962) L'évolution de l'alimentation rurale en Russie, 1896–1960. *Annales. Economies, sociétés, civilisations*, no 5.
- Kerblay B. (1968) *Les Marchés paysans en URSS*. Paris — La Haye.
- Kerblay B. (1969) Le nouveau statut des kolkhoz. *Communautés*, no 26.
- Kerblay B. (1977) *La Société soviétique contemporaine*. Paris
- Kerblay B. (1985a) *Du Mir aux agrovilles*. Paris.
- Kerblay B. (1985b) Les «sociologues» et la société soviétique du cours des des années soixante-soixante-dix. *Revue des études slaves*, vol. 57. Paris.
- Kerblay B. (1988) L'évolution de la natalité et de la nuptialité dans trois villages de la banlieue de Kolomna de 1861 à 1961. *L'Evolution des modèles familiaux de l'Est européen et en USSR*. Paris.
- Kerblay B. (1989a) *La Russie de Gorbatchev*. Lyon.
- Kerblay B. (1989b) Les modeles interpretatifs en sociologie. *Revue des Pays de l'Est*, no 1. Bruxelles.
- Kerblay B., Lavigne M. (1985) *Les Soviétiques des années 80*. Paris.
- Kerblay B. (2008) *Russkaya kultura. Etnograficheskie ocherki* [Russian Culture. Ethnographic Essays]. Per. s fr. Saint Petersburg: Evropeysky dom.
- Lewin M. (2004) Basil Kerblay and his scholarship. *Cahiers du Monde Russe*, no 45/ 3-4.

- Stanziani A. (2004) Čajanov, Kerblay et les shestidesiatniki: une histoire globale? *Cahiers du Monde Russe*, no 45/3-4.
- Stolyarov I. (1986) *Zapiski russkogo krestyanina* [Notes of the Russian Peasant]. Préface de Basile Kerblay. Paris.
- Stoliaroff I. (1992) *Un Village russe. Récit d'un paysan de la région de Voronej*, Paris.
- Tchayanov A. (1990) *L'Organisation de l'économie paysanne*, Paris.

А. Берелович
Базиль Керб-
ле — исследователь
России

Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века

И.А. Гордеева

Ирина Александровна Гордеева, кандидат исторических наук, доцент Свято-Филаретовского православно-христианского института. 105062, Москва, ул. Покровка, д. 29. E-mail: gordnepl@gmail.com

На рубеже XIX–XX веков в России появилось пацифистское движение, организаторами которого стали толстовцы. Несмотря на то что в период становления движения его лидеры в основном происходили из привилегированных слоев, оно формировалась в опоре на сектантско-крестьянские массы. Проявляя свою общественно-политическую и этическую позицию, толстовцы, с одной стороны, обращались к идеям Л.Н. Толстого, к мировой философии ненасилия и гражданского сопротивления, но также и к опыту народно-религиозных движений — как российских, так и зарубежных.

Движение началось с практической деятельности толстовцев по защите своих единомышленников и других верующих, которые отказывались от военной службы по религиозным и мировоззренческим мотивам (conscientious objection — отказы по мотивам совести). Отказ от службы в армии идеологи пацифистского движения считали важнейшей религиозно-этической протестной практикой русского народа. В статье они предстают как своего рода крестьяноведа, предпринявшие широкомасштабное изучение традиций народного протеста с целью формирования массовой социальной базы своего движения. Также в статье показано, как толстовцы попытались на концептуальном и практическом уровне превратить «оружие слабых» — устойчивые стереотипы народного протеста (различные формы бегства и отказа от сотрудничества с государством, выстраивания автономных от государства и его институтов общностей) — в современные и эффективные методы гражданского неповиновения.

Ключевые слова: российское пацифистское движение, отказы от военной службы по мотивам совести, русское сектантство, народно-религиозные движения, толстовское движение, ненасилие, гражданское неповиновение

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-78-104

Зарождение пацифистского движения в России

Начало XX века в России ознаменовалось выходом на историческую сцену общественных движений с массовой социальной базой. Среди таких движений было и пацифистское, которое возникло в конце XIX века как результат общественно-политического самоопределения толстовцев. Будучи религиозными анархистами, толстовцы определяли себя через понятие свободы, и поэтому

предпочитали называться «свободными христианами» или «лицами свободно-религиозного мировоззрения».

Пацифизм — это принципиальный отказ от войны и насильственных методов решения как международных, так и внутривосточных и межличностных конфликтов. Российское пацифистское движение первой трети XX века носило радикальный характер: оно было революционным, ставило перед собой цель коренной трансформации общества посредством мирного изменения человека, его норм и ценностей, повседневной жизни и самого характера отношений между людьми в духе идеалов ненасилия, свободы и братства.

Несмотря на то что основы идеологии российских пацифистов были заложены религиозно-общественной публицистикой Льва Толстого, который призывал к личному нравственному самосовершенствованию, а не общественной борьбе, в общественном смысле многие толстовцы пошли дальше Толстого. Опыт 1890-х годов (работа «на голоде», участие в защите духоборов, тесное общение с крестьянством и т.п.) привел их к выводу, что изменение жизни к лучшему должно произойти в результате не только личного нравственного выбора каждого отдельного человека (самосовершенствования), но и с помощью координированных общественно-политических действий. Из этого следовала задача формирования общественного движения со своей особой повесткой дня (она содержала в себе три главных пункта — свобода совести, ненасилие и социальная справедливость), идеологией и методами протеста (на основе идей Л.Н. Толстого, а также работ многих других пацифистов, христианских социалистов и анархистов), социальной базой, печатью и т. п.

Формирование социальной базы российского пацифистского движения

Несмотря на то что первыми и наиболее активными толстовцами были представители дворянства и интеллигенции, пацифистское движение формировалось в расчете на массовую социальную базу. Помимо толстовцев, полностью или частично, в индивидуальном или коллективном порядке в разное время свою солидарность с радикально-пацифистским движением проявляли вегетарианцы и эсперантисты, сектанты и другие богоискатели из народа и интеллигенции (трезвенники, духоборы, сютаевцы, добролюбовцы, евангельские христиане и баптисты, малеванцы, последователи теософии и антропософии, духовные мистики и др.); отдельные представители анархических и социалистических течений.

Толстовцы, которые идеологически и биографически были связаны с мирным крылом русского народничества, были уверены в том, что идеалы ненасилия, свободы совести и братской жизни

И.А. Гордеева
Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века

органически свойственны простому народу в любой стране, но особенно — русскому крестьянству. У них был довольно богатый опыт общения с крестьянами и сектантами разных течений, полученный прежде всего в те времена, когда они жили в земледельческих общинах и стремились оказывать местному населению медицинскую, юридическую и агрономическую помощь (с середины 1880-х годов), во время работы «на голоде» в 1891–1892 годах, в процессе защиты духоборов от преследований и организации их переселения в Канаду во второй половине 1890-х годов, а также помощи сектантам — отказчикам от военной службы. Как уже было сказано, именно этот опыт заставил часть толстовцев сменить коммуитарный эскапизм на активную общественную позицию, привел их к осознанию того, что для решения проблем народа должны кардинально измениться общественные отношения.

Толстовцы предпринимали целенаправленные усилия по установлению связей с сектантами, крестьянами, студенчеством, рабочими и религиозной интеллигенцией. Особенно интенсивно они общались с сектантами и разного рода богоискателями из народа, и интерес к такому общению был взаимным. Бывало, что религиозные диссиденты становились сознательными пацифистами под влиянием общения с Толстым, толстовцами и другими «свободными христианами». В свою очередь, толстовцы интересовались народно-религиозными движениями и целенаправленно изучали их опыт протеста. Они замечали, что в характере русского народа есть покорность, безграничное терпение, способность терпеливо выдерживать притеснения, но были уверены, что просвещение народа направит эти качества в том направлении, которое поможет ему освободиться от своих поработителей.

Бегство и отказ от военной службы как важнейшие практики народного протеста

Начиная с XVIII века бегство и отказ от сотрудничества с государством были основными формами протеста тех, кто по тем или иным причинам не признавал над собой усиливающуюся власть государства, и прежде всего — представителей раскола и религиозного сектантства. Народный социально-религиозный опыт внес свой вклад в создание устойчивого стереотипа социального поведения — российских традиций эскапизма, дистанцирования от власти и ее институтов и пассивного сопротивления им. Эти традиции с середины XIX века привлекли внимание русской радикальной интеллигенции, которая принялась внимательно изучать их как с научными, так и практическими целями.

В архивных фондах толстовцев необыкновенно богато представлены собранные ими материалы по истории русского

сектантства¹. Особенно их интересовали те религиозные течения, в которых получили распространение различные практики пассивного протеста, успешные в достижении цели сохранения автономии религиозных общин и неприкосновенности их религиозных и моральных установлений. Из всех подобных практик наибольшее внимание они уделяли отказам от военной службы.

Отказы от службы в армии представляют собой интереснейший, но недооцененный российскими историками феномен из истории пацифизма и ненасилия, борьбы за свободу совести и права человека, движения гражданского неповиновения. Российское пацифистское движение началось с отказов от военной службы толстовцев в 1880-е годы и с их попыток защитить отказчиков-сектантов. Отказ от сотрудничества с государством — одна из основополагающих идей толстовской теории ненасилия, которая в начале XX века стала важной частью концепции ненасильственной революции толстовцев.

Уклонение от армии и дезертирство возникли, наверное, тогда же, когда появилась сама регулярная армия. Однако мотивация нежелания служить может быть разной. Особое место в социальной истории занимают отказы «по мотивам совести» — conscientious objection, то есть религиозно мотивированные отказы от службы, а также идеологически мотивированные отказы, которые не обязательно носят религиозный характер.

В конце XIX — начале XX века основная масса населения Российской империи — крестьяне — в армии служить не стремилась. Государство весьма эффективно решало задачи призыва и мобилизации, однако массового патриотизма у выходцев из простого народа воспитать не смогло, что стало особенно заметно в период Первой мировой войны (Асташов, 2011 и др.).

В большинстве случаев мотивация нежелания служить была далека от пацифистской. Уклонение и дезертирство были гораздо более распространенными феноменами, чем отказ «по мотивам совести». Следование этическим мотивам, запрещающим кровопролитие или применение силы, было довольно редким явлением в русской народной культуре, традиционно связанной с повседневным насилием (в отношении к домашним животным, к членам своей семьи, к соседям). Весьма равнодушна к заповеди «не убий» и даже враждебна к пацифизму была и православная церковь, представители которой внесли свой вклад в создание доктрины «справедливой» или «священной» войны, оправдывавшей вооруженную защиту национальной независимости.

1. Уцелевшая часть сектантского архива толстовцев хранится в фонде Черткова в ОР РГБ (Ф. 435). Отдельные части этого архива можно обнаружить в личных фондах других участников движения в ОР РГБ, РГАЛИ, ОР ГМИР.

Что касается религиозных диссидентов, то их доктрины в XIX — начале XX века находились в процессе динамического развития и были подвержены внешним влияниям, в связи с чем их пацифизм зачастую носил ситуативный характер — он то появлялся, то исчезал в зависимости от обстоятельств. Наибольшее распространение в этой среде имели отказы, связанные с феноменом «эсхатологического нонконформизма».

С точки зрения В.Д. Бонч-Бруевича, ярким примером этого явления служат радикальные течения старообрядчества (бегуны (странники), скрытники, нетовцы, неплательщики и т.п.). Эти течения «в своем отказе, или, лучше сказать, убоге от военной службы, не руководствуются заповедью “не убий”, а считая, что “правая вера сгорела” после патриарха Никона и что на земле и в духовной, и в светской области торжествует “антихрист”, не считают для себя, “правильных христиан”, возможным прикасаться ни к чему, что так или иначе связано с существующим порядком вещей», и потому отрицают деньги, паспорта, господствующую церковь, суды, воинскую повинность и т.п.² При наступлении рекрутского набора старообрядческая молодежь «переходила на нелегальное положение, скрывалась в тайных квартирах, в скитах, в особых пристанищах, и когда первое опасное время проходило, меняла имя, фамилию и место постоянного жительства»³. Побег и миграция, частным случаем которых было дезертирство, у старообрядцев стали распространенными и по-своему эффективными способами социального протеста.

Таким образом, для широких кругов старообрядчества проблема военной службы была связана не с проблемой насилия, а с необходимостью сохранения истинной веры. Как пишут современные исследователи, немало старообрядцев «еще в петровские времена служило в казачьих войсках, в драгунах. Казаки-староверы, случалось, бунтовали против службы царю-Антихристу. Но там, где власти не запрещали носить казакам и солдатам в войске бороду и восьмиконечный крест, отношения порою могли быть бесконфликтными» (Покровский, Зольникова, 2002: 99).

Обоснованием необходимости бегства от государства у старообрядцев служила эсхатологическая теория, согласно которой правящий государь и связанные с ним учреждения являются Антихристом (Гурьянова, 1988: 114). Для старообрядцев было характерно традиционное для русского народа обожествление царской власти, совпадали с общепризнанными и их представления об образе «истинного» государя (Гурьянова, 1999: 133-134). Применение же этих взглядов для интерпретации реальных исторических и современных им событий уже было целиком

2. ОР РГБ. Ф. 369. К. 35. Ед. хр. 26. Л. 1-2.

3. ОР РГБ. Ф. 369. К. 35. Ед. хр. 6. Л. 2.

эсхатологическим: с именем царя Алексея Михайловича связаны представления о прерывании традиции царского благочестия, а после Петра-Антихриста все царствующие императоры считались антихристами (Там же: 139, 142), что породило у верующих стремление выйти из-под контроля Антихристового государства.

В одном из толков старообрядчества — у бегунов-странников — в 1780-е годы возникло целое учение о побеге, согласно которому «побег — это не просто один из ряда способов решения проблемы спасения души христианина во враждебном идеалам правой веры окружении, побег — это необходимость, первая обязанность и религиозный долг истинно верующего человека, иного пути спасения души просто не существует» (Мальцев, 1996: 3). Автором учения был Евфимий — беглый солдат, принявший монашеский постриг от староверов филипповского согласия. В 1784 году он провозгласил, что «что подлинными христианами могут считаться лишь беглые — люди, исключившие себя из числа подданных российского императора, отрекшиеся от всего, что связывает с “греховным” миром» (Мальцев, 1989: 330). Уход из мира понимался как отказ от подданства, потому одновременно требовался отказ от паспорта и принадлежности к определенной сословной группе, от уплаты налогов и иногда — от употребления «антихристовых» денег.

Странники избегали военной службы и охотно принимали в свое общество беглых солдат, которые составляли до трети их общин. С точки зрения Евфимия, на которую, как предполагает исследователь А.И. Мальцев, мог повлиять личный опыт военной службы, «именоваться воинским чином равнозначно тому, чтобы признать себя еретиком». Отвращения к насилию, какого-либо особого внимания к заповеди «не убий» у странников не было.

Исследователи называют старообрядческий протест «антифеодальным», «антиналоговым и антибюрократическим» (Мамсик, 1987: 147). Мальцев рассматривает учение странников как своеобразный вариант народного анархизма (Мальцев, 1996: 152-153). Он отметил антидисциплинарный характер поведения странников, возникшего «как протест против любых форм закрепощения, принуждения, ограничения свободы человека». Исследователь находит в нем и требование свободы совести, отказ от социального насилия, утверждение каждого человека исповедовать ту веру, которую он считает «православной», жить там, где считает нужным, передвигаться без ограничений, свободно выбирать род занятий и т.п. (Там же: 226-227).

Пример абсолютного пацифизма⁴ в истории российского сектанства представляют духоборы. Секта духоборов (духоборцев) возникла в начале XVIII века в Слободской Украине, затем

4. Абсолютный пацифизм — это «полный отказ от насилия в человеческих отношениях» (Мир/Peace, 1993: 25).

распространилась преимущественно в Тамбовской и Воронежской губерниях среди однодворцев, казачества, дворцовых крестьян. В начале XIX века духоборам было разрешено поселиться в Крыму.

С момента возникновения секты духоборы являлись сторонниками ненасилия. По мнению В.Д. Бонч-Бруевича, в основе духоборческого учения лежит крайне отрицательное отношение ко всякому насилию человека над человеком и в том числе отрицательное отношение к военной службе⁵. Современный исследователь С.А. Иникова, досконально изучившая этот вопрос, подтверждает, что, в соответствии с духоборческим учением, человек есть храм Божий, покушаться на его жизнь — страшный грех, равносильный покушению на самого Бога, поэтому в случае войны духоборы должны заниматься самозащитой, но не нападать на неприятеля и не убивать его. Они считали, что «Моисеев закон, позволяя защищать себя, нигде не говорит об отечестве», а также «различали убийство вообще и убийство в целях защиты, допуская последнее как вынужденное» (Иникова, 1997: 123).

Однако отрицательное отношение к войне и агрессии у духоборов не всегда и не для всех имело статус общепризнанного догмата. До конца XIX века большинство из них чаще всего соглашалось служить и носить оружие, каждому предоставлялось право решать этот вопрос согласно велению своей совести. Можно сказать, что в духоборческой среде имели место зачатки появления осмысленных, индивидуальных отказов «по совести»: «войну считали нехристианским делом, может быть, и все духоборцы, но решительно отказывались от солдатчины лишь наиболее сильные и духовно самостоятельные люди»⁶. На практике реализация установки на пацифизм оказалась противоречивой. С одной стороны, среди духоборов было много казаков и служилых людей, участвовавших в войнах. Вместе с тем среди последователей секты было много дезертиров.

Пример духоборов наглядно демонстрирует, что важной предпосылкой развития ценностей ненасилия являются характерные для многих христианских сект своеобразные представления о своем подданстве. Как пишет Иникова, для духоборов не существовало неразрывной взаимосвязи между этническим самосознанием и осознанием государственной и конфессиональной принадлежности: «поскольку они не считали себя православными, то и русскими тоже не считали. В соответствии с их учением, отечество там, где Бог, а они его подданные... Российская империя — не отечество, а государство, которому они платят дань в виде податей, но защищать которое не обязаны» (Иникова, 1997: 123-124).

В 1841–1845 годах духоборы были выселены в недавно присоединенные к России районы Закавказья. Там, в связи

5. ОР РГБ. Ф. 369. К. 35. Ед. хр. 26. Л. 11.

6. ОР РГБ. Ф. 486. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 8.

с необходимостью противостоять кочевым татарам и турецким бандам, произошла милитаризация их образа жизни. В каждом селе были созданы отряды «казачков» для охраны, в каждом доме появилось оружие, среди молодежи вошло в моду «бряцание оружием», «считалось почетным быть казачком, ценилось умение хорошо стрелять, владеть холодным оружием», понимание заповеди «не убий» значительно сузилось (Там же: 125-126).

Введение в 1887–1890 годах всеобщей воинской повинности в некоторых областях Закавказья не стало особой проблемой для духоборов — призванные пошли служить без всякого сопротивления. Принимая военную службу, лишь некоторые духоборы испытывали угрызения совести и пытались успокоить себя обещанием не убивать никого на войне.

Переход части духоборов на позиции абсолютного пацифизма произошел в 1890-е годы под влиянием ряда событий. После смерти в 1886 году лидера духоборов Калмыковой в Горелом — центре закавказской Духобории — возникла борьба за ее наследство между сторонниками «большой партии» во главе с П. Веригиным и «малой партии». Последняя, вопреки традициям автономного существования, обратилась за помощью к властям, а затем и в суд, по приговору которого Веригин попал в ссылку. В ссылке он много читал, познакомился с идеями Толстого и вступил с ним в переписку. Толстовские идеи ненасилия в самом радикальном их варианте оказали на него огромное влияние.

В августе 1893 года конфликт вышел за рамки секты и принял характер конфликта «большой партии» и местной кавказской администрации. В состоянии экзальтации «большая партия» под руководством Веригина с осени 1893 года начала пересматривать свою жизнь: «в противовес реальному государству, основанному на насилии, они решили создать свое Царство Божие на земле, основанное на заветах Христа». Часть духоборов «большой партии» полностью отказалась от поддержки государства и перешла на позиции радикальной уравнительности, абсолютного пацифизма и вегетарианства (их стали называть «постниками»). На почве новых настроений начинаются отказы от военной службы тех духоборов, которые находились в армии (Там же: 129-130).

Символической акцией, закреплявшей переход к пацифизму, стало сожжение оружия в ночь на 29 июня 1895 года, которое произошло одновременно в трех местах. В Елизаветпольской губернии и Карской области все прошло без серьезных эксцессов, но в Ахалкалакском уезде Тифлисской губернии жители Горелого, решив, что «постники» готовят нападение на их Сиротский дом, обратились к властям с просьбой защитить их. В этот район были направлены казаки и войска, наведение порядка закончилось избиением «постников», грабежами и насилием над женщинами.

За этими событиями последовали репрессии как против участников сожжения оружия, так и против тех, кто отказался

от военной службы. Подвергшиеся надругательствам и репрессиям «постники» в количестве более 7000 человек были переселены с помощью Л.Н. Толстого, толстовцев и неравнодушной общественности в Канаду. Переселившиеся так и остались абсолютными пацифистами, сделав сожжение оружия центральным событием своего исторического предания.

Молокане также рассматривали войны как богопротивное дело и на военную службу смотрели как на не соответствующую христианскому учению. Бонч-Бруевич относил молокан к колеблющимся, но потенциально пацифистским сектам⁷. Основатель молоканской секты С. Уклеин (1727–1809) в своем обряднике записал: «Для духовных христиан, которые не от мира, мирские власти не нужны... исполняя заповеди божественные, они не имеют нужды в человеческих законах... которые противоречат учению слова божия. Так они должны избегать рабства помещикам, войны, военной службы, присяги как дел, не позволенных писанием. А как невозможно открыто противиться правительству и не исполнять его требований, то духовные христиане, подражая первым христианам, могут укрываться от него, а братья их по вере обязаны принимать и укрывать их» (цит. по: Клибанов, 1965: 130).

Однако до начала XX века молокане оказывали военной службе лишь «своего рода пассивное сопротивление», поэтому власти всегда отмечали законопослушность молокан, но в то же время обвиняли их в укрывательстве беглых солдат и дезертиров⁸. Непоследовательность молокан по отношению к вопросу о военной службе отметил квакерский проповедник С. Греллет, который встречался с крымскими молоканами в начале XIX века. Ознакомившись с их обычаями, Греллет удивился их сходству с квакерскими, за исключением представлений о войне. В разговоре с ним молокане признали, что есть проблема с практической реализацией принципа ненасилия (Грушко, 2000). Сдерживающим фактором для реализации пацифистской установки у молокан была потребность зажиточных членов общины в демонстрации своей лояльности по отношению к государству.

В начале XX века молокане под влиянием учения Толстого все чаще стали отказываться от службы в армии. Значительная группа молокан-«скакунов», между 1905–1908 годами эмигрировала в Калифорнию, чтобы избежать гонений за свою антивоенную позицию (Брок, 1997: 117). Во время Первой мировой войны были случаи отказов от военной службы среди отдельных групп молокан⁹, но в целом находящиеся в армии молокане были образцовыми военными служащими (Клибанов, 1965: 169).

7. ОР РГБ. Ф. 369. К. 35. Ед. хр. 26. Л. 15-17.

8. ОР РГБ. Ф. 486. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 12.

9. ОР РГБ. Ф. 486. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 12-13.

В весьма сложных отношениях с ненасилием были русские меннониты — представители секты, которая в Европе с самого своего зарождения в XVI веке имела пацифистский характер. Меннониты отвергали власть государства в вопросах совести, «высшим законом для участников этой секты был христианский Завет, а высшим судьей — личная совесть» (Коппитерс, 2001: 394).

Одной из причин миграции меннонитов из Пруссии в Россию в 1780-х годах было их стремление избежать всеобщей воинской повинности. Иммиграционная политика Екатерины II, которая пригласила иностранных колонистов для участия в заселении пустующих земель, включала в себя освобождение от рекрутской повинности «на вечные времена» как одну из привилегий для тех, кто переедет в Новороссию в период ее правления. Дальнейшая история русских меннонитов представляет из себя интересный случай «институционального» пацифизма¹⁰.

Следование принципу ненасилия на практике у меннонитов вступало в противоречие с потребностью в выражении лояльности правительству. Когда Наполеон вторгся в Россию, некоторые лидеры меннонитов чувствовали, что должны поддержать царя пожертвованием на войну. Но были и противники этой идеи, полагавшие, что такая помощь «будет компромиссом, предающим их веру, что всякая война несправедлива и что не следует делать ничего для ее поддержки» (Клиппенштейн, 1997: 150).

В Западной Европе меннониты постепенно, в течение всего XIX века, отходили от отказа исполнять некоторые виды государственных обязанностей, в том числе и воинской повинности, однако в России процесс их политической интеграции был более медленным, и попытки государства привлечь меннонитов к прохождению воинской службы в этот период остались безрезультатными (Коппитерс, 2001: 395-396), хотя во времена ведения военных действий меннониты по мере сил помогали правительству жертвованиями, работой в госпиталях и прочими гуманитарными способами.

Попытка распространить на меннонитов закон о всеобщей воинской повинности была воспринята как покушение на их религиозные убеждения: меннониты ответили на него эмиграцией, продолжавшейся до 1880 года. После того как в Америку и Канаду выехало около 15 тыс. меннонитов, царское правительство было вынуждено издать постановление, по которому они, освобождаясь от ношения оружия, обязывались отбывать сроки военной службы в мастерских военного ведомства, пожарных командах или подвижных лесных командах ведомства государственных имуществ. Эти события считаются началом истории альтернативной гражданской службы в России.

10. Термин принадлежит Джону Тейвзу (цит. по: Helmut-Harry, Urry, 1991: 48).

К началу XX века большинство меннонитов было хорошо образованными и зажиточными людьми. Усилилось социальное расслоение меннонитов, интенсифицировались их контакты с внешним миром, в связи с чем выросла преступность в колониях. Поэтому вопреки принципам ненасилия, распространенной практикой у меннонитов стал наем казаков для защиты своей жизни и собственности (Helmut-Harry, Urry, 1991: 35-39). Иными словами, меннониты сами отказывались от ношения оружия, но платили за свою защиту специально нанятым вооруженным людям. Эта практика вызывала протест со стороны особенно религиозных единоверцев.

В начале XX века русские меннониты прочно укоренились в системе российского самодержавия и рассматривали государство как необходимого носителя общественного порядка. Во время Русско-японской войны 1904–1905 годов некоторые из лидеров меннонитов убеждали местные общины продемонстрировать свою поддержку царю, втянутому в борьбу, в которой, как писал редактор-меннонит, «мы все — русские» (Клиппенштейн, 1997: 159-160).

В период Первой русской революции зажиточные меннониты полностью поддерживали царское правительство, тяготая к октябристам и правым партиям. Свои верноподданнические чувства меннониты именовали «национализмом» (Ипатов, 1978: 97-98). В Первую мировую войну они заявили о своей патриотической позиции, предоставив своих волонтеров для работы в госпиталях (Helmut-Harry, Urry, 1991: 47). И позднее русские меннониты, выбирая между принципами ненасилия и своими экономическими и социально-политическими интересами, чаще предпочитали последние.

Баптисты и евангельские христиане появились в России под влиянием проповеди зарубежных миссионеров, их число стремительно росло во второй половине XIX века. С догматической стороны их представители не были ни пацифистами, ни эсхатологическими нонконформистами. У баптистов вопрос об отношении к военной службе к началу XX века рассматривался как вопрос свободы совести отдельного верующего, пацифизм не считался догмой, обязательной для всех последователей секты, каждому предоставлялось решать вопрос о службе в армии согласно собственной совести¹¹.

В конце XIX — начале XX века среди русских баптистов и родственных им евангельских христиан пацифистов почти не было. Общая тенденция была схожа с тем, что наблюдалось у меннонитов: состоятельные члены общин стремились к интеграции в российское общество и предпочитали социальную стабильность конфликтам с властями. Баптистская элита старалась подчеркнуть свою лояльность по отношению к государству, верноподданнические чувства и аккуратное исполнение государственных повинностей

11. ОР РГБ. Ф. 486. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 17.

(Клибанов, 1965: 211). В «Исповедании веры», изданном в 1906 году баптистом В.Г. Павловым, признавалась богоустановленность правительств «для защиты добрых и для наказания злых» и заявлялось о принятии на себя обязанности повиновения законам, «если таковые не ограничивают свободного исполнения обязанностей нашей христианской веры». Также они признавали молитву за правительство, клятву и военную службу при условии, что «никакого принуждения не должно применяться к тем, которые из глубоких побуждений совести... просят освободить их от несения службы с оружием»¹².

В России, как и во всем мире, стремление к ненасилию и отказы от военной службы представителей этих конфессиональных групп носили ситуативный характер, появлялись и исчезали в зависимости от исторического контекста и индивидуального настроения (Брок, 1997: 120). Отказчики, которые происходили из этой среды, либо приходили к идеям ненасилия путем индивидуальных размышлений, либо оказались отзывчивы к проповеди Толстого и толстовцев (Там же). Далекое не всегда их поддерживали в этом решении единоверцы. Во многих общинах шли дискуссии о необходимости следования принципу «не убий», отказа от военной службы и ношения оружия.

На фоне в целом равнодушного отношения к проблеме военной службы бросается в глаза тот факт, что во время Первой мировой войны и в первое десятилетие Советской власти баптисты и евангельские христиане представляли собой наиболее многочисленную в России группу отказчиков по мотивам религиозных убеждений (Там же: 116-117).

В начале XX века от военной службы также иногда отказывались представители таких религиозных групп, как Новый Израиль, трезвенники, малеванцы, иеговисты и адвентисты, в учении которых присутствовала сильная эсхатологическая составляющая. Резкий рост пацифистских настроений у представителей этих сект также пришелся на период Первой мировой войны.

Таким образом, в народно-религиозной среде до начала XX века были распространены в основном «эсхатологический нонконформизм» и «институциональный пацифизм», которые зачастую носили избирательный, ситуационный характер. Тем не менее подобные явления в начале XX века нередко служили отправной точкой для развития у отдельных сектантов подлинно пацифистских настроений.

Принцип «не убий» волновал лишь некоторые сектантские группы и религиозных диссидентов. Встречались лишь отдельные случаи,

12. Исповедание веры христиан-баптистов, изданное Ф.П. Павловым (1906 г.). URL: <https://slavicbaptists.com/2012/02/10/pavlovconfession/> Текст исповедания представлял собой перевод Гамбургского вероисповедания 1847 года, которым пользовались баптисты многих европейских стран.

когда в народной среде, среди крестьянских богоискателей, появлялись самобытные сторонники ненасилия. Например, пацифистом-самородком был Василий Кириллович Сютяев, тверской крестьянин, который в 1870-е годы разработал собственное религиозное учение, включавшее в себя идеи коммунизма и ненасилия¹³. Сютяев пришел к своему учению уже в пожилом возрасте, и ему не пришлось отказываться от службы, но под его влиянием его сын Иван отказался от присяги и ношения оружия в 1877 году.

Роль индивидуальных отказов от военной службы в развитии российского пацифистского движения

Индивидуальные отказы от военной службы, совершаемые не по причинам следования групповой религиозной традиции, а по велению личной совести, становятся все более частым явлением с 1880-х годов, когда под влиянием сочинений Льва Толстого и собственных размышлений отказываться от военной службы начинают наиболее последовательные толстовцы. В начале XX века к ним все чаще присоединяются отдельные представители некоторых религиозных течений. В это время индивидуальные отказы становятся если не массовым, то весьма заметным общественным явлением.

Структурные предпосылки для появления индивидуальных отказов возникли с момента введения всеобщей воинской повинности. Законодательство не предусматривало юридической возможности отказа от службы, в то же время рост мастерства государства в учете и контроле военнообязанного населения сделал проблемным традиционный тип отказа-побега, который массово практиковался религиозными диссидентами.

По-видимому, первым отказчиком-толстовцем был Алексей Петрович Залюбовский (1863–?). В январе 1885 года во время приема призывников в Московской думе он заявил, что ни присягать, ни носить оружия не может по своим религиозным убеждениям. Последовали угрозы воинского начальника и увещевания священника, после чего Алексея отправили в Кишинев и зачислили в артиллерийскую бригаду, в которой служил его брат-офицер. Слухи об отказе Залюбовского распространились по городу и вызвали сочувствие к нему. Его поместили в военный госпиталь и хотели фиктивно объявить душевнобольным, но он отказался «от этого ложного средства освобождения от предстоящих лишений» (Попов, 1896: 14).

После уговоров офицеров и бесед со священником Залюбовский был предан военному суду, который не признал его виновным,

13. ОР РГБ. Ф. 345. К. 94. Ед. хр. 6. Л. 12. ОР РГБ. Ф. 486. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 13.

посчитав, что раз тот не принимал присяги, то не может считаться солдатом, обязанным исполнять требования военного начальства. Однако сразу после суда его отправили на гауптвахту, а вскоре перевели в артиллерийскую бригаду, расположенную в Ашхабаде. Там Алексей участвовал в артиллерийских учениях и исполнял все те приказы начальства, которые не противоречили его убеждениям. Когда же от него потребовали исполнения караульной службы с оружием в руках, он отказался, опасаясь, что возникнет необходимость в применении оружия (Там же: 16). После этого отказа Залюбовский опять попал под суд, который приговорил его к дисциплинарному батальону на год. Отбывая наказание, он почти все время просидел в карцере, а потом, благодаря хлопотам Толстых, был переведен на нестроевую должность в Закаспийском крае.

Среди последующих отказов, которые становились все более частыми, широкую известность получил случай с Дрожжиным. Евдоким Никитич Дрожжин (1866–1894), происходивший из крестьян Курской губернии, работал учителем в Дмитровском уезде. Он был революционером, когда встретился с толстовцем Д.А. Хилковым. Попав за распространение запрещенной литературы в тюрьму, Дрожжин лишился учительского звания, поэтому в августе 1891 года его призвали к исполнению воинской повинности в г. Судже, где он отказался от присяги и ношения оружия.

После долгих увещаний со стороны священника, Дрожжин был зачислен в 62-й резервный батальон, стоявший в Харькове. В нем он продолжал отказываться от военных занятий, за что был посажен в одиночную камеру на гауптвахте. Потом над ним был первый суд, который приговорил его к переводу в дисциплинарный батальон на два года «за воинское преступление» (Там же: 18).

В октябре 1892 года Дрожжин был привезен в Воронежский дисциплинарный батальон, где продолжал отказываться от исполнения воинских обязанностей. В Воронеже над ним было еще четыре суда, которые каждый раз приговаривали его к одиночному заключению и к продлению пребывания в батальоне (Там же: 18-19).

В дисциплинарном батальоне Дрожжина били, неоднократно сажали под «строгий» арест и наказывали «смешанным» заключением, а также заключением в темный и холодный карцер. В декабре 1893 года, после осмотра губернской медицинской комиссией, Дрожжин был признан негодным к военной службе. Он был переведен в городскую тюрьму, где у него открылась скоротечная чахотка. В ночь с 26 на 27 января 1894 года Дрожжин умер¹⁴.

Возмущенные данным случаем толстовцы предали его гласности: выпустили за границей несколько брошюр о Дрожжине, пытаясь

14. ОР РГБ. Ф. 435. К. 78. Ед. хр. 3. Л. 5-6.

привлечь внимание общественности к проблеме свободы совести и положению отказчиков от военной службы (Попов, 1898, 1903, 1896). Согласно справке департамента полиции, первая публикация брошюры о Дрожжине «в свое время наделала много шума в среде русской молодежи и, благодаря крайне вызывающему характеру предисловия... к ней, написанного графом Л. Толстым, легко вошла в состав противоправительственных изданий, излюбленных революционерами разных фракций» (цит. по: Антюхин, 1983: 134)¹⁵.

Чуть раньше Дрожжина отказался от военной службы Николай Трофимович Изюмченко (1867–1927), крестьянин Курской губернии. В 1889 году он был призван на военную службу и зачислен в писари. Отбывая службу, Изюмченко основал среди солдат «революционный» кружок, за что осенью 1891 года отсидел пять месяцев на военной гауптвахте. Здесь ему попались сочинения Толстого, после чтения которых он почувствовал себя толстовцем.

По выходе из гауптвахты Изюмченко был переведен из писарей в строевую роту. Он уже принял решение уйти с военной службы, когда за неисполнение приказа ротного командира — не читать книг — был приговорен судом к пятидесяти ударам розгами, после чего самовольно покинул место службы и ушел к своему другу Е.Н. Дрожжину. У Дрожжина он прожил две недели и познакомился с Д.А. Хилковым. Дрожжин и Хилков указали Изюмченко на важность открытого отказа от службы в противовес дезертирству, после чего тот вернулся в полк и открыто заявил о своем отказе.

Просидев пятнадцать месяцев в Курской тюрьме, в сентябре 1893 года по приговору военного суда Изюмченко был отправлен в воронежский дисциплинарный батальон, откуда был выслан в г. Березов Тобольской губернии (Изюмченко, 1905)¹⁶. По прошествии трех лет ссылка была ему продлена еще на пять лет, поэтому Изюмченко был освобожден лишь в 1903 году, после чего навсегда остался в Сибири, занявшись кооперативной работой.

Следующий отказчик из толстовской среды впоследствии стал довольно известным деятелем театра. Леопольд Антонович Сулержицкий (1872–1916) в начале 1890-х годов был учеником Московского училища живописи, ваяния и зодчества. В этом училище познакомился и подружился с дочерью Толстого Татьяной и вскоре стал толстовцем.

Пример Сулержицкого наглядно демонстрирует, как сложна могла быть мотивация индивидуального отказа. Сулержицкий много размышлял об отказе, но сделать выбор окончательно в его пользу не решался. В ноябре 1895 года в Москве он подал прошение о принятии его в армию вольноопределяющимся — чтобы «отбыть

15. На самом деле Толстой написал послесловие.

16. <https://slavicbaptists.com/2012/02/10/pavloveconfession/>

воинскую повинность как можно в меньший срок и как можно легче», желательно в Москве.

Когда Сулержицкий пришел в казарму для подачи прошения и освидетельствования, то был поражен: «Я много слышал об отношении офицеров к солдатам, но это превзошло мои ожидания. Какая-то особенная обезличивающая атмосфера во всем. Тяжело мне стало от этих выпученных глаз, перепуганных, умышленно глупых в знак почтения, лиц». Он пишет, что здесь он «впервые почувствовал всю систему отуманивания, непрерывного одурачивания». В это время он начал читать «Царство Божие внутри вас» Льва Толстого, которое все его «отрывочные впечатления осветило и привело в ясный порядок»¹⁷.

Объясняя мотивы своего отказа в «Записках вольноопределяющегося», Сулержицкий пишет, что планировал отказаться, в первую очередь следуя евангельской заповеди «не клянись вовсе», а также потому, что воинская повинность представлялась ему как ряд неприятных для него поступков: «отдание чести, маршировка, лишение свободы до известной степени и тому подобное»¹⁸. Заповедь «не убий» поначалу не очень занимала его мысли.

Когда же подошло время службы, Сулержицкий уже понимал воинскую повинность как согласие на убийство других людей, но, боясь последствий отказа, считал, что можно пойти служить, а в случае войны отказаться убивать, даже под угрозой расстрела¹⁹. Однако после долгих размышлений он пришел к выводу, что подобные аргументы — самообман, и он просто ищет себе оправдания. Приняв решение послушаться своей совести и отказаться открыто, он пришел в радостное состояние духа.

На следующий день, после того как он узнал, что принят вольноопределяющимся, Сулержицкий пошел в казармы отказываться. Он нашел адъютанта и сказал ему, что отбывать воинскую повинность не может, так как она противоречит его разуму и совести. Адъютант и присутствовавший при этом офицер были удивлены и отправили его к полковому командиру. Командир наорал на Сулержицкого, не понимая, почему тот сначала просил принять его вольноопределяющимся, а теперь отказывается.

— Да что вы это?

— Вот не могу...

— Просили, а теперь не можете, почему не можете?

— Потому что убийство и насилие противно моей совести и разуму. А просил потому, что ясно тогда не понимал, что значит воинская повинность, и нахожу, что как бы долго ни ошибался, раз нашел ошибку, надо ее уничтожить.

17. ОР РГБ. Ф. 369. К. 4сб. Ед. хр. 5. Л. 1-2.

18. Там же. Л. 1.

19. Там же. Л. 1-2.

И.А. Гордеева
Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века

- Да вас будут судить.
- Судите.
- Да вас расстреляют.
- Стреляйте»²⁰.

Сулержицкий был арестован и помещен «на испытание» в отделение для душевнобольных Московского военного госпиталя. Уговоры друзей, просьбы Толстых не брать на себя больше, чем способен вынести, и слезы родных подрывали решимость Сулержицкого стоять в своем отказе до конца. После долгих колебаний он согласился служить, и был отправлен в Среднюю Азию (Булгаков, 1970: 240).

Ефим Осипович Дымшиц (1884–1936) отказался от службы осенью 1906 года. Когда Дымшиц познакомился с работами Толстого, он узнал в них свои мысли: «Отвращение и отрицание насилия, в какой бы то ни было форме и в силу каких бы то ни было мотивов, непротивление злу, не из страха, а из полного и ясного сознания, что зло — безумие, тьма и болезнь, что насильник больше всего достоин жалости, что противление (насилием) не уничтожает зла, а лишь размножает его, отравляя и душу противящегося; личное совершенствование как необходимое условие жизни и как единственный путь освобождения людей от зла; доверие непосредственное своей душе — вот что было всего дороже для меня в писаниях Толстого»²¹. У него «сложилось твердое убеждение, что каждый человек должен сообразоваться со своей душой, что закон человека — это его внутреннее чувство, что призвание человека — это именно проявить свое самосознание, в каком бы противоречии оно ни находилось с условиями и формами окружающей жизни и какие бы страдания ни грозили ему (человеку)»²².

О мотивах своего отказа Дымшиц писал: «Я затрудняюсь сказать, чтобы решение это имело первоначально религиозное основание. В сущности, насколько я теперь понимаю себя, — решение это имело не одно, а несколько оснований. Первоначально я решил отказаться от службы главным образом потому, что я не мог служить, не мог просто физически — если можно так выразиться. Я никак не могу вообразить себя в той обстановке и той атмосфере, которая составляет сущность военной службы. Солдатская жизнь — эти “занятия”, которые мне не раз приходилось наблюдать, это “приемы” и вечные команды “направо и налево!” и проч., эти выкрики: “смирно! Здравия желаем...” и проч., эта “словесность”, эта, вообще, жизнь по команде, это рабство и унижение человеческого достоинства — помню, действовали на меня — с тех пор, как я начал более или менее сознательно относиться к жизни — как-то особенно... И я никак не мог представить себя в этом положении — важно

20. ОР РГБ. Ф. 369. К. 406. Ед. хр. 5. Л. 6.

21. ОР РГБ. Ф. 345. К. 46. Ед. хр. 6. Л. 9-11.

22. Там же. Л. 12.

проделывающим по команде “дядьки” или ротного все эти “приемы”, замирающим при встрече “генерала”, бессмысленно твердящим: “так точно! Никак нет!” и проч. — не мог представить себя в казарме, обязанным ложиться и вставать, ходить и сидеть, говорить, смотреть и проч. по определенным “дурацким” правилам, измышленным тупыми и — всегда казалось мне — бездушными людьми»²³.

Интересно, что когда Дымшиц пришел отказываться, в канцелярии воинского начальника с ним не захотели связываться и сначала пытались вынудить его прибегнуть к традиционному отказу-бегству и даже предложили скрыться за границей или на Афоне²⁴.

В начале XX века происходит все больше и больше индивидуальных отказов от военной службы простых людей, в основном сектантов, под влиянием чтения произведений Толстого, общения с толстовцами или другими «интеллигентными» богоскательями. В 1901 году произошел первый отказ под влиянием Александра Михайловича Добролюбова (1876–1944).

Поэт, эстет и «сатанист» Александр Добролюбов был основателем секты «добролюбовцев»²⁵. Бросив «культурную» жизнь и город, он ушел скитаться по России, жил преимущественно в Оренбургской, Уфимской, Самарской губерниях, занимался физическим трудом, распространял свое учение. Большинство его последователей были простыми крестьянами, казаками, нередко — выходцами из молочан и хлыстов.

Последователи Добролюбова казаки Пермской губернии Верхотурского уезда Неклюдов и Орлов отказались от военной службы на основании отвращения к «кровопролитию». В прессе появились отчеты о судебном процессе над ними в г. Троицке Оренбургской губернии. Газеты писали: «Добролюбов — бывший студент Петербургского университета по филологическому факультету, молодой человек, лет 25-ти. На вопрос председателя суда: “Ваше звание?” Д[обролюбов] ответил: “Крестьянин, а раньше был дворянин”». Также сообщалось, что «встретился с казаками Неклюдовым и Орловым Добролюбов случайно, идя из Верхотурья. Эти люди пригласили его к себе в поселок Верхотурского уезда, где он и находился у них в работниках. В разговорах с Неклюдовым и Орловым он, Добролюбов, убедил их, что “воевать грех, а также грех носить оружие”: “По писанию Божьему следует всем жить в согласии и дружбе”. И вот когда Неклюдов и Орлов были вызваны на сборный пункт, то они явились туда без оружия, заявив, что они “считают грехом носить меч”» (Пругавин, 1912).

Добролюбов подтвердил свое влияние на решение казаков на суде и попросил суд освободить их от наказания. Суд

23. ОР РГБ. Ф. 345. К. 46. Ед. хр. 6. Л. 9-11.

24. Там же. Л. 13.

25. Подробнее о Добролюбове см.: Эткинд, 1998: 264-281.

приговорил Добролюбова к восьми месяцам тюремного заключения, а казаков — к двум с половиной годам арестантских работ²⁶.

Принципиальная честность, открытость индивидуальных отказов очень ярко проявилась в случае с Рафаилом Буткевичем (1893–1916). Он был толстовцем во втором поколении — сыном известного пчеловода А.С. Буткевича, происходившего из дворян, но «опростившегося» еще в конце 1880-х годов. По воспоминаниям одного из лидеров российских пацифистов В.Ф. Булгакова, Рафаил «принадлежал к наиболее чистым и идеалистически настроенным натурам» и не мог быть солдатом «по всему состоянию своей духовной структуры» (Булгаков, 1922: 69).

Мать Рафаила понимала, что ее сын обязательно откажется от службы, и переживала за его судьбу. Она надеялась, что он не пройдет медицинскую комиссию из-за слабого здоровья. В семье велись споры, стоит ли Рафаилу заявлять о своем отказе в случае, если он будет «забракован» врачами. Мать была против такого заявления, а сын считал, что его долг заключается в том, чтобы при призыве сделать заявление об отказе от военной службы еще до медицинского осмотра.

В начале октября 1914 года Р. Буткевич явился в воинское присутствие в г. Одоеве, предстал перед испытательной комиссией и, вспомнив о матери, не сделал никакого заявления о своих убеждениях. Его осмотрели, нашли непригодным к военной службе и освободили от нее навсегда. После этого молодого человека замучила совесть из-за того, что он не смог отказаться открыто. В письме своему другу В.Ф. Булгакову он писал, что теперь предпочел бы арестантские роты подобным мучениям совести (Там же: 69–70)²⁷. Вскоре Буткевич был арестован по делу об антивоенном воззвании толстовцев. Он умер в тюрьме в 1916 году.

В индивидуальных отказах нередко прослеживаются несколько мотивов, бывает, что и религиозных, и светских одновременно. Такой отказ может быть следствием как отвращения к убийству, так и неприятия клятвы по религиозным мотивам, а также антидисциплинарным протестом против отчуждения собственного тела, которое происходит на военной службе. Отказчики указывали на свое отвращение к жизни в казарме, ношению военной формы, маршировкам, военной муштре, к необходимости выполнения команд начальства, публичному раздеванию перед медицинской комиссией, занятиям гимнастикой, обучению обращению с оружием и прочим тренировкам, разучиванию молитв, неприятие казенных

26. ОР РГБ. Ф. 486. К. 4. Ед. хр. 4. Л. 29. ОР РГБ. Ф. 435. К. 78. Ед. хр. 3. Л. 10.

27. При объяснении мотивов своего отказа индивидуальные отказчики с начала XX века все чаще пользуются понятием «совесть», особенно это было характерно для толстовцев.

вещей и казенной пищи, и всем прочим телесным практикам, сопряженным с положением солдата и пребыванием в казарме.

Как уже было показано, в истории российских религиозно-общественных движений отказ от военной службы по мотивам совести нередко был наиболее важным актом из целого ряда других «отказов»: от присяги (военной и от присяги новому государю), от паспорта (а иногда даже от имен и фамилий), от записи в подушный оклад и переписи населения, от уплаты налогов, регистрации брака, от занятия бюрократических должностей, от обращения к суду и полиции, от государственного образования и общепринятых систем воспитания детей, от идентификации с определенным сословием и гражданством, от общепринятых социально-политических номинаций, подчинения законам и представителям властей и даже, в более поздние периоды, — от участия в выборах. По существу, это был отказ от общепринятой гражданской идентичности, или даже от подданства в пользу Небесного гражданства, или, в светском варианте, в пользу реального или воображаемого «идеологического отечества».

Толстовцы подхватили данную традицию. Самые радикальные из них старались жить без официальных паспортов или выписывали себе новые, с альтернативными самоопределениями. Отвергая военную службу, они заявляли о своем негражданстве в Российской империи и неподчинении ее законам, пытались защищать свое право и право сектантов на аналогичное поведение (подробнее см.: Гордеева, 2017).

От «оружия слабых» к гражданскому неповиновению

Сравнение народно-религиозных традиций отказа от сотрудничества с государством и, в частности, отказов от военной службы, с подобными практиками толстовцев позволяет прийти к выводу о том, что в них были как общие черты, так и существенные отличия, связанные прежде всего с целью протеста и его этикой.

В отличие от народного протеста, для общественного движения, основанного толстовцами, была характерна постоянная рефлексия моральной чистоты своих методов, соотношения целей и средств борьбы. Они старались сделать их открытыми и честными, основанными на продуманных и свободно принятых ценностях.

Индивидуальный отказ толстовцев всегда происходил открыто, он не являлся формой уклонения, бегства или дезертирства, происходил в момент призыва (иногда отказывающийся заранее письменно извещал заинтересованные органы о своем намерении) или непосредственно после того, как человек путем размышлений пришел к выводу о невозможности служить. Отказываясь от военной службы, толстовцы сознательно предпочитали суровое наказание даже неопасной с точки зрения угрозы жизни и здоровью службе

И.А. Гордеева
Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века

в мирное время, они нередко отказывались служить даже в таких условиях, которые с очень малой вероятностью могли повлечь за собой применение оружия и угрозу стать убийцей, а тяжесть возможного наказания за отказ ощутимо превышала те лишения, которые грозили отказчикам в случае принятия ими военной службы.

Толстовцы-отказчики были склонны к публичному проговариванию своей позиции, они стремились к обсуждению своих взглядов и мотивов, приводили аргументы «от совести», цитировали Священное писание, некоторые даже формулировали свой отказ в общественно-политических терминах, опираясь на работы Толстого, зарубежных мыслителей, ученых и религиозных деятелей — сторонников ненасилия.

Принципиальная открытость и честность индивидуальных отказов от службы резко контрастирует с теми хитростями, на которые были готовы идти раскольники и сектанты ради соблюдения своих религиозных догматов. В отличие от толстовцев, у сектантов и старообрядцев считалось нормой использование разного рода хитростей, притворства и даже прямого обмана и мошенничества в целях сохранения верности своим религиозным принципам. Они разделяли «внешнее» и «внутреннее» подчинение и снисходительно относились к первому, подобно тому, как бегуны различали «телесное» и «духовное» подчинение властям, и при определенных условиях первое могло разрешаться (Чистов, 2003: 284). Потаенные старообрядцы, чтобы не обнаружить свою веру при исповеди, использовали метод «перекладывания грехов» на другого человека (нанимая его за деньги посетить исповедь вместо себя) (Мальцев, 1996: 87-88). Или же избегали «никонианского» причастия таким способом: на исповеди указывали за собой тяжкие грехи, после чего, по правилам, причащать их было нельзя (Там же: 134-135).

Право покупки рекрутских квитанций и сдачи в рекруты по найму неимущих односельчан было нередкой, признанной законом, практикой в русской деревне (Мамсик, 1987: 67). Также имела место отдача в рекруты вне очереди по приговору сельского схода специально подобранных молодых людей, не угодных сельской администрации (Там же: 74-75). Есть сведения о том, что старообрядцы брали «будто бы в усыновление» малолетних детей и записывали их в состав своей семьи, а потом отдавали в рекруты (Там же: 40).

В использовании методов пассивного сопротивления религиозные диссиденты ничем не отличались от всех прочих крестьян, для которых, как это показал Дж. Скотт, были характерны «обыденные формы сопротивления» — «нерадение при выполнении работ, симуляция, фальшивое, для виду, согласие, притворное понимание, уклонение, подворовывание, незаконные промыслы, браконьерство, злословие, саботаж, поджоги, нападение исподтишка и убийство, анонимные угрозы и т. п.» (Скотт, 1996: 28). Скотт считал эти

методы разновидностью «оружия слабых», применение которого особо распространено в авторитарных обществах, где открытые протест и несогласие с властью грубо пресекаются жестокими репрессиями.

Выстраивая свое «свободно-религиозное» пацифистское движение, толстовцы опирались на народные традиции бегства от государства и отказов сотрудничать с ним, но при этом старались превратить повседневные практики пассивного сопротивления и несотрудничества сектантов и крестьян в политическую технологию, осознанный, целенаправленный, честный и открытый социальный протест²⁸.

Конечно, толстовцы не были ни первыми, ни единственными из общественных деятелей, кто обратил внимание на неконформизм русского сектантства и раскола. Однако их отношение к народу заметно отличается от отношения к нему революционных народников, кооператоров и особенно большевиков. Стремление помочь народу сочеталось у толстовцев с уважительным отношением к народно-религиозным традициям протеста и готовностью учиться у религиозных диссидентов жить автономно от государства, а если надо, то и противостоять ему.

В отчетах обер-прокурора Синода начиная с 1898 года постоянно констатируются факты влияния «лжеучения» Толстого на сектантство и даже на православное население (цит. по: Пругавин, 1911, 193). Характерно, что отнюдь не старообрядцы и прочие адепты эсхатологического эскапизма оказались восприимчивыми к пацифистским идеям толстовцев, а скорее, представители тех религиозных групп, которые в конце XIX — начале XX века переживали духовное возрождение, главным образом духоборы, трезвенники, евангельские христиане и баптисты. Уже в советское время, в 1919–1922 годы, толстовцы сумеют объединить религиозных пацифистов в один межконфессиональный орган — Объединенный совет религиозных общин и групп, который будет осуществлять экспертизу религиозных взглядов отказчиков от военной службы для того, чтобы убежденные пацифисты получили освобождение от нее по суду (Гетель, 1997: 301–317).

Антидисциплинарный характер пацифистского движения

Общей чертой народно-религиозных и толстовских практик несотрудничества с государством является их антидисциплинарный характер. Антидисциплинарность возникает как реакция на дисциплинирующие практики современного государства, которое

²⁸. Результатом изучения народных практик стал архив, а также ряд работ, посвященных истории народно-религиозного протеста в России и за рубежом, не все из которых были закончены и опубликованы.

начинает «наступление» на идентичность человека, утверждая свою власть над телами, душами и средой обитания людей.

Согласно М. Фуко, во внутренней политике современных государств заметно выражен дисциплинарный аспект, который проявляется независимо от господствующих в них экономической или идеологической системы и является следствием развития государства как автономного субъекта со своими собственными интересами. Средством обеспечения интересов государства стало создание «дисциплинарного общества», для которого характерна система контроля над поведением и мыслями людей с помощью целой сети учреждений, таких как полиция, пенитенциарные, медицинские и педагогические учреждения. Целью этих учреждений является «нормализация» поведения, мыслей и чувств, а также адаптация тел и душ подданных для наиболее удобного использования в интересах государства (службы в армии, сбора налогов, установления политического контроля) (Фуко, 2007).

Также современные государства для нужд нормализации и контроля стремятся монополизировать символическую власть — право присваивать имя, идентифицировать, разделять на категории по признакам пола, религии, собственности, этничности, грамотности, криминогенности или душевного здоровья. Переписи населения распределяют людей по этим категориям, а различные организации — от школ до тюрем — производят сортировку (Брубейкер, 2002: 86-87). К средствам нормализации и контроля относится и паспорт, ставший для религиозных диссидентов символом несвободы, — «документ, не только удостоверяющий личность владельца, но и свидетельствующий о его лояльности государству: это был знак выполнения личностью своих обязанностей подданного, устанавливаемых властью в зависимости от ее потребностей» (Чернуха, 2007: 5-6).

При такой установке под подозрение государства попадают в первую очередь те, кто не вписывается в норму, в навязываемые государством категории, — религиозные диссиденты, социальные маргиналы и общественно активные люди. Именно такие люди в первую очередь страдают от государственного контроля: их вера, их совесть, их субъективность в таких условиях становятся проблемой. Они оспаривают навязываемые идентичности и ведут борьбу за право на свободную самоидентификацию с государством и его агентами²⁹.

29. Антидисциплинарная направленность протеста пацифистов подтверждается еще и тем, что их повышенным вниманием пользовались такие институты, как полиция, тюрьма, различные виды наказаний, включая смертную казнь, репрессивные медицинские и психиатрические практики, история религиозных гонений и прочие притеснения свободы совести. Критика этих институтов становилась предметом их публицистических работ, общественных выступлений, а также научных изысканий.

В России религиозные диссиденты стали первыми, кто заявил свой протест против вмешательства государства и начал отстаивать свою «зону автономности». Они ответили на внешние ограничения бегством и уходом от государства и официальной церкви. В конце XIX — начале XX века наиболее чуткие представители образованных слоев населения поддержали народный протест против тотального наступления государства на все сферы жизни, дополнив его идеями мира и ненасилия. Общая антидисциплинарная установка и ценности ненасилия объединили в единой «свободно-религиозной» среде представителей различных религий, философий и идеологий. Таким образом, в этот период появилось российское пацифистское движение, главными целями которого были провозглашены защита свободы совести и утверждение в обществе ценностей ненасилия.

И.А. Гордеева
Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века

Библиография

- Антюхин Г.В. (1983). Друзья Л.Н. Толстого Г.А. Русанов и В.Г. Чертков. Воронеж.
- Асташов А.Б. (2011). Политика власти в отношении отказничества от военной службы по религиозным соображениям накануне и во время Первой мировой войны // Вестник РУДН. Серия: История России. № 3. С. 49-61.
- Брок П. (1997). Русские сектанты-пацифисты и военная служба 1874–1914 гг. // Долгий путь российского пацифизма. М.
- Брубейкер Р., Купер Ф. (2002). За пределами «идентичности» // Ab Imperio. № 3.
- Булгаков В.Ф. (1970). Лев Толстой, его друзья и близкие. Тула.
- Булгаков В.Ф. (1922). «Опомнитесь, люди-братья!» История воззвания единомышленников Л.Н. Толстого против Мировой войны 1914–1918 гг. Т. 1. М.
- Гетель Е.И. (1997). Объединенный Совет религиозных общин и групп как одно из проявлений русского религиозного пацифизма // Долгий путь российского пацифизма. М. С. 301-317.
- Гордеева И.А. (2017). Альтернативные паспорта и другие практики символического отказа от гражданства // Городские тексты и практики. Т. 1. Символическое сопротивление. М. С. 157-173.
- Грушко К.П. (2000). Стивен Греллет и практика ненасилия в первой половине XIX в. // Ненасилие как мировоззрение и образ жизни. М. С. 100-115.
- Гурьянова Н.С. (1988). Крестьянский антимоноархический протест в старообрядческой эсхатологической литературе периода позднего феодализма. Новосибирск.
- Гурьянова Н.С. (1999). Монарх и общество: к вопросу о народном варианте монархизма // Старообрядчество в России (XVII–XX вв.). М.
- Изымченко Н.Т. (1905). В дисциплинарном батальоне: Записки. Christchurch.
- Иникова С.А. (1997). История пацифистского движения в секте духоборов (XVIII–XX) // Долгий путь российского пацифизма. М.
- Ипатов А.Н. (1978). Меннониты. М.
- Клибанов А.И. (1965). История религиозного сектантства в России (60-е годы XIX в. — 1917 г.). М.
- Клиппенштейн Л. (1997). Отказ от военной службы по мотивам совести в меннонитских общинах царской России // Долгий путь российского пацифизма. М.
- Коппирер Б. (2001). Пацифистские секты, большевики и право на отказ от воинской службы // Альманах по истории русского баптизма. Вып. 2. СПб.
- Мальцев А.И. (1996). Староверы-странники в XVIII — первой половине XIX века. Новосибирск.

- Мальцев А.И.* (1989). Странники-безденежники в первой половине XIX в. // Христианство и церковь в России феодального периода. Новосибирск.
- Мамсик Т.С.* (1987). Крестьянское движение в Сибири: Вторая четверть XIX века. Новосибирск.
- Мир/Рее* (1993): альтернативы войне от античности до конца Второй мировой войны: Антология. М.: Наука.
- Покровский Н.Н., Зольникова Н.Д.* (2002). Староверы-часовенные на востоке России в XVIII–XX вв. М.
- Попов Е.И.* (1896). Открытое письмо к обществу по поводу правительственных гонений на людей, отказывающихся от участия в государственных насилиях. Carouge-Genève: М.К. Элпидин.
- Попов Е.И.* (1898). Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894 / После сл. Л.Н. Толстого. 2-е изд. Purleigh: Изд-во В. Черткова.
- Попов Е.И.* (1903). Жизнь и смерть Евдокима Никитича Дрожжина, 1866–1894 / После сл. Л.Н. Толстого. 3-е изд. Christchurch.
- Пругавин А.* (1912). Декадент-сектант // Русские ведомости. 13 декабря (№ 287)
- Пругавин А.С.* (1911). О Льве Толстом и толстовцах: Очерки, воспоминания, материалы. М.
- Скотт Дж.* (1996). Оружие слабых: Обыденные формы сопротивления крестьян // Крестьяноведение: Теория. История. Современность. М.
- Фуко М.* (2007). Психиатрическая власть. СПб.
- Чернуха В.Г.* (2007). Паспорт в России, 1719–1917 гг. СПб.
- Чистов К.В.* (2003). Русская народная утопия. СПб.
- Эткинд А.М.* (1998). Хлыст: (Секты, литература и революция). М.: НЛО.
- Helmut-Harry L., Urry J.* (1991). Protecting Mammon. Some Dilemmas of Mennonite Non-resistance in late Imperial Russia and the Origins of the Selbstschutz // Journal of Mennonite Studies. Vol. 9.

Refusals to serve in the military and development of the Russian pacifist movement in the late 19th — early 20th century

Irina Gordeeva, PhD (History), Associate Professor, Saint Philaret Christian Orthodox Institute. 105062, Moscow, Pokrovka St., 29. E-mail: gordnepl@gmail.com

The Russian pacifist movement originated at the turn of the 20th century mainly due to the Tolstoyans. To explain its social-political and ethical views the movement referred to the ideas of Leo Tolstoy, philosophy of non-violence and civil resistance, and Russian and foreign religious movements. The pacifist movement began with the attempts of the Tolstoyans to protect the like-minded people and other believers who refused to serve in the army on religious and ideological grounds. The leaders of the pacifist movement considered conscientious objection the most important religious and ethical protest of the Russian people. Despite the fact that many its leaders represented privileged social groups, the movement consisted of sectarian and peasant groups. They became a kind of peasant scholars and conducted a large-scale study of the people's protest traditions to develop the mass social basis of the pacifist movement. The article also considers the Tolstoyans' efforts to turn "weapons of the weak" — traditional methods of people's protest (various forms of flight and refusals to cooperate with the state, autonomous communities, etc.) — into effective forms of civil disobedience.

Key words: Russian pacifist movement, conscientious objection, Russian sectarianism, national religious movements, Tolstoyan movement, nonviolence, civil disobedience

- Antyukhin G.V. (1983) *Druzya L.N. Tolstogo G.A. Rusanov i V.G. Chertkov* [Friends of L.N. Tolstoy — G.A. Rusanov and V.G. Chertkov]. Voronezh.
- Astashov AB. (2011) Politika vlasti v otnoshenii otkaznichestva ot voyennoy sluzhby po religiozным soobrazheniyam nakanune i vo vremya pervoy mirovoy voyny [The state policy on the refusals to serve in the military on religious grounds on the eve and during the First World War]. *Vestnik RUDN. Seriya: Istoriya Rossii*, no 3, pp. 49–61.
- Brock P. (1997) Russkie sektanty-patsifisty i voennaya sluzhba 1874–1914 gg. [Russian sectarians-pacifists and military service in 1874–1914]. *Dolgy put rossiyskogo patsifizma*. Moscow.
- Brubaker R., Cooper F. (2002) Za predelami “identichnosti” [Beyond ‘identity’]. *Ab Imperio*, no 3.
- Bulgakov V.F. (1922) “Opomnites, lyudi-bratya!” *Istoriya vozzvaniya edinomyshlennikov L.N. Tolstogo protiv Mirovoy voyny 1914–1918 gg.* [“Come to Your Senses, People-Brothers!” Story of the Proclamation of L.N. Tolstoy’s Supporters Against the World War of 1914–1918] Vol. 1. Moscow.
- Bulgakov V.F. (1970) *Leo Tolstoy, ego druzya i blizkie* [Leo Tolstoy, His Friends and Relatives]. Tula.
- Chernukha V.G. (2007) *Pasport v Rossii, 1719–1917 gg.* [Passport in Russia, 1719–1917]. Saint Petersburg.
- Chistov K.V. (2003) *Russkaya narodnaya utopiya* [Russian People’s Utopia]. Saint Petersburg.
- Etkind A.M. (1998) *Khlyst: (Sekty, literatura i revolyutsiya)* [Whip: (Sects, Literature, and Revolution)]. Moscow: NLO.
- Foucault M. (2007) *Psikhiatricheskaya vlast* [Psychiatric Power]. Saint Petersburg.
- Getel E.I. (1997) Ob `edinennyi Sovet religioznykh obschin i grup kak odno iz proyavleniy russkogo religioznogo patsifizma [The United Council of Religious Communities and Groups as a manifestation of the Russian religious pacifism]. *Dolgy put rossiyskogo patsifizma*. Moscow, pp. 301–317.
- Gordeeva I.A. (2017) Alternativnye pasporta i drugie praktiki simvolicheskogo otkaza ot grazhdanstva [Alternative passports and other practices of the symbolic renunciation of citizenship]. *Gorodskie teksty i praktiki*. Vol. 1. *Simvolicheskoe soprotivlenie*. Moscow, pp. 157–173.
- Grushko K.P. (2000) Stephen Grellet i praktika nenasiliya v pervoy polovine XIX v. [Stephen Grellet and the practice of non-violence in the first half of the 19th century]. *Nenasiliie kak mirovozzrenie i obraz zhizni*. Moscow, pp. 100–115.
- Guryanova N.S. (1988) *Krestyansky antimonarkhichesky protest v staro-obryadcheskoy eschatologicheskoy literature perioda pozdnego feodalizma* [Peasant Antimonarchist Protest in the Old-Believers Eschatological Literature of the Late Feudalism]. Novosibirsk.
- Guryanova N.S. (1999) Monarkh i obschestvo: k voprosu o narodnom variante monarkhizma [Monarch and society: On the people’s version of monarchism]. *Staroobryadchestvo v Rossii (XVII–XX vv.)*. Moscow.
- Helmut-Harry L., Urry J. (1991) Protecting Mammon. Some dilemmas of Mennonite non-resistance in late Imperial Russia and the origins of the Selbstschutz. *Journal of Mennonite Studies*, vol. 9.
- Inikova S.A. (1997) *Istoriya patsifistskogo dvizheniya v sekte dukhoborov (XVIII–XX)* [History of the pacifist movement in the Dukhobors sect (18–20 centuries)]. *Dolgy put rossiyskogo patsifizma*. Moscow.
- Ipatov A.N. (1978) *Mennonity* [Mennonites]. Moscow.
- Izumchenko N.T. (1905) *V distsiplinarnom batalione: Zapiski* [In the Disciplinary Battalion: Notes]. Christchurch.

И.А. Гордеева
Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века

- Klibanov A.I. (1965) *Istoriya religioznogo sektantstva v Rossii (60-e gody XIX v. — 1917 g.)* [History of Religious Sectarianism in Russia (the 1860s — 1917)]. Moscow.
- Klippenshtein L. (1997) Otkaz ot voennoy sluzhby po motivam sovesti v menonitskikh obshchinakh tsarskoy Rossii [Refusal to serve in the military based on conscientious objection in the Mennonite communities of tsarist Russia]. *Dolgy put rossiyskogo patsifizma*. Moscow.
- Koppiters B. (2001) Patsifistskie sekty, bolsheviki i pravo na otkaz ot voinskoj sluzhby [Pacifist sects, Bolsheviks and the right to refuse to serve in the military]. *Almanakh po istorii russkogo baptizma*. Vyp. 2. Saint Petersburg.
- Maltsev A.I. (1989) Stranniki-bezdenezhniki v pervoy polovine XIX v. [Pilgrims denying money in the first half of the 19 century]. *Khristianstvo i tserkov v Rossii feodalnogo perioda*. Novosibirsk.
- Maltsev A.I. (1996) *Starovery-stranniki v XVIII — pervoy polovine XIX veka* [Old Believers-Pilgrims in the 18 — the first half of the 19th century]. Novosibirsk.
- Mamsik T.S. (1987) Krestyanskoe dvizhenie v Sibiri: Vtoraya chetvert XIX veka [Peasant Movement in Siberia: The Second Quarter of the 19th Century]. Novosibirsk.
- Mir/Peace (1993): *Alternativy vojne ot antichnosti do kontsa vtoroy mirovoy vojny: Antologiya* [Alternatives to War from Antiquity to the End of the Second World War: Anthology]. Moscow: Nauka.
- Pokrovsky N.N., Zolnikova N.D. (2002) *Starovery-chasovennye na vostoке Rossii v XVIII—XX vv.* [Old Believers-Chasovennys in Eastern Russia in the 18th — 20th Centuries]. Moscow.
- Popov E.I. (1896) Otkrytoe pismo k obschestvu po povodu pravitelstvennykh goneny na lyudey, otkazyvayuschikhsya ot uchastiya v gosudarstvennykh nasiliyakh [An Open Letter to Society on the Government Persecution of People Refusing to Participate in State Violence]. Carouge-Geneve: M.K. Elpidine.
- Popov E.I. (1898) Zhizn i smert Evdokima Nikiticha Drozhzhina, 1866—1894 [Life and Death of Evdokim Nikitich Drozhzhin, 1866—1894]. Poslesl. L.N. Tolstogo. Purleigh: Izd-vo V. Chertkova.
- Popov E.I. (1903) Zhizn i smert Evdokima Nikiticha Drozhzhina, 1866—1894 [Life and Death of Evdokim Nikitich Drozhzhin, 1866—1894]. Poslesl. L.N. Tolstogo. Christchurch.
- Prugavin A. (1912) Dekadent-sektant [Decadent-sectarian]. *Russkie Vedomosti*. 13 dekabrya (No. 287).
- Prugavin A.S. (1911) *O Lve Tolstom i tolstovtsakh: Ocherki, vospominaniya, materialy* [About Leo Tolstoy and the Tolstoyans: Essays, Memories, Materials]. Moscow.
- Scott J. (1996) Oruzhie slabykh: Obydennye formy soprotivleniya krestyan [Weapons of the weak: Everyday forms of peasant resistance]. *Krestyanovedenie: Teoriya. Istoriya. Sovremennost*. Moscow.

Коммуны Центрального Черноземья — от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация

И.В. Гончарова, Г.С. Чувардин

Ирина Валентиновна Гончарова, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. 302026 г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95. E-mail: 79066610166@yandex.ru

Герман Сергеевич Чувардин, доктор исторических наук, профессор кафедры истории России Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева. 302026 г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95. E-mail: wodantag@mail.ru

В статье показана политика большевиков по организации в деревне коммун как высшей формы социалистического устройства сельского быта в послереволюционный период. Архивные материалы приоткрывают замысел власти по созданию этого типа коллективных хозяйств, порожденный революционной эйфорией, и некоторые особенности его воплощения в губерниях земледельческого центра страны в период нэпа. Опыт орловских коммун обнаруживает зависимость этих коллективных объединений от государственных дотаций и государственного земельного фонда. Особый интерес историков привлекает социальный состав коммунаров и их действительные мотивы в связи с организацией своих коммун. Важнейшим фактором, определявшим повседневную жизнь коммун в 1920-е — начале 1930-х гг., было отношение к ним властных органов. В этот период взгляды руководителей партии на коммуны изменялись в зависимости от стратегических задач государственной аграрной политики. В период нэпа, когда были частично разрешены товарно-денежные отношения и развитие частной инициативы, коммуны позиционировались как образцовые хозяйства будущего, транслирующие местным крестьянам новый образ жизни и совместного ведения хозяйства. Их экономическая нерентабельность отходила на второй план по сравнению с задачей культурного просвещения местных крестьян, что становилось стимулом для участия в коммунах наиболее предприимчивых крестьян, которые использовали государственные дотации для улучшения собственного материального положения. Дети коммунаров активно учились, и пребывание в коммуне, таким образом, использовалось и в качестве лифта социальной мобильности. Но с проведением коллективизации отношение государства к коммунаам изменилось. Эти организации стали подвергаться тщательному обследованию и резкой критике. Был взят курс на ликвидацию многоукладности в аграрном секторе, доминирующей формой коллективных хозяйств провозглашалась артель.

Ключевые слова: крестьяне, Центральное Черноземье, коммуны, колхозы, власть, большевики, коллективизация

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-105-122

Первые коммуны в черноземной деревне появились сразу после революционного передела земли. В Орловской губернии Парамоновская коммуна из 30 крестьянских семей организовалась в 1918 году в Селиховской волости Болховского уезда (Аграрная политика..., 1954: 477). Новая власть возлагала на коммуны в первую очередь социальные задачи. В период «военного коммунизма» социально-политическая обстановка в деревне резко обострилась в связи с маргинализацией общества и притоком сюда рабочих и бывших военных. Власть предпринимала усилия к тому, чтобы направить их активность на организацию новых форм быта на селе. В 1918 г. в Городищенской волости Мценского уезда Орловской губернии солдат Тимофеев, участник I Всероссийского съезда земотделов, комбедов и коммун, вернувшись с фронта, организовал коммуны «Восходящее солнце»¹. Другие коммуны в Мценском уезде возглавляли приехавшие в деревню шахтеры². Отсутствие опыта хозяйственной деятельности у организаторов коммун оборачивалось тем, что в приоритете были не экономические задачи, а политические. Коммуны должны были повлиять на крестьянское мировоззрение, сформировать лояльность к новым проектам власти в деревне.

В первые послереволюционные годы коммуны были государственными структурами, но с переходом к нэпу ситуация изменилась, их стали переводить на хозрасчет как кооперативные структуры. Но, в отличие от кооперативов XIX — начала XX в., коммуны были малочисленны, нестабильны и не имели выраженной специализации. Исследователь крестьянских объединений первых десятилетий XX в. В.В. Кабанов проводит параллель между этими коммунами и традиционной формой крестьянского объединения внутри общины — супрягой. В супряги входило, как правило, от 2 до 5 крестьянских хозяйств с недостатком скота и инвентаря. Они создавались на один сезон и для определенного вида работ. Главным стимулом объединения были не туманные перспективы светлого будущего, а реальная нужда. При достатке в хозяйстве крестьянин предпочитал работать единолично, используя труд своей семьи или наемных работников. «Здесь мы сталкиваемся, — пишет Кабанов, — со своеобразным, чисто крестьянским пониманием коллективного хозяйствования, когда колхоз строится по принципу традиционной, хорошо известной крестьянской взаимопомощи, типа супряги, объединявшей 2-3-5 хозяйств. Как и у сопрягавшихся, в таких карликовых хозяйствах также отсутствовали: в одном хозяйстве — рабочий скот, в другом — инвентарь, в третьем — рабочие руки и т. д. Простое сложение средств производства давало выход из положения. А если принять во внимание тот факт, что некоторые такие хозяйства не обобществляли скот, инвентарь, а то и по-

1. «Беднота», 15 декабря 1918 г.

2. «Беднота», 14 января 1919 г.

сев, то перед нами по существу остается та же супруга» (Кабанов, 1997: 76). В.П. Данилов называл это время «мануфактурным» периодом колхозного строительства (Данилов, 1962).

Весьма противоречивыми были целевые установки организаторов новых институтов деревни. «Голос трудового крестьянства» зафиксировал «разное понимание сущности коллективных хозяйств у инициаторов» уже осенью 1918 г. на съезде коммун в Орле: «Одни участники съезда — люди типа “хозяйственных мужичков” — видели в них лишь способ поправить дела в своих единоличных хозяйствах... Другие считали коммуны ячейками нового строя и стремились реализовать положения устава коммуны с целью достижения социалистического идеала. Наконец, выделялось и третье течение, особенно заметное в тех уездах, где жили сектанты евангелического толка. Коммунары этого типа хотели создать в коммунах религиозные братства, члены которых были бы связаны христианской любовью»³.

На протяжении первого послереволюционного десятилетия менялся социальный статус организаторов коммун. В 1918–1919 гг. в основном это были бедняки. Показательна история образцовой «Коммуны III интернационала» Орловского уезда. В августе 1918 г. ее собрали из 80 беднейших крестьян села Никольского Орловской губернии члены местной партийной ячейки. В фондах Орловского областного архива сохранилась официальная версия ее истории: «Весной 1919 г. коммуна принимала деятельное участие в борьбе с бандитизмом, она борется с бандами Силаева. Осенью 1919 г. при нашествии банд Деникина коммунары эвакуировали женщин и детей за Орел, сами же с оружием в руках отступали последними, раздав войскам и местному населению все продукты, собранные с урожая. Самое тяжелое время с осени 1919 г. до весны 1920 г., когда, поехав в Самарскую губернию, коммуна погибала, теряя свои силы, живой и мертвый инвентарь. Большинство членов заболело тифом в пути в холодных вагонах, приехали на место все больные и затем настал кошмарный период смертей по несколько человек в ночь, и много погибло коммунаров, и остались лежать в голодной Самарской губернии»⁴.

Весной 1920 г. коммунары вернулись в Орловскую губернию, основали свое хозяйство на средства, вырученные после продажи урожая, освободились от «случайных» элементов. В 1925 г. коммуна насчитывала 97 человек (24 семьи), большинство — молодые бедняки. В ее инфраструктуре были школа, детдом, клуб с библиотекой и роялем, в красном уголке которого партийцы и комсомольцы читали лекции для местных крестьян. Идеологическая партийная работа являлась своеобразным лифтом социальной мобильности: 5 молодых коммунаров обучались в партшколе и на рабфаке. Во вре-

3. «Голос трудового крестьянства». 16 ноября 1918 г.

4. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 73.

*И.В. Гончарова,
Г.С. Чувардин*
Коммуны Центрального Черноземья — от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация

мя революционных праздников устраивались торжественные заседания, концерты и спектакли, проводились демонстрации и митинги. «Словом, коммуна живет новым бытом без всяких старых обветшалых культов, обычаев и суеверий... Внутренняя коммунальная жизнь постепенно налаживается. В коммуне общий стол для взрослых. Отдельное общее питание детей, общий труд и специализированный труд по отдельным отраслям хозяйства, мастерству и ремеслам. Общее снабжение одеждой, обувью и другими предметами домашней жизни. Имеется портняжная мастерская. В ближайшее время дома будут перестроены для правильного нормального планомерного приспособления их для квартир взрослым и для общежитий для молодежи и детей»⁵. Никто из членов «Коммуны III интернационала» не имел права производить какие-либо работы без ведома и контроля коммуны, даже в свободное время. Так, по мнению «Орловской правды», должна выглядеть «созидающая пролетарская семья»⁶. Такое сравнение не случайно. Большевики считали деревню отсталой и консервативной средой, поэтому коммунистические организации на селе должны были ориентироваться на городских рабочих. Примечательно, что в описаниях нет ни слова о хозяйственных успехах коммуны.

Но подобные «островки» коммунистического быта были редкостью, и удержаться в период нэпа им было трудно⁷. По мере возрождения рыночных отношений индивидуальные устремления крестьян-коммунаров подрывали коллективный способ ведения хозяйства, «новый быт» не укладывался в жизненные реалии, а недостаток средств мешал укрепиться культурным преобразованиям. Например, в Оптушанской коммуне Орловского уезда на момент создания были общий стол и общее пользование продуктами, «правильное счетоводство и отчетность», школа и летний театр для детей, но через пару лет «за недостатком сил все это временно сокращается». Другие организации рассыпались и возвращались к «трехполке и бездоходному крестьянскому хозяйству» или же реорганизовывались в товарищества⁸.

С введением нэповских начал в деревне к революционному энтузиазму добавились другие мотивы создания коммун. Наблюдая за ситуацией в России, находившийся в эмиграции В. Тотомианц писал: «Среди сельскохозяйственных коллективов России видное место занимают так называемые коммуны, учреждаемые большевиками и бывшими землевладельцами вокруг больших городов» (Тотомианц, 1922: 169). Прецеденты создания коммун бывшими владельцами имений с целью сохранения родовых гнезд были и в Орловской губернии, так как для коллективных объедине-

5. Там же. Л. 74

6. «Орловская правда». № 197. 2 сентября 1923 г.

7. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1127. Л. 64

8. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1305. Л. 91.

ний в большинстве случаев отводилась помещичья земля. Успенская коммуна была организована на земле помещиков Казаковых в 1918 г. Ее председателем стал сам Казаков. В коммуне числилось 99 человек, в том числе выходцы из Польши, Поволжья, обладавшие ранее именьями. Трудоспособных было всего 49 крестьян, работавших на Казаковых еще до революции, при этом они имели свои хозяйства⁹.

Покровительство советской власти коллективным хозяйствам, предоставление им бывших дворянских усадеб привлекало в коммуны местных управленцев. В письме в «Крестьянскую газету» под названием «Касьяновский царек» в 1924 г. крестьяне жаловались на председателя волостного исполнительного комитета Тельчинской волости Болховского уезда Кузнецова, который «от Наполеона Бонопарта в настоящее время не отличается». Одним из главных нареканий в адрес Болховского «Наполеона» было то, что, используя свое служебное положение, «являясь коммунарком», он захватил лучшую землю в общине¹⁰.

Но подобные прецеденты стали исчезать по мере сворачивания рыночных отношений в деревне и переходу к коллективизации. С конца 1927 г. колхозы оказались под пристальным вниманием власти. Партийные и кооперативные органы губернии получили установку сделать небольшие «отсталые в своем развитии» организации из 5–6 дворов, образцом хозяйственной жизни для крестьянства¹¹. При этом в Орловской губернии не было четких сведений даже о численности коллективных хозяйств: в документах разных ведомств их фиксировалось от 259 до 331¹². «Высшей формой» коллективного хозяйства считалась коммуна, в губернии их насчитывалось всего 21, включая 8 «диких» (т. е. тех, кто не стоял на учете у кооперативных органов). Первый съезд колхозов состоялся в Орле 10–12 января 1928 г. На съезде присутствовало 78 делегатов от 69 колхозов. Они говорили о многочисленных проблемах своих объединений, среди которых были склоки, незаинтересованность в результатах работы, пьянство, текучка кадров, низкая трудовая дисциплина, отсутствие учета и контроля.

Колхозы поддерживались кредитами (в 1926/27 г. в губернии было выдано 367 тыс. руб.), налоговыми льготами, техникой, ускоренным землеустройством, мелиоративными работами. Когда «классовая линия» еще была не столь очевидна, эти меры господдержки привлекали в них «крепких мужичков»: в социальном составе колхозников находилось 12% зажиточных, 40% середняков. Частым явлением были растраты. Так, Успенская коммуна распалась по вине

*И.В. Гончарова,
Г.С. Чувардин*
Коммуны Центрального Черноземья — от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация

9. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1127. Л. 71.

10. РГАЭ. Ф. 396. Оп. 3. Д. 462. Л. 67.

11. ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 2044. Л. 43.

12. ГАОО. Д. 2037. Л. 32. Д. 1948. Л. 12.

ее председателя, бывшего помещика Казакова, который не смог погасить кредит на сумму 23 тыс. руб.¹³

Несмотря на щедрую государственную поддержку, колхозы отличались от крестьянских дворов низким уровнем производства. По данным губернской рабоче-крестьянской инспекции, с 1926 по 1927 г. товарность в колхозах снизилась в два раза, с 34 до 17%¹⁴. В коммунах отмечалась большая текучесть кадров, состав участников этих объединений обновлялся до трех раз за два года. Данные о масштабах колхозного движения в ЦЧО, по разным источникам, различаются. Во многом это было обусловлено тем, что сама область как административная единица образовалась в 1928 г., поэтому для ретроспективного анализа требовалось обобщить сведения отдельных губерний. В журнале «Хозяйство ЦЧО» № 2 1928 г. приводились следующие показатели колхозной динамики. В 1925 г. на территории будущей Центрально-Черноземной области (в 1928 г. в ее состав войдут Воронежская, Курская, Орловская и Тамбовская губернии) насчитывалось 1008 колхозов (83 коммуны, 405 артелей, 520 ТОЗов), объединивших 71 217 человек, или 0,63% населения. К 30 сентября 1928 г. количество колхозов увеличилось до 2803 (92 коммуны, 721 артель, 1990 ТОЗов), в них состояло 38 тыс. хозяйств общей численностью 213 тыс. человек, или 1,9% всего населения области (Авилов, 1928: 43).

Рассмотрим, как обстояло дело колхозного строительства на примере Орловского округа ЦЧО. В октябре 1928 г. на II пленуме Орловского Округного комитета ВКП(б) прозвучал неутешительный вывод: «Несмотря на наши мероприятия, не имеем ни одного показательного колхоза»¹⁵. На 1 октября 1928 г. в губернии насчитывалось 7 коммун из 325 коллективных хозяйств¹⁶. Средний размер коммуны составлял 162 га на 46 человек. Землеобеспеченность коммун была значительно выше товариществ по совместной обработке земли (самой распространенной формы колхозов) — 110 га на 71 человека¹⁷. Это свидетельствует о значительной государственной поддержке «высших форм» колхозов. При среднем соотношении между государственным земельным фондом и крестьянской надельной землей в колхозах — 57% к 43%, в коммунах эта пропорция достигала 80% к 20%¹⁸. От других форм колхозов коммуны отличались «историческим возрастом»: если в среднем 15,7% колхозов имели стаж 7–10 лет, то для коммун этот показатель составил 60%¹⁹. Скорее всего, свою роль сыграли мотивы организа-

13. Там же. Д. 2044. Л. 55.

14. Там же. Л. 15.

15. Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 8. Л. 38, 40, 21.

16. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 33. Л. 207.

17. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 79. Л. 20.

18. Там же. Л. 21.

19. Там же. Л. 20, 21.

ции коммун: идейная приверженность или сохранение дворянского гнезда под прикрытием колхозного устава. Подтверждением является поляризация крестьян — участников строительства коммун. В их социальной структуре на 1 мая 1928 г. насчитывалось 75% бедняков и 5% зажиточных крестьян, при средних показателях на всю обследованную выборку колхозов — 54,5% бедняков и 4% зажиточных²⁰. В материалах Колхозсоюза от 1 мая 1928 г. приводятся сведения о половозрастном и рабочем составе коммунаров²¹. В 5 обследованных коммунах общей численностью 229 человек было полностью занятых 64 мужчины и 70 женщин, 24 человека частично занятых, 4 — нетрудоспособных, 57 детей. Преобладание женщин над мужчинами в трудоспособном возрасте объяснялось тем, что в коллективы вовлекались вдовы из крестьянской бедноты. Примечательно, что из всего состава коммун только 58% участников были полностью заняты и только 101 человек (44%) были грамотными²². Главным преимуществом коммун перед другими формами колхозов, с точки зрения государства, был высокий процент обобществления имущества — 94% земли и 98% коров были в общественной собственности (Трагедия советской деревни, 1999: 420). В организации труда, так же как и в других коллективных хозяйствах, отсутствовали система и дисциплинированность. Оплата труда была установлена только в 20% от всех обследованных коммун. Доход мог распределяться по семьям или по затраченному труду. Такая система оплаты труда не содействовала поднятию трудовой дисциплины.

Основной капитал в колхозы, не считая земли и построек, поступал из комитета Государственного земельного имущества. В первую очередь он направлялся в коммуны (60 555 руб., или 57,7% от всех капиталов). Самостоятельно коммуны накопили к отчетному периоду только 6895 руб., или 6,6% от всех капиталов. Добавим к этому низкий уровень агротехнической культуры, некомпетентность в делопроизводстве, отсутствие представлений об ответственности за собственность. Все это порождало иждивенческие настроения, приводило к задолженности по кредитам.

Колхозы Орловского округа в 1926/27 г. получили кредитов на сумму 79 288,61 руб., к 1 мая 1927/28 г. было выдано дополнительно 40 722,81 руб. А общий долг колхозов к этому времени составил 164 184,18 руб., в среднем — 2782 рубля на хозяйство²³. Прослеживалась закономерность: чем выше был статут объединения по социальной шкале, тем больше была задолженность. Так, наибольшая задолженность была у коммун: она колебалась от 1204 до 16 566 руб.,

20. ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Д. 33. Л. 208.

21. ГАОО. Д. 343. Л. 28.

22. Там же.

23. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1 Д. 343. Л. 40.

артели были должны от 246 до 710 руб., ТОЗы — от 40 до 3745 руб. на объединение²⁴.

Усиленная государственная поддержка в обмен на идеологическую вывеску без должного контроля была очень мощным аргументом для отстаивания статуса коммуны. Отдельные «коммунары» упорно не желали сдавать своих позиций. С 1928 по 1930 г. под пристальным вниманием «Колхозцентра» и редакции газеты «Правда» находилась тяжба между местной властью Козловского округа ЦЧО и семьей Воробьевых, составлявшей костяк коммуны «Заря социализма». До революции Воробьевы были малоземельными крестьянами. Заработки на отхожих промыслах помогли им купить в 1904 г. 40 десятин земли. Чтобы защитить свой участок от общинного передела, они зарегистрировали в 1920 г. артель «Новый путь». В 1926 г. артель, состоявшая из одних родственников Воробьевых, объединилась с организованной анархистом Реповым коммуной «Вольная община» в новую коммуну «Заря социализма». Инспекции, направляемые по поручению председателя Колхозцентра Г.Н. Каминского, в своих отчетах обозначали разные направления этой коммуны: анархический, сектантский и предпринимательский. Партийное влияние случайно проникло в «Зарю социализма» только в 1930 г. — и притом со знаком «минус». Разоблачив одного пьяницу, бывшего «по недоразумению партийцем», Воробьевы усилили свой авторитет среди крестьян. Местные власти хотели зачислить Воробьевых в категорию «кулаков», собирали доказательства, показания и т. д. «Воробьевы, в свою очередь, занялись этим же, собирая подписку среди граждан, доказывая, что с 1920 г. они колхозники». Личные средства Воробьевых составляли 50% всех вкладов коммуны. Доступ в коммуну имели только состоятельные крестьяне, причем для новичков существовал принцип: в течение первого года за общественные работы они ничего не получали. При этом «коммунары» использовали доступные лифты социальной мобильности, направляя молодежь на учебу на тракторные курсы и в вузы. «Зарю социализма» можно привести в качестве редкого примера коммуны, пользующейся авторитетом в крестьянской среде. Воробьевы выступали защитниками деревенских жителей от притеснения большевиков, играли «роль ходатаев при случаях различных перегибов на местах». Нападки местных властей парировались хвалебными статьями московских корреспондентов в «Правде»²⁵.

Создание коммун для реализации меркантильных интересов тех, кто оказался ближе к власти, оставалось устойчивой тенденцией на протяжении всего периода нэпа. Отдельные эпизоды были даже в конце 1920-х гг., когда курс партии в отношении всех форм хозяйственной самостоятельности заметно ужесточился. Партра-

24. ГАОО. Д. 79. Л. 27.

25. РГАЭ. Ф. 7446. Оп. 2. Д. 109.

ботники Льговского района ЦЧО совместно с агрономами и студентами Тимирязевской академии образовали в 1928 г. коммуны «1 мая». Основу коммуны составил «ряд кулацких хозяйств». До осени 1929 г. коммунарам удавалось получать льготы и избегать налогообложения. Если бы коммунары платили налоги самостоятельно, они должны были бы выплатить 2 701,17 руб., в то время как налог на коммуны составил всего 400 руб. Почти семикратное сокращение налога. Да еще за год грамотные колхозники, скрываясь за фасадом коммуны, сумели превратить в недвижимость 32 661 руб. государственных кредитов²⁶. На закате нэпа создание коммуны «1 мая» стало выгодным проектом, прибыль от реализации которого составила около 35 тыс. руб.

Таким образом, большинство коммун Центрального Черноземья в 1920-е гг. были адаптированы к новой экономической и политической ситуации, новым «правилам игры», установленным советской властью. Состояние коммун региона в конце нэпа не оставляло властям возможности связывать с ними большие ожидания и радужные перспективы. Большевикам потребовался другой механизм для реорганизации деревни и популяризации колхозной практики.

Реальное положение дел в колхозах в регионе сильно контрастировало с теми мифами о преимуществе коллективного труда, которые создавались в центре. Например, в вышедшей в 1929 г. книге «Коллективизация советской деревни» под редакцией А. Гайстера говорилось о жизнеспособности колхозов, о преимуществе их над единоличной округой в урожайности зерновых культур (Коллективизация советской деревни, 1929: 22). В официальной статистике приводились такие данные: в РСФСР товарность зерна при урожайности 8 ц с га в крестьянских хозяйствах достигала 22%, а в колхозах, соответственно, — 9,5 ц и 42% (Там же). По данным Ф. Цылько, в РСФСР в колхозах товарная продукция в 1927 г. равнялась 30%, в 1928 г. — 34% (Цылько, 1928: 9-10). Пример орловских колхозов существенно «не дотягивал» до официальных показателей: по подсчетам орловской ГубРКИ, товарность колхозов в 1927 г. составила 17%²⁷.

При этом нельзя исключать наличие в стране образцовых хозяйств, усиленных техникой и госсредствами, выступавшими «витриной» коллективизации. Но они были успешны на определенном отрезке времени. В этой связи интересен опыт лидера колхозного движения Орловского округа — «Коммуны III интернационала».

30 августа 1928 г. ей исполнилось 10 лет. Колхозцентр использовал это событие для привлечения внимания крестьянства и популяризации колхозного движения. Председатель окружного правления Колхозцентра Ковалев отмечал необходимость подарить коммуны особые подарки: «кинопередвижку, громкоговоритель, хорошего

26. Там же.

27. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2037. Л. 15.

производителя»²⁸. Предполагалось выделение средств на приведение в порядок школы и детских яслей в коммуне. Это было особенно важно, так как эти детские заведения посещали дети не только коммунаров, но и других крестьян. Коммуна смогла наладить хозяйственные связи с крестьянским окружением: жители окружающих деревень помогали вязать снопы, а коммунары производили обмолот их зерна сложной молотилкой. Материальная оснащенность коммуны благодаря систематическому вкладыванию государственных средств в этот образцовый проект колхозного быта была достаточно высокой: 4 молотилки разных видов, 2 трактора, 3 сенокосилки, маслобойный завод, 18 лошадей, 28 коров, 66 овец, 70 свиней в расчете на 87 человек. Для коммунаров были отремонтированы квартиры, которые были «еще тесны, но сравнительно чисты». Пища в общественной столовой была «вне всякого сравнения с тем, чем питается деревня сейчас»²⁹.

Вместе с тем по итогам ознакомления с работой коммуны осенью 1928 г. у окружной парторганизации было к ней много претензий. Состав коммунаров часто обновлялся. К моменту обследования за короткий срок выбыло 50 человек (на момент обследования было 87), из них не выдержали сельхозработ 28 шахтеров Донбасса и 22 батрака. Новых членов коммуна принимала по заявлению, но после замечаний со стороны партийных органов стали наводить справки на новичков у крестьян и устраивать им 6-месячный испытательный срок. Текучка кадров не позволяла ликвидировать образовательные лакуны, даже при наличии школы около 10% коммунаров были неграмотными. Члены правления коммуны увлекались поездками в город, в райисполком, проводя в командировках не менее двух недель в месяц. Рядовые коммунары тоже были не очень дисциплинированы. Нарекания со стороны властей вызывал порядок в коммуне, по которому выходящему из объединения крестьянину возвращали его имущество: «Это дает возможность члену коммуны чувствовать себя развязно, не то, мол, подавайте корову, лошадь, уйду-ка с вашей дисциплиной и т. д. Потом такой порядок притягивает коммунаров к его внесенному имуществу, он с пристрастием, в ущерб другим ходит за скотом, который он привел»³⁰.

До апреля 1928 г. не было личной заинтересованности коммунаров в работе, частыми явлениями были прогулы из-за болезни, опоздания. В апреле была введена поденная плата в размере 30–65 коп. за рабочий день (из этих денег удерживалось за питание). Нововведение оживило работу, позволило вовремя убрать и обмолотить хлеб и т. д. Но проблема учета индивидуального вклада в общую работу все равно оставалась важной в налаживании коллек-

28. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 158. Л. 30.

29. Там же. Л. 176.

30. Там же.

тивного быта. Комиссия по обследованию среди других замечаний отмечала отсутствие учета рентабельности отраслей сельского хозяйства. Его и не могло быть, так как, несмотря на улучшенную материально-техническую базу, «урожайность полей коммуны мало чем отличалась от полей крестьянских, по причине слабого контроля за работой над добросовестным отношением к работе членов коммуны, в том числе партийцев и комсомольцев». Даже образцово-показательные колхозные организации остро нуждались в контроле над «добросовестностью» труда. Подобные замечания были абсурдны, поскольку смешивали такие понятия, как личная заинтересованность в общем деле с экономической выгодой для себя и добровольно-принудительный подход к организации основных работ. Как и другие объединения, прикрывающиеся утопическими лозунгами, «Коммуна III интернационала» страдала от бесхозяйственности. Доставшиеся ей в наследство помещичьи постройки гнили и разрушались.

В газете «Орловская правда» 11 декабря 1929 г. сообщалось о том, что совет коммуны, желая «подзаработать», сдал в аренду семеноводческому товариществу большой амбар, а свои коноплю и просо ссыпал в маленький, непригодный для хранения зерна. В результате были загублены 400 пудов конопли и 200 пудов проса. Всю вину «Орловская правда» переложила на слабость партийного руководства коммуной, ведь к концу 1929 г. в ячейке РКП(б) числилось только 4 человека³¹.

Таким образом, мы видим, что находившееся более десяти лет под опекой и пристальным наблюдением власти колхозное объединение из разряда самых дорогих для большевиков образцово-показательных коммун страдало всеми теми же болезнями, что и остальные организации этого типа. Коммунистический эксперимент с новыми формами хозяйствования и быта и в этом случае не давал искомым результатов³².

Судьба коммун с началом массовой коллективизации складывалась противоречиво. Несмотря на то что власть провозглашала преемственность колхозного движения, ставилась задача унификации аграрного производства. Многоукладность противоречила этатизации сельского хозяйства. Отсюда — резкая критика в адрес коммун, которые в 1920-е гг. рассматривались как высшая форма коллективных объединений. Специальные бригады по заданию ЦК и Колхозцентра произвели обследование коммун ЦЧО 15–25 декабря 1931 г. По итогам обследования первым пунктом было замечание о том, что большинство коммун функционируют на основе устава 1920–1923 гг., определяющего в качестве задачи коммуны «поднятие материального и духовного благосостояния членов ком-

31. ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 279. Л. 36.

32. Там же. Л. 169.

муны посредством равномерного распределения труда и распределения его результатов»³³.

В 1931 г. критике подвергались принципиальные основы организации коммун, в частности, уравниловка как основной доступный крестьянскому сознанию критерий социалистического быта. Коммуны критиковались за стремление к самостоятельному хозяйствованию на социалистических рельсах, за то, что «увлекались» источниками привлечения прибыли (мельницы, крупорешки, кожзавод и т. д.) или «торгашеством» промтоварами. Коммуна «Новая деревня» привлекала окружающих крестьян работать на мельницу, что также рассматривалось как отягчающее последствие торгово-промышленной деятельности³⁴.

Привыкшие выживать в годы нэпа коммуны заводили многопрофильные хозяйства, экспериментируя с различными отраслями животноводства, огородничества, промпредприятиями. Эта «универсальность» не устраивала контролирующие организации, так как препятствовала внедряемой колхозной специализации. Районные организации пытались перенаправить деятельность коммуны «им. Калинина» в животноводческое русло, создать на ее базе свиноводческую ферму. Но коммунары восприняли новую специализацию крайне негативно: «Свинари считают себя не постоянными работниками на свинарнике, а временными и стремятся уйти на другие работы. Звание свинаря считается не почетным, а позорным, и чувствует себя на свинарнике вроде как в ссылке, отбывая наказание...»³⁵

Порицание властей вызвало также «неэкономическое и бесплатное потребление продуктов внутри хозяйства». В коммуне «Новая деревня» за 1931 г. было сдано государству 40 ц рогатого скота, а потреблено — 85 ц. Кроме того, план по молоку «новодеревеньковские коммунары» выполнили на 50%, сдав государству 445 ц, тогда как внутренняя реализация составила 1101 ц, т. е. почти в 2,5 раза больше. Яиц сдали 15 сотен (12% плана), а съели (или продали на рынке) — 120 сотен. «Вопиющим фактом» было названо контролирующими органами соотношение потребления и сдачи государству мясной продукции в коммуне «им. Ленина»: за три года (с 1928 по 1930 г.) государству было сдано 20 голов крупного рогатого скота, а сами коммунары употребили 308 голов, при этом за 1930 г. была сдана только одна голова, а съедены — 156. Усиленное потребление крупного рогатого скота в 1930 г. скорее напоминало разбазаривание скота в процессе коллективизации. Причины такого антиколхозного поведения коммунаров скрываются в глубоком противоречии между кооперативной сущностью коммун 1920-х гг. и фактическим огосударствлением аграрного сектора в процессе

33. ГАОО. Ф. 48. Оп. 1. Ед. хр. 466. Л. 32.

34. Там же. Л. 33.

35. Там же. Л. 98.

коллективизации начала 1930-х гг. Таким образом, начальный этап коллективизации ознаменовался известным разрывом с теми формами крестьянской хозяйственной самостоятельности, которые были характерны для 1920-х гг.

Техническая база обследованных коммун была сравнительно высокой, однако подготовленные кадры в необходимом количестве, по мнению проверяющих, отсутствовали; техническое оснащение в целом не соответствовало потребностям производства, а нецелесообразная и неумелая эксплуатация машин привела тракторный парк «в кладбищный вид»³⁶.

Финансовые планы не выполнялись, более того, коммунары о них даже не догадывались. Причины такой финансовой неустойчивости скрывались как в потребительском характере коммун, так и в отсутствии у большинства коммунаров представления о финансовом плане вообще. В коммуне «им. Калинина» с 1927 по 1929 г. включительно никаких бухгалтерских записей по операциям с кредитными учреждениями не велось. Финансовое состояние коммуны было названо «нездоровым», что подразумевало закредитованность, наличие просроченных платежей, невыполнение финансовых планов, а также использование кредитов не по назначению. Например, в коммуне «им. Карла Маркса» общая задолженность составляла 80% от ее баланса. В коммуне «им. Старых Большевиков» просроченный на 1 января 1932 г. кредит в 45 517 руб. был равен 82% валового дохода коммуны в 1931 г. Финансовый план коммуны «Новая деревня» на IV квартал 1931 г. был выполнен на 12%. В коммуне «им. Калинина» было получено кредитов от госбанка на сумму 111 006 руб. 60 коп., а погашено 9873 руб. 27 коп.³⁷

Финансовое положение было обусловлено неудовлетворительной организацией труда и низкой производственной дисциплиной членов коммун. Изъяны в хозяйственной деятельности были огромны. Это касалось как потерь урожая, поломки инвентаря, так и падежа скота из-за неправильного содержания. В коммуне «им. Калинина» пало 47% телят, 60% овец, 44% птицы, 40% поросят³⁸.

Коммунары были подвержены иждивенческим настроениям, старались учить за счет коммуны своих детей, кормить нетрудоспособных родственников и очень возмущались, когда обнаруживались попытки со стороны государства переложить эти расходы на плечи дееспособных членов их семей. Были и такие примеры: «В коммуне «Ленина» коммунары Зиновец выработал 81 трудодень, стоимость которых оправдывает питание его семьи только на 3–4 месяца, остальные 9 месяцев Зиновец поедает продукты коммуны». Наблюдатели отмечали: «Расходование продуктов через общественные столовые граничит с явным разбазариванием». Большин-

36. Там же. Л. 33–34.

37. Там же. Л. 79.

38. Там же. Л. 34.

ство коммунаров считало, что государство должно предоставить им полное обеспечение.

Пытаясь выдать коммуны за витрину социалистического быта, государство уделяло большое внимание созданию культурно-бытовых учреждений. Например, в коммуне «им. Карла Маркса» был оборудован клуб с драмкружком, библиотека, школа первой ступени, в которой учились все дети коммунаров школьного возраста, стационарные детские ясли на 35 детей и даже стационарная больница. Коммунары могли слушать радио, получали газеты, но, как отмечалось в докладной записке, они «в большинстве случаев не прочитываются и идут на прокур»³⁹. Имелась даже электростанция, обеспечивавшая светом все общественные помещения и квартиры, в которых проживали семьи коммунаров (обеспеченность большинства семей отдельными квартирами была нечастным явлением для тогдашних коммун). Но при этом не было ни общественной столовой, ни бани, ни прачечной, ни отведенных уборных⁴⁰. В коммуне «им. Калинина» в клубе разместили детские ясли и площадку, поэтому клубная работа была свернута. Содержание детей в яслях нарушало все нормы гигиены. В коммуне «им. Старых Большевиков» в детских яслях «нет второй смены белья и одежды для детей, воспитательная работа неудовлетворительная, имеет место грубое обращение и побои детей, также неудовлетворительное питание»⁴¹.

Докладная записка бригады обкома об обследовании коммуны «им. Старых Большевиков» Ильинского сельсовета Алексеевского района дополняет диагностику состояния коммун Центрального Черноземья. Как и у других коммун, у нее была героическая история создания социалистической формы быта в 1919 г. и плохая хозяйственная ситуация в начале 1930-х гг. В декабре 1931 г. в коммуне состояло 508 человек: 144 мужчины, 158 женщин, 52 подростка и 154 нетрудоспособных члена без указания пола. Но отмечалось, что «фактически работало трудоспособных 90 муж. и 110 жен.»⁴². Остальные, видимо, находились в упоминаемом в документе «самотечном отходничестве» или ушли служить в Красную армию. Коммуна, испытывая дефицит рабочей силы, прибегала к использованию наемного труда и оплачивала труд 25 сезонных рабочих и 20 поденных. Для коммуны была характерна текучесть кадров: за 1930–1931 гг. сменилось 5 председателей. А содержание аппарата было неоправданно дорогим.

До 1930 г. коммуна была потребительской организацией, жила за счет сада и мельниц, государству почти ничего не сдавала, но продолжала брать кредиты. Пытались организовать птицевод-

39. Там же. Л. 96.

40. Там же. Л. 46.

41. Там же. Л. 82.

42. Там же. Л. 75.

ство, но из-за отсутствия помещения и неумелого ухода в 1930 г. пало 16 тыс. голов птицы. Как следствие, огромная задолженность на фоне запущенного финансового состояния, когда все хозяйственные расчеты коммуны производить оказалось просто невозможно. Общая стоимость имущества коммуны оценивалась в 135 401 руб., в т. ч. бывшей собственности коммунаров — на 53 484 руб. Задолженность к концу 1931 г. составляла 91 854 руб. Если учесть, что в 1931 г. на содержание членов коммуны ушло 33 836 руб. (на питание, которое осуществлялось «по потребности за общий счет столовой коммуны равно для всех», было потрачено 18 087 руб.; а на зарплату — 15 552 руб., т. е. в среднем 40 коп. за трудовень), то получается, что долги коммуны почти втрое превышали ее годовые расходы⁴³.

Как видим, возможности экономического роста доходов коммунаров были жестко ограничены целым рядом обстоятельств — и внешнего, и внутреннего для коммун характера. Государство пыталось втиснуть их в рамки районной специализации, изымать продукцию в счет обязательных государственных поставок по минимальной цене, т. е. сделать их стандартными государственными сельхозпредприятиями. Одновременно по инерции в коммунах стремились обнаружить и образцы нового быта, и модели новых трудовых отношений. С этой целью им выделялись солидные материальные фонды. Но низкий уровень агротехнической и бытовой коммунарской культуры, отсутствие навыков работы с техникой и финансовая безграмотность коммунаров крайне затрудняли достижение ожидаемых результатов. Вместо этого нарастали потребительские и иждивенческие настроения.

Однако принадлежность к коммуне служила отличным социальным лифтом. Например, в докладной записке об обследовании коммуны «им. Калинина» Поляновского района 5 сентября 1931 г. перед нами предстает следующая картина. В коммуне состояло 147 хозяйств общей численностью 553 человека, из них трудоспособных и непосредственно занятых в аграрном производстве было 142 мужчины и 164 женщины, а также 87 подростков, или 393 человека. А остальные 160 человек были «заняты работой на стороне, в Красной армии, на учебе», либо это были дети грудного возраста. О кадровом движении в коммуне говорят такие данные: 21 человек обучался на различных курсах, 5 человек «выехало на учебу», 9 человек ушли служить в армию, 70 человек были выдвинуты на различные руководящие посты в самой коммуне и даже в районе. Что же касается состояния хозяйства коммуны, то оно было в полном упадке: товарность сельхозпродукции сократилась на 60–80%, падеж скота из-за плохого содержания увеличился до 75%. В докладной записке об обследовании коммуны выносился нелицеприятный вердикт ее хозяйственной деятельности: «Фактически же в комму-

43. Там же. Л. 79.

не никакого направления не существует, все отрасли хозяйства ведутся одинаково плохо и одинаково безтоварны»⁴⁴.

Критика в адрес некогда приоритетных высших форм коллективных хозяйств в начале 1930-х гг. имела под собой достаточные основания. Известный деятель аграрного российского движения С.С. Маслов, постоянно и жестко критиковавший политику большевиков в деревне на всех ее этапах, так оценил этот процесс: «Под прессом государственного принуждения в колхозном движении исчезли сложность рисунка и многоцветность красок, с которыми творческая жизнь всегда тклет свой ковер событий и процессов во всех сторонах общественного бытия» (Маслов, 2007: 135).

Основной формой коллективных хозяйств становилась сельскохозяйственная артель, которая выгодно отличалась от коммун неполным обобществлением средств производства и быта (что более соответствовало крестьянской психологии); предоставляла колхозникам большую степень хозяйственной самостоятельности, которая в условиях растущего государственного давления на колхозы была некоторым гарантом обеспечения их собственной жизнедеятельности. Сталинские сельхозартели лишь внешне напоминали кооперативы, фактически являясь огосударствленными сельхозпредприятиями, и были крайне далеки от первоначального замысла коммуны (Бондарев, 2006).

Библиография

- Авилов А. (1928). Коллективизация и кооперирование в связи с восстановительными кредитами // Хозяйство ЦЧО. № 2.
- Аграрная политика (1954) Советской власти (1917–1918), документы и материалы. М.
- Бондарев В.А. (2006). Крестьянство и коллективизация: Многоукладность социально-экономических отношений деревни в районах Дона, Кубани и Ставрополья в конце 20–30-х годов XX века. Ростов-на-Дону.
- Данилов В.П. (1962). Изучение истории крестьянства // Советская историческая наука от XX к XXII съезду КПСС. История СССР. М.
- Кабанов В.В. (1997). Крестьянская община и кооперация России XX века. М.
- Коллективизация советской деревни (1929). Предварительные итоги сплошного обследования 1928 и 1929 гг. // Под ред. А. Гайстера. М.
- Маслов С.С. (2007). Колхозная Россия. М.
- Тотоманц В. (1922). Кооперация в России. Прага, 1922.
- Трагедия советской деревни (1999). Коллективизация и раскулачивание. 1927–1939. Документы и материалы. В 5-ти т. Т. 1. Май 1927 — ноябрь 1929 / Под ред. В.П. Данилова, Р. Маннинг, Л. Виолы. М.
- Цылько Ф. (1928). Очередные задачи в области колхозного строительства // На аграрном фронте. 1928. № 9.

44. Там же. Л. 95, 100.

Communes of the Central Black Earth Region from “war communism” to collectivization: Design and implementation

Irina Goncharova, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Orel State University named after I.S. Turgenev. 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95. E-mail: 79066610166@yandex.ru.

German Chuvardin, DSc (History), Professor, Department of Russian History, Orel State University named after I.S. Turgenev. 302026, Orel, Komsomolskaya St., 95. E-mail: wodantag@mail.ru

The article considers evolution of the Bolsheviks' policy starting from the introduction of communes in the village as a socialist way of rural life in the post-revolutionary period. The archival materials of the Central Black Earth Region prove the idea of the authorities to create collective farms of commune type, which was determined by the revolutionary euphoria, and show the results of implementing this project in the agricultural center of the country during the NEP. The village communes (collective peasant associations) of the Orel Region depended on the state subsidies and state land fund. The social portrait of these communes' members and their estimates of the communes prove that some former noblemen tried to adapt to the new Soviet reality under the Charter of the commune to preserve their 'gentry nests' from land redistribution. The most important factor determining the life of village communes in the 1920s — early 1930s was their changing role in the state ideology and policy. During this period, the position of the Bolsheviks changed according to the strategic aims of the state agricultural policy. Under the NEP, when market relations and private initiative were allowed, the communes were considered exemplary farms of the future showing peasants a new way of everyday life and joint farming. Their economic unprofitability was ignored due to the task of cultural education of local peasants, which became an additional incentive for peasant entrepreneurs to enter communes and to use state subsidies to improve their financial situation. Communards' children had a good chance for education which was an important social lift of that time. The state collectivization policy radically changed the official attitude to village communes — they were thoroughly checked and strongly criticized. Thus, the multi-form agricultural sector was destroyed and the agricultural *artel* was declared the dominant form of collective farming. The primary task of new collective farms was to leave peasants without means of production and investments. Moreover, under the socialist experiment peasants simply disappeared as its observers and turned into collective farmers, i.e. participants of the experiment.

Key words: peasants, Central Black Earth Region, village communes, collective farms, authorities, Bolsheviks, collectivization

References

- Agrarnaya politika Sovetskoj vlasti (1917–1918), dokumenty i materialy* [Agrarian Policy of Soviet Power (1917–1918), Documents and Materials] (1954). Moscow.
- Avilov A. (1928) Kollektivizatsiya i kooperirovanie v svyazi s vosstanovitelnyimi kreditami [Collectivization and cooperation in relation to restoration loans]. *Khozyaystvo TsChO*, no 2.
- Bondarev V.A. (2006) *Krestyanstvo i kollektivizatsiya: Mnogoukladnost sotsialno-ekonomicheskikh otnosheniy derevni v rayonakh Dona, Kubani i Stavropolya v kontse 20-kh–30-kh godakh XX veka* [Peasantry and Collectivization: Multi-Form Rural Social-Economic Relations in the Don, Kuban, and Stavropol Regions in the Late 1920s–1930s]. Rostov-na-Donu.

*И.В. Гончарова,
Г.С. Чувардин*
Коммуны Центрального Черноземья — от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация

- Danilov V.P. (1962) *Izuchenie istorii krestyanstva* [Study of peasant history]. *Sovetskaya istoricheskaya nauka ot XX k XXII s`ezdu KPSS. Istoriya SSSR*. Moscow.
- Kabanov V.V. (1997) *Krestyanskaya obschina i kooperatsiya v Rossii XX veka* [Peasant Commune and Cooperation in Russia in the 20th century]. Moscow.
- Kollektivizatsiya sovetskoj derevni. Predvaritelnye itogi sploshnogo obsledovaniya 1928 i 1929 gg.* (1929) [Collectivization in the Soviet Village. Preliminary Results of the All-Soviet Study in 1928 and 1929]. Pod red. A. Geistera. Moscow.
- Maslov S.S. (2007) *Kolkhoznaya Rossiya* [Collective-Farm Russia]. Moscow.
- Totomians V. (1922) *Kooperatsiya v Rossii* [Cooperation in Russia]. Prague.
- Tragediya sovetskoj derevni. Kollektivizatsiya i raskulachivanie. 1927–1939. Dokumenty i materialy* [Tragedy of Soviet Village. Collectivization and Dispossession. 1927–1939. Documents and Materials] (1999). V 5-ti tt. Vol. 1. May 1927 — November 1929. Pod red. V.P. Danilova, R. Manning, L. Viola. Moscow.
- Tsytko F. (1928) *Ocherednye zadachi v oblasti kolkhoznogo stroitelstva* [Immediate tasks of the collective-farm development]. *Na Agrarnom Fronte*, no 9.

Онтологические основания переезда горожан в деревню¹

О.Я. Виноградская

Ольга Яковлевна Виноградская, старший научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации. 119571, Москва, пр-т Вернадского, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

В статье рассматриваются базовые причины переезда горожан в деревню на постоянное местожительство. Суть их в том, что «захваченность» человека в городе событиями технологического мира принуждает его отказаться от своей субъектности — этот мир не оставляет ему возможности каким-то образом повлиять на ситуацию непрерывной «при-ставленности» к обязательным ежедневным хозяйственным процессам, замкнутым в прочный бытийный круг. Повседневная технологическая рутина городской жизни непрерывно подпитывает ощущение безвыходности и даже опасности этих процессов, изолирующих человека от другого, целого мира, в котором есть место и природе, и надеждам на то, что он наконец-то может пожить «по-человечески». Горожане пытаются хотя бы на время вырваться из захватившего их технологического мира и при каждом удобном случае уехать за город, на дачу, в путешествие, к родственникам в деревню или, что происходит сегодня всё чаще, — решиться на переезд в сельскую местность. Переезжая в деревню, горожане видят в ней, в отличие от сельских жителей, необычное, эксплоярное пространство, открывающее простор для творческих начинаний, способных осуществиться только в этом новом мире. Отличие последнего от городской «машинерии» не в пониженном «градусе» его механизированности, а в том, что эта «сумма технологий» уже не подчиняет себе человека, а раскрывает себя со всеми своими опасностями и возможностями их преодоления, исподволь «подсказывая» человеку способы искусного и продуктивного овладения разнообразием цивилизационных инноваций.

Ключевые слова: город, деревня, бывшие горожане, сельские жители, миграция, хозяйственные практики, технологический мир, технологическая эволюция

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-123-135

Для современной социологии тема, связанная с переездом горожан на постоянное местожительство в деревню, не нова и ассоциируется в основном с обустройством горожанами своей жизнедеятельности в более комфортных с экологической точки зрения условиях. Таким образом, феномен переезда горожан в деревню, по мнению исследователей, укладывается в определенную объяснительную схему, выстраиваемую в значительной степени на рациональных основаниях (В глушь, 2018; Войнилов и др., 2016; Задорин

1. Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-50018 а(ф)

и др., 2014; *Кармазин*, 2018; Стешин, Гусейнов, 2016) и совпадающую в некоторых своих аспектах с концепциями «дачной трансформации»² современной сельской местности. При этом «бегство» сельских жителей в города происходит также по рациональным основаниям (наличие работы, постоянной и относительно высокой зарплаты, благоустроенного жилья, развитой инфраструктуры), но в этом случае в «жертву» приносится уже экологический комфорт.

Различие жизненных обстоятельств, ответственных за те или иные перечисленные варианты миграций и мобильностей, не объясняет рациональность выбора во всех этих случаях. И здесь возникает вопрос: не облегчает ли этим выбором исследователь свою задачу по изучению оснований для обоснования той или иной миграции и мобильности? Не навязывает ли он объекту исследования свою собственную рациональность? Рамки настоящей статьи не позволяют ответить на все поставленные вопросы, поэтому мы сосредоточимся только на рассмотрении оснований феномена переезда горожан в деревню на постоянное местожительство.

Сейчас практически невозможно зафиксировать временные границы появления феномена миграционной мобильности горожан, однако их дачная мобильность приобретает массовый характер в результате развития промышленности и технологических революций. Почему последствия технологических достижений, улучшающих качество жизни горожан, привели к увеличению их мобильности за пределы городов? Не явилась ли дачная мобильность предвестником миграционной активности горожан?

Для ответа на эти вопросы следует уточнить понятие «миграция». Представитель Чикагской школы социологии Р. Парк разделял миграцию и мобильность как «простое перемещение», например, «цыган и других народов-париев», движения которых, по его мнению, «не влекут за собой никаких важных изменений в культурной жизни», и поэтому их «следует рассматривать скорее как географический факт, чем как социальное явление» (Парк, 2011б: 228). Миграция же, по Парку, «заключает в себе как минимум изменение места жительства и разрушение домашних связей» (Там же). Под миграцией мы будем понимать не просто передвижение людей в новые условия существования, сопровождаемое частичной потерей их домохозяйствами прежних социальных связей, а лишь такое, поводом к чему послужила внешняя по отношению к ним причина (например, отсутствие работы, необходимой инфраструктурой, условий для личного развития и т. п.). Исходя из предложенного понимания миграции, переезд горожан в деревню на постоянное местожительство фактически является средством достижения

2. Такого типа модели предполагают создание в процессе «дезурбанизации» своеобразных «сельско-городских сообществ в континууме “город–деревня”» (Горожане, 2016).

«представленной» им как субъектом цели, инструментом достижения которой выступают они сами со своей способностью на новом месте жительства «быть хозяевами» в их «собственном обеспечении и обеспеченности»³.

Для того чтобы понять причину, «повинную» в переезде горожан в деревню на постоянное местожительство в современных российских реалиях, необходимо хотя бы в общих чертах прояснить, что же из себя представляет город сегодня как социальное явление. Для этого мы снова обратимся к наблюдениям Парка, как одного из пылких приверженцев городского образа жизни, поскольку мир сегодняшних крупных городов с социологической точки зрения мало чем отличается от современного ему городского «механизированного мира», освобождающего человека «от власти природы и обстоятельств», всецело довлевших над его «примитивным» предшественником (Парк, 2011б: 232). В своём очерке 1940 года Парк точно и выразительно описал образ современного ему крупного города, сравнивая последний с машиной, изменяющей «человеческую среду обитания» и навязывающей «людям дисциплину почти целиком и полностью механизированного мира» (Парк, 2011а: 166). В этом мире, по его словам, социальные проблемы города переходят в разряд «социальной инженерии», а все его «жизненные функции» рационализируются и могут быть выполнены «при помощи какой-нибудь машины» (Там же). При этом истинная природа города, по Парку, остаётся скрытой как от самих горожан, так и от стороннего наблюдателя. «Современный город давно перестал быть той агломерацией индивидуальных жилищ, какой была крестьянская деревня. Скорее он похож на цивилизацию, центром и средоточием которой является он сам, на некую обширную физическую и институциональную структуру, где люди живут, подобно пчелам в улье, в таких условиях, что их деятельности регулируются, регламентируются и обуславливаются в гораздо большей мере, чем может показаться зрителю или самому обитателю» (Там же).

В приведённой выше характеристике городского «механизированного мира» Парк не чувствует опасность для человека, затаившуюся в регламентно-регулирующем управлении, нацеленном прежде всего на *обеспечение* самого себя. Человек в этом «полно-

3. Онтологически процесс «собственного обеспечения и обеспеченности» не связан с обычным получением индивидом каких-либо благ или обеспеченности себе безбедного существования. Здесь он понимается в границах декартовской метафизики, в которой, по Хайдеггеру, «Бытие есть удостоверяемая рассчитывающим представлением представленность, посредством которой человеку повсюду обеспечивается поступательное движение среди сущего, исследование, завоевание, покорение и препарирование сущего, причем так, что он сам от себя способен быть хозяином своего собственного обеспечения и обеспеченности» (Хайдеггер, 2007: 182).

стью механизированном мире» одновременно и при-ставлен к самообеспечительному процессу управления городской «цивилизацией», и участвует в нём, не подозревая об этом, и этим его жизнь в городе отличается от жизни пчёл в улье, который встроен вместе с ними в природный процесс производства меда. Последний процесс в отличие от первого запущен и осуществляется самим человеком и при его непосредственном участии, но распорядителем этого процесса он уже не является, как не является и «хозяином» во *внешнем* по отношению к нему «механизированном мире» города. Именно в этом факте заложено различие города и деревни дотехнологической эпохи от подобных типов поселений нового времени. Здесь следует отметить, что традиционная крестьянская деревня той эпохи, как и, например, древнегреческий город, никогда не были «агломерациями индивидуальных жилищ». Так, крестьянская усадьба не была просто *жилищем*, она была двором, владением (не в юридическом смысле), включающим в себя ещё и землю, которую крестьянин обрабатывал, заботился о ней, и всё это хозяйство было целым миром, встроенным в природный процесс, как и улей, но, в отличие от последнего, здесь крестьянин был хозяином и распорядителем.

Ещё не так давно, во времена крестьяноведческой экспедиции Т. Шанина (1990 г.), такое хозяйское отношение к своей усадьбе, двору понималось крестьянами как просторный мир, требующий от него постоянной заботы и участия. В монографии «“Орудия слабых”: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования» В.Г. Виноградский пишет: «...физические и материально-вещественные масштабы крестьянского двора значительно крупнее, чем размеры дома, где живёт семья. Об этом хорошо сказал И.Д. Меркулов.

“— В деревне как? То в избу, то из избы... И бегаешь! Одной избой-то в деревне разве проживешь? Всё время ко двору надо выходить. Твоё хозяйство-то! Оно — гора-а-аздо шире избы...” (Поволжье, Тёпловка Саратовской области. Меркулов)» (Виноградский, 2009: 144).

В отличие от деревни дотехнологической эпохи, современная — в большей степени представляет собой «агломерацию индивидуальных жилищ», в которой живут люди, при-ставленные к разнообразным производственным процессам, в том числе и к сельскохозяйственным, *на службу которых пока ещё поставлена природа*⁴, но при этом сами они не являются субъектами

4. По словам Хайдеггера, «иначе устроенное земледелие», при котором полеводство превращается в «механизированную отрасль пищевой промышленности», ставит природу «на службу производству в смысле добычи» (Хайдеггер, 2007а: 313). Но уже сегодня успешно разрабатываются новые

управления всех этих технологических циклов, функционирующих ради самообеспечения. Просматривающаяся сегодня технологическая эволюция сигнализирует о том, что в ближайшем будущем производство продуктов питания будет обходиться не только без природы, но и без непосредственного участия человека, которого заменят роботы⁵. Сегодня же российские деревни представляют собой даже не «агломерации», а рассредоточения индивидуальных жилищ по некоей местности, объединенных разве что энергоснабжающей инфраструктурой. Их жители не управляют не только общепоселенческими процессами, но и теми, которые связаны с непосредственной жизнедеятельностью своих домохозяйств. На все вопросы о будущем своих поселений они, в большинстве своём, отвечают, что здесь у них его нет, и предостерегают исчезновение деревень. А их дети мечтают побыстрее отсюда уехать, обосновывая это тем, что «здесь скучно и вообще нечего делать».

На этом фоне сам факт переезда горожан в деревню на постоянное местожительство вызывает больше вопросов, чем, например, безвозвратная миграция сельчан в города, рациональные причины которой достаточно хорошо исследованы специалистами разных областей знаний. И хотя первый факт является довольно незначительным с точки зрения статистики и относится количественной социологией к разряду маргинальных случаев, нам представляется, что его причинность укоренена в действительно существенных процессах и на самом деле является предупреждением об опасности отказа человека от истинной роли своей субъектности в современном технологическом мире⁶. Самый главный вопрос, возникающий

технологии получения продуктов питания, для производственных циклов которых не нужны ни земля, ни природа. Биореакторы, задействованные в таких циклах, могут работать в любой точке планеты, где есть электричество, независимо от климата и погодных условий (Orispää, 2018).

5. В штате Калифорния в 2018 году появилась первая автономная ферма по круглогодичному выращиванию растений гидропонным методом, на которой все технологические процессы выполняют «невероятно умные» роботы (America's, 2018).
6. В этом мире, по Хайдеггеру, «всё присутствующее предстаёт в свете причинно-следственных взаимодействий» (Хайдеггер, 2007а: 322). «Равным образом то раскрытие, в ходе которого природа предстает как расчитываемая система сил и воздействий, позволит делать правильные утверждения, но как раз из-за этих успехов упрочится опасность того, что посреди правильного ускользнёт истинное» (Там же). Для человека, по словам Хайдеггера, такая опасность «даёт о себе знать в двух смыслах. Коль скоро непотаенное захватывает человека даже и не как объект, пред-стоящий человеку, а уже исключительно как состоящее-в-наличии, человек среди распродметившегося материала становится просто поставителем этой наличности — он ходит по крайней кромке пропасти, а именно того падения, когда он сам себя будет воспринимать уже просто как нечто состоящее в наличности. А между тем как раз под этой

при исследовании причин переезда горожан в деревню на постоянное местожительство, таков — не является ли эта передислокация «афтершоком» тех событийных сдвигов в системе «село—город», которые разглядел и описал в одном из своих рассказов В.М. Шукшин?? (Шукшин, 1998а). В сущности, Шукшин рассказывает здесь о силе, которая соткалась в социуме начала 1970-х годов и которая сперва властно «передвинула» героя рассказа из деревни в город, а затем, когда он, уже прижившись в городской среде, собирался было на пенсию, внезапно огорошила его некой странной, чуть ли не чудаческой, прихотью, которую «он и не хотел объяснять и особенно не вдумывался, а подчинялся этой прихоти (надо еще понять, прихоть это или что другое)» (Там же: 34). Прихоть эта каким-то необъяснимым образом была связана с покупкой избы в деревне, чтобы «дожить спокойно свои дни, дожить их достойно, по-человечески» (Там же).

В любом крупном городе человек настолько захвачен процессами технологического мира, что у него нет возможности как-то повлиять на эту ситуацию, вырваться из этого порочного круга, в котором ему отведена роль «поставщика наличности». Ощущая эту опасность, горожане пытаются хотя бы на время вырваться из этого захватившего их мира и при каждом удобном случае покинуть город — уехать за город, на дачу, в путешествие, к родственникам в деревню или вообще решиться на переезд в сельскую местность.

Эта же «великая сила» технологического мира продолжает и в наше время передвигать ещё оставшихся в деревне людей в город. И это движение — если откинуть бесстрастное демографостатистическое полотно — окрашено драматизмом, нередко исполнено экзистенциальной яростью. Вот пример из диалога между сельчан-

нависшей над ним угрозой человек раскорячился до фигуры господина земли. Распространяется видимость, будто все предстоящее человеку стоит лишь постольку, поскольку так или иначе поставлено им. Эта видимость со временем порождает последний обманчивый мираж. Начинает казаться, что человеку предстаёт теперь повсюду уже только он сам» (Там же: 322-323).

7. «Некто Кузовников Николай Григорьевич вполне нормально и хорошо прожил. Когда-то, в начале тридцатых годов, великая сила, которая тогда передвигала народы, взяла и увела его из деревни» (Шукшин, 1998а: 34). Здесь следует уточнить, что, хотя рассказ и называется «Выбираю деревню на жительство», он вообще не о переезде героя обратно в деревню. Скорее, это ирония автора в отношении «горожан», переехавших в город, но так и оставшихся по своей сути «деревенщиной», презирающих сельчан и испытывающих к ним, по словам Шукшина, такое чувство, как «холодная метительная ярость и злое удовольствие» (Шукшин, 1998б: 504). Однако это не умоляет того факта, что крупный художник через рутинную повседневность также ощущает на себе воздействие этой «великой силы», захватывающей и подчиняющей себе человека.

кой, собирающейся уехать в город, и бывшей горожанкой, уже обосновавшейся в деревне. Говорит сельчанка:

«Вот вы — рветесь в деревню. А посмотрите на меня. Мне 42 года, я смертельно устала. У меня нет ни одного зуба. И у меня нет иной мечты, как всё это бросить, не касаться этих коров, этой земли. И я согласна ездить на работу на конвейер, на этот мясокомбинат, но я уже больше не могу. Мне бы только одно нужно — чтобы не касаться этой земли и этой скотины. Посмотрите на меня, какая я стала... Вы, городские, многого здесь не понимаете. Потому что ещё пока не вжились в эту жизнь...» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Эта сравнительно молодая женщина душевно обескровлена. Она ощущает себя «захваченной» каким-то чужим для неё миром, поставленной к обязательным ежедневным хозяйственным процессам, потерявшей даже все свои мечты. Мир, в котором она сейчас живёт, представляется ей настолько безвыходным и опасным, что она готова сменить его на другой, лучший, хотя и механизированный в прямом смысле слова. Для неё город — это «обманчивый мираж», о котором говорил Хайдеггер и в котором, вероятнее всего, она найдёт лишь «видимость» самой себя⁸, как герой Шукшина.

Вот следующий отрывок из аудиозаписи. Респондентка, бывшая горожанка, переехавшая в деревню, пытается осмыслить, оценить степень пока еще не осуществившейся вполне, но предчувствуемой «захваченности» деревенских детей технологическим миром города. Этот краткий рассказ является, в сущности, актом социальной диагностики — хорошо видно, что у неё, нынешней учительницы, отважно и сознательно погружившейся в сельский мир, ещё теплится надежда на то, что непосредственное «общение» этих детей с природой каким-то «волшебным» образом сможет уберечь их от тотального контроля и подчинения городскому миру. Но реакция деревенских ребятишек неутешительна. Бабушки и дедушки, родители и их дети, и даже «кролики», которых они выращивают, «приведены» к «состоянию в наличии» в этом мире и подчинены его требованиям.

8. «...на самом деле с самим собой, т. е. со своим существом, человек сегодня как раз нигде уже не встречается» (Хайдеггер, 2007а: 323). По Хайдеггеру, эта «видимость» обеспечивается «существом техники», опирающимся на науку и подчиняющим её себе. Таким образом, всё сущее в природе, обществе и человеке приводится «существом техники» к «состоянию в наличии». Последнее, по Хайдеггеру, является обращенным к человеку вызовом, который он таковым не воспринимает и тем самым «просматривает самого себя как захваченного этим вызовом, прослушивает тем самым все способы, какими в своей захваченности экзистенцирует из своего существа, и потому уже никогда не может встретить среди предметов своего представления просто самого себя» (Там же).

«Я, вот, про молодежь в деревне думаю. Вот, взять тех же самых сельских детей... Ну, вот, мы, городские, приезжаем сюда, в деревню. Деревенские же стремятся туда, в город. И этот процесс очевиден, он есть. Вот, я спрашиваю здешних детей, когда они приходят ко мне на уроки рисования: “Вы хотели бы остаться в деревне?” — “А что здесь делать-то?..” Я говорю: “Ну, как же?! Вот, ты кроликов выращиваешь. У тебя здесь бабушка, дедушка. Мама вернется из города и будет с тобой здесь жить...” — “Не-ет, здесь скучно!” То есть, я думаю, у деревенских детей нет осознания того, что в деревню из городов начинают люди ехать. Что уже неактуально ехать из деревни в город...» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

И здесь мы снова возвращаемся к поставленному выше вопросу о том, что на самом деле стоит за переездом горожан в деревню на постоянное местожительство. Если это результат той же «силы», которая перемещает людей в перечисленных нами случаях, то чем он нам интересен? Для ответа на него опять обратимся к цитатам респондентов, обосновавшихся в деревне после «полностью упакованной» жизни в городе. Самое интересное, что их тоже волнует этот вопрос, который они задают не только сами себе, но и таким же, как они, бывшим горожанам.

«И вот поглядите: ведь сюда едут люди — один хлеще другого! И остаются жить... Ну, казалось бы, чего им в городе не хватает... Причем такие люди, по сравнению с которыми мы не можем считать себя как бы в авангарде. Например, молодая семья, которая купила недавно дом здесь, в селе. Мы по сравнению с ними пониже даже. Ведь, по сути, всё, о чём мечтает среднестатистический городской человек, у них здесь уже имеется. У них, как говорится, полностью упакованная жизнь. И эти люди, уже имея то, к чему стремятся многие другие, заявляют: “Нет! Нам город не нужен, город — это тупик!”

Они ведь совсем молодыми в деревню уехали, выбрали новую линию жизни. И этот выбор был настолько осознанный, настолько логичный, что тут задумаешься, вообще, о судьбах города и деревни...» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Достижение городской степени «упакованности» не является проблемой для переселенцев. Гораздо важнее для них, что их «линия жизни» в городе уперлась в «тупик», который не позволяет им реализовать себя как человека, осуществить свои мечты и проекты, которые им *интересны*. Они надеются, что их «новая» жизнь в деревне позволит не только им, но и их детям, что гораздо важнее для них, выйти из «состояния в наличии», не позволившего им в городе, реализовав свои мечты и проекты, просто встретиться с самими собой.

«Я всё время думаю вот о чем — захотят ли наши дети когда-нибудь так же, как и мы, вернуться в деревню? Вот в чём вопрос? Будет ли им интересно то, что мы сейчас делаем, наши проекты?..» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Они не романтические мечтатели, идеализирующие деревенский быт и здоровый образ жизни, или пресыщенные горожане, мечтающие ещё и о «домике в деревне», — и этим они решительно отличаются от дачников. Конечно, каждый случай — это неповторимый кейс, в котором, кроме банального просчитывания своих будущих бюджетов, присутствуют ещё какие-то иррациональные моменты, связанные с выбором как самого места проживания, так и практик своей будущей деятельности. Причём эти практики не есть что-то раз и навсегда выбранное, они могут меняться в зависимости от внешних по отношению к ним факторов (природных, рыночных, технологических, социальных и т. п.). Однако при этом не изменяется только то, что выбор остаётся за самим человеком. Следует особо отметить, что большинство среди бывших горожан составляют не просто носители средней городской культуры или стандартного образования. Это — по-настоящему творческие люди, способные *искусно* овладеть современными техническими достижениями, не становясь при этом захваченными их «существом»⁹. Вместе с тем их по-настоящему волнует будущее деревни, поскольку они понимают, что оно зависит от их сегодняшнего пре-бывания здесь.

«Мне вот что ещё интересно. Я так понимаю, что в деревне уже не будет такого гигантского возрождения сельского хозяйства, какое оно было, скажем, при Советском Союзе. Этих больших колхозов, по которым сейчас люди тоскуют (“Вот, мол, раньше как было хорошо...”»), — этого уже не будет. А тогда что будет?» (Саратовская область, Новобурасский район, 2016).

Последний вопрос респондента, заданный самому себе, это не простое любопытство по поводу будущего деревни, и не элементарная информационная разведка — а что там? Это — именно *интерес*, то есть то, что, по Фасмеру, имеет важное значение¹⁰. В сущности,

9. Именно через сближение техники и настоящего искусства, в смысле его понимания как «техне», Хайдеггер видит спасение человека и его величие. «...кажется, пока мы не обращаем внимания на то, что захваченность поставлением действительного как состоящего в наличии — это в конечном итоге тоже миссия, посылающая человека на один из путей раскрытия потаенности. В качестве этой миссии существо техники дает человеку вступить в нечто такое, что сам по себе он не может ни изобрести, ни тем более устроить; ибо такой вещи, как человек, являющийся человеком только благодаря самому себе, не существует» (Хайдеггер, 2007а: 327).

10. Фасмер связывает появление в русском языке слова «интерес» с правлением Петра I, в частности, он относит его первое появление к 1703 году

интерес — это *inter-esse*, между-бытие. И, «...когда человек сталкивается с “интересом”, захвачен им, он начинает различать вещи» (Бибихин, 2012: 36). Он начинает видеть их.

Переезжая в деревню, горожане видят в ней, в отличие от сельских жителей, необычное, эксплолярное, минующее заостренные крайности, пространство жизни. Оно не просто расстилается вдаль до не сломанного, плавного горизонта. Оно «захватывает» их, оно открывает перед ними простор для их творческих начинаний, способных реализоваться только в обновленном технологическом мире. Отличие последнего от городского «механизированного мира» Парка совсем не в степени их механизированности или технологичности, а в том, что эта технологичность уже не подчиняет себе человека, создавая у него иллюзию свободы посредством «обманчивых миражей», а раскрывает себя со всеми своими опасностями и возможностями их преодоления, «подсказывая» захваченному им человеку способы искусного овладения современными техническими и технологическими достижениями. Город со своей жесткой и блестящей «упакованностью» становится тесен для этого нового мира и для «захваченного» им человека.

Библиография

- Бибихин В.В. (2012). Собственность. Философия своего. СПб.: Наука.
- В глушь, под Ломоносов: почему горожане перебираются жить в деревню (2018). Медиопортал Ломоносовского района Ленинградской области LOMOLENOBL.RU. URL: <https://www.lomolenobl.ru/v-glush-pod-lomonosov-pochemu-gorozhane-perebirajutsja-zhit-v-derevnju/> (дата обращения: 08.10.2018).
- Виноградский В.Г. (2009). «Орудия слабых»: технология и социальная логика повседневного крестьянского существования. Саратов: Изд-во Саратов. ин-та РГТЭУ.
- Войнилов Ю., Мальцева Д., Шубина Л. (2016). Открывая село заново: исследования сельских территорий // Векторы развития современной России / Ред. М.Г. Пугачева. М.: Издательский дом «Дело» РАНХиГС. С. 53-66.
- Горожане в деревне (2016). Социологические исследования в российской глубинке: Дезурбанизация и сельско-городские сообщества / Сост. и науч. ред. В.И. Ильин, Н.Е. Покровский. М.: Университетская книга.
- Задорин И., Мальцева Д., Хомякова А., Шубина Л. (2014). Альтернативные сельские поселения в России: стихийная внутренняя эмиграция или осознанный трансфер в будущее // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. № 2. С. 64-77. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_21980042_44437692.pdf (дата обращения: 04.09.2017).
- Кармазин И. (2018). Погнали городских. Жители мегаполисов бросают все и уезжают в деревню. РИА Новости. URL: <https://ria.ru/society/20180314/1516279976.html> (дата обращения: 08.10.2018).
- Парк Р.Э. (2011а). Физика и общество // Избранные очерки. / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН.

от польского «*interes* или нем. *Interesse* из ср.-лат. *interesse* “иметь важное значение”» (Фасмер, 1986: 136).

- Парк Р.Э. (2011б). Человеческая миграция и маргинальный человек // Избранные очерки / Сост. и пер. с англ. В.Г. Николаев; отв. ред. Д.В. Ефременко. М.: ИНИОН.
- Штешин Д., Гусейнов В. (2016). Псковские робинзоны: Горожане побежали из бетонных трущоб, заселяя землю русскую заново. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26543/3560275/> (дата обращения: 22.06.2016).
- Фасмер М. (1986). Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 2 / Пер. с нем. и доп. О.Н. Трубачева. М.: Прогресс.
- Хайдеггер М. (2007а). Вопрос о технике // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Библихина. СПб.: Наука. С. 306-330.
- Хайдеггер М. (2007б). Европейский нигилизм // Хайдеггер М. Время и бытие: Статьи и выступления / Пер. с нем.; сост., пер., вступ. ст., коммент. и указ. В.В. Библихина. СПб.: Наука. С. 87-244.
- Шукшин В.М. (1998а). Выбираю деревню на жительство // Собрание сочинений в 6-ти книгах. Книга третья. Странные люди. М.: Изд-во «Надежда-1». С. 33-40.
- Шукшин В.М. (1998б). Собрание сочинений в 6-ти книгах. Книга третья. Странные люди / Прим., комм. Л. Аннинского, Г. Костровой и Л. Федосеевой-Шукшиной. М.: Изд-во «Надежда-1». С. 503-525.
- America's first autonomous robot farm replaces humans with 'incredibly intelligent' machines (2018). URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/oct/08/robot-farm-iron-ox-california> (дата обращения: 11.10.2018).
- Orişpää O. Maitoa ilman lehmää ja munia ilman kanaa — suomalaiset keksivät, miten maailman kasvavaa väestöä ruokitaan (2018). URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10402264> (дата обращения: 11.10.2018).

Ontological foundations of the townspeople moving to the village

Vinogradskaya Olga — Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 82. E-mail: vgrape58@yandex.ru.

The article considers key reasons for townspeople moving to the village as a permanent residence. The author believes that the main reason is that the technological world of the big city forcibly deprives the man of subjectivity and does not allow him to influence continuous plunge into mandatory daily household routine and everyday endless cycle. The daily technological routine of urban life enhances the feeling of hopelessness and even danger of everyday practices, isolates people from each other. Some townspeople believe that rural world can provide them with a place and nature to live as “human beings”. Townspeople try to at least temporarily escape from the technological world that seized them by getting out of the city to visit one’s country house, by taking a journey, by visiting one’s relatives in the village or, sometimes and today more and more often, by moving to the countryside. Townspeople, unlike villagers, consider the village an unusual expolar space that makes them happier and more creative and provides opportunities for activities that are possible only in this new world. The difference of the new world from the urban “mechanized” one is not the degree of mechanization but that the “technology” no longer subjugates the man but frees him from dangers and provides with opportunities to skillfully and effectively master a variety of innovations.

Key words: city, village, former townspeople, villagers, migration, economic practices, technological world, technological development

- СОБРЕМЕННОСТЬ America's first autonomous robot farm replaces humans with "incredibly intelligent" machines (2018). URL: <https://www.theguardian.com/us-news/2018/oct/08/robot-farm-iron-ox-california>.
- Bibikhin V.V. (2012) *Sobstvennost. Filosofiya svoego* [Property. Philosophy of Ownership]. Saint Petersburg: Nauka.
- Fasmer M. (1986) *Etimologicheskyy slovar russkogo yazyka* [Russian Etymological Dictionary]. V 4-h tt. Vol. 2. Per. s nem. i dop. O.N. Trubacheva. Moscow: Progress.
- Gorozhane v derevne. Sociologicheskie issledovaniya v rossijskoj glubinke: Dezurbanizatsiya i selsko-gorodskie soobshchestva [Townpeople in the Village. Sociological Studies in the Russian Hinterland: Desurbanization and Rural-Urban Communities] (2016). Sost. i nauch. red. V.I. Il'in, N.E. Pokrovsky. Moscow: Universitetskaya kniga.
- Heidegger M. (2007b) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Evropejsky nihilizm* [Time and Being: Articles and Speeches: European Nihilism]. Per. s nem.; sost., per., vstup. st., komment. i ukaz. V.V. Bibikhina. Saint Petersburg: Nauka, pp. 87-244.
- Heidegger M. (2007a) *Vremya i bytie: Stat'i i vystupleniya: Vopros o tekhnike* [Time and Being: Articles and Speeches: On the Technique]. Per. s nem.; sost., per., vstup. st., komment. i ukaz. V.V. Bibikhina. Saint Petersburg: Nauka, pp. 306-330.
- Karmazin I. (2018) Pognali gorodskih. Zhiteli megapolisov brosayut vse i uezhayut v derevnyu [Driven away from the city. Residents of megapolises drop everything and move to the village]. URL: <https://ria.ru/society/20180314/1516279976.html>.
- Orispää O. Maitoa ilman lehmää ja munia ilman kanaa — suomalaiset keksivät, miten maailman kasvavaa väestöä ruokitaan (2018). URL: <https://yle.fi/uutiset/3-10402264>.
- Park R.E. (2011b) *Izbrannye ocherki: Sb. perevodov: Chelovecheskaya migratsiya i marginalny chelovek* [Selected Essays: Collection of Translations: Human Migration and Marginal Man]. Sost. i per. s angl. V.G. Nikolaev; otv. red. D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN.
- Park R.E. (2011a) *Izbrannye ocherki: Sb. perevodov: Fizika i obschestvo* [Selected Essays: Collection of Translations: Physics and Society]. Sost. i per. s angl. V.G. Nikolaev; otv. red. D.V. Efremenko. Moscow: INION RAN.
- Shukshin V.M. (1998b) *Sobranie sochinenij v 6-ti knigah. Kniga tret'ya. Strannye lyudi* [Collected Works in 6 books. Book 3. Strange People]. Prim., komm. L. Anninskogo, G. Kostrovoy, L. Fedoseevoy-Shukshinoy. Moscow: Izd-vo "Nadezhda-1", pp. 503-525.
- Shukshin V.M. (1998a) *Sobranie sochinenij v 6-ti knigah. Kniga tret'ya. Strannye lyudi: Vybirayu derevnyu na zhitelstvo* [Collected Works in 6 books. Book 3. Strange People: I Choose the Village to Live]. Moscow: Izd-vo "Nadezhda-1", pp. 33-40.
- Steshin D., Gusejnov V. (2016) Pskovskie robinzony: Gorozhane pobezhali iz betonnyh truschob, zaselyaya zemlyu russkuyu zanovo [Pskov Robinsons: Citizens run from concrete slums to settle the Russian land anew]. URL: <http://www.msk.kp.ru/daily/26543/3560275>.
- V glush, pod Lomonosov: pochemu gorozhane perebirayutsya zhit v derevnyu [To the wilderness, near Lomonosov: Why citizens move to live in the village] (2018). URL: <https://www.lomolobl.ru/v-glush-pod-lomonosov-pochemu-gorozhane-perebirajutsja-zhit-v-derevnju>.
- Vinogradsky V.G. (2009) "Orudiya slabyh": tekhnologiya i socialnaya logika povsednevnogo krestyanskogo suschestvovaniya ["Weapons of the Weak": Technology and Social Logic of Everyday Peasant Existence]. Saratov: Izd-vo Saratovskogo instituta RGTEHU.
- Vojnilov Yu., Maltseva D., Shubina L. (2016) Otkryvaya selo zanovo: issledovaniya selskih territorij [Re-opening the village: Studies of rural areas]. Pugacheva M.G. (Ed.) *Vektory razvitiya sovremennoj Rossii*. Moscow: Izdatelsky dom "Delo" RANHiGS, pp. 53-66.

Zadorin I., Maltseva D., Khomyakova A., Shubina L. (2014) Alternativnye selskie poseleniya v Rossii: stihijnaya vnutrennyaya emigratsiya ili osoznanny transfer v budushee [Alternative rural settlements in Russia: Spontaneous internal migration or conscious transfer to the future]. *Labirint. Zhurnal Socialno-Gumanitarnyh Issledovanij*, no 2, pp. 64-77.

135

О.Я. Виноградская
Онтологические
основания пе-
реезда горожан
в деревню

Трансформации отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности¹

А.А. Смолькин

Антон Александрович Смолькин, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой гуманитарных дисциплин Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, заместитель главного редактора журнала «Социология власти». 119571, г. Москва, пр-т Вернадского, д. 84, корп. 9. E-mail: antonpsevdonimov@mail.ru.

В этой статье мы попытаемся ответить на вопрос, как и почему меняется модель отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности в ситуации крупного российского города? Что блокирует проявление уважения? Исследование построено на материалах глубинных неструктурированных неформализованных интервью (2007–2016, N=71, в тексте цитируется 19).

Уважение к пожилым людям в сельских сообществах следует понимать как естественное следствие их социальной природы — по сути, они являются первичными группами, агрегацией потенциально знакомых людей. В такой ситуации уклонение от статусных действий грозит человеку потерей лица/авторитета. Конкретные случаи проявления уважения являются здесь лишь элементами сложной системы взаимопомощи и взаимоуважения, и не могут быть полностью поняты как самостоятельные эпизоды. Возможно, во многих случаях ключевым стимулом к соблюдению нормы уважения в сельских/традиционных (со)обществах является функция конструирования (само)идентичности — т. е. подтверждение своей социальной полезности; способ почувствовать себя одобряемой другими частью целого. Таким образом, реализация практик уважения позволяет обрести чувство «мы» (и «я» как его части).

По всей видимости, представления о норме уважения у мигрантов из сельской местности часто остаются если не прежними, то, по крайней мере, все же более высокими, чем городские стандарты, и главные деформации приходится именно на поведение, а не на установки, но происходят они медленно и порой почти незаметно для них самих. У определенной части мигрантов (например, попадающих по приезду в родственную культурную среду или приехавших на непродолжительное время) изменений может не быть вовсе.

Ключевые слова: социальная геронтология, ресоциализация, отношение к старости, адаптация мигрантов, межпоколенческие отношения

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-136-149

В современных российских СМИ принято представлять межпоколенческие отношения по типу конфликтной модели, которая пред-

1. Данный текст написан при подготовке научно-исследовательской работы «Социальный статус пожилых людей в практиках повседневного взаимодействия в общественных местах» (2016 г., ИОН РАНХиГС).

полагает, что к старикам выказывают недостаточное уважение или напрямую пренебрегают их интересами в повседневной жизни. Однако на практике причины конфликтов не всегда справедливо сводить только к «отсутствию воспитания» или иным формам морального несовершенства молодежи (подробнее см.: Смолькин, 2010). В качестве главного контраргумента можно привести следующий факт: зачастую даже носители культурных традиций, предполагающих уважение к старости (скажем, сельские жители или кавказские/среднеазиатские мигранты), в условиях крупного российского города не проявляют «достаточного» (с точки зрения их собственных культурных традиций) уважения к пожилым. Следовательно, есть основания полагать, что причиной «пробуксовки» уважительных установок становится сам контекст ситуаций.

Интервью мигрантов, которые лишь недавно переехали в город, позволяют зафиксировать и проанализировать межпоколенческие взаимодействия в крупных российских городах глазами человека, который еще в детстве усвоил уважительную модель отношения к пожилым людям. Опыт социальной адаптации мигрантов дает возможность обнаружить специфические особенности российской городской повседневности, которые самим городским жителям кажутся самоочевидными, и потому не рефлектируются. Однако именно они, по всей видимости, и оказываются причиной разрыва связей между признаваемым всеми как необходимое «хорошим отношением к старости» и заметно более редкими практически «уважительными действиями по отношению к пожилым людям».

Как и почему меняется модель отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности в ситуации крупного российского города? Что блокирует проявление уважения? Возможно, сама установка на уважение оказывается разрушенной или трансформируется? Прежде чем перейти к ответам на эти вопросы, проанализируем ситуацию с точки зрения самих городских жителей.

Методические замечания

Сбор и анализ материала проводился по методу «двойной рефлексивности», с помощью неструктурированного неформализованного интервью (подробнее о методе см.: Шанин, 1998).

Интервью 2007 года проводились в здании университета, в спокойной обстановке, как правило, без участия третьих лиц. Все беседы можно считать удавшимися, поскольку каждый респондент в той или иной степени уточнял/расширял горизонт понимания проблемы. Интервью 2016 года были собраны студентами в рамках исследовательской работы по курсу социологии.

Необходимо сделать принципиальную оговорку — избыточная «пасторальность» описываемых ниже картин сельской и/или кавказской жизни может пониматься как результат возможной склон-

ности информантов идеализировать родную социальную среду, в результате чего описываются скорее представления/воспоминания о ценностях и идеалах поведения, чем регулярные практики. К тому же значительная часть воспоминаний отсылает к тому возрасту информантов, в котором и восприятие происходящего, и собственно поведение контролируются взрослыми и нередко корректируются или комментируются в воспитательных целях.

Отношение к пожилым людям: взгляд информантов

Отношение к пожилым людям в повседневной жизни оценивается информантами в диапазоне от «отношения охладели» до «в большей степени плохое». В основном речь идет именно о недостаточном уважении:

Инт.: Как вы считаете, почему уважения мало?

Инф.: Уважения не мало, а недостаточно много.

(05.05.2016, А. (м.), 19 лет, Молдавия/Бельцы, живет в Москве один год)

Примеры агрессивных действий по отношению к пожилым людям приводились, как правило, в гипотетической перспективе. Можно предположить, что, несмотря на отсутствие непосредственной агрессии, она осознается участниками ситуации как возможная, хотя и редко становится реальностью (или даже не становится вовсе). Однако общий эффект формируется именно вследствие осознания, что граница между недостаточным уважением и агрессивными действиями оказывается довольно условной.

В качестве обоснования необходимости «хорошего отношения» информантами обычно называются уважение к исторической судьбе («они нас защищали, сражались за нашу Родину»), отождествление с образом прародителей («они чьи-то бабушки-дедушки»), ценность жизненного опыта, и даже самообъяснительные элементы традиционной иерархии («просто старше») — иными словами, пожилые люди определяются как «заслуживающие дополнительного уважения».

Показательным представляется не проговариваемый непосредственно, но явно различимый мотив жалости/сочувствия. Здесь «хорошее отношение» выступает в качестве компенсации за утрату здоровья, безразличие государства и т.п. Предполагается, что общество как бы выступает агентом эмоциональной поддержки пожилых людей.

К пожилым людям надо относиться уважительно, потому что они прожили больше, чем ты, значит, они уже этим заслуживают уважение. Тем, что они уже воспитали своих детей, пережи-

ли какие-то жизненные трагедии, от жизни многим досталось. Поэтому не стоит... В стране нашей у стариков тяжелая ситуация жизненная. Они не живут, они существуют в основном, если нет родственников. Поэтому к ним надо как-то больше проявлять снисхождение.

(май 2007, Ю. (м.), 21 год, Саратов)

Обратим внимание: если уважительные действия носят «компенсационный» характер, в них исчезает элемент уважения в том виде, в каком оно обычно понимается в повседневных разговорах о проблемах старения. Таким образом, отсутствие конфликтов и/или готовность избегать потенциально конфликтных ситуаций мало что в действительности говорит о наличии или отсутствии уважения к пожилым.

Я стараюсь относиться к пожилым людям с уважением, потому что мне их жалко (здесь и далее курсив мой. — А.С.). Я их сравниваю с маленькими детьми, потому что некоторые бывают одинокие и беспомощные. Но все люди, и все разные. Я, например, могу, так же как и моей бабушке в метро, уступить место, независимо где, в автобусе, электричке или в каком-нибудь сидячем месте. Конфликтов у меня не было, потому что со стариками я не хочу иметь дело. Отхожу в сторону от диалога и все.

(май 2016, А. (ж.), Харьков, Украина)

Практически все информанты сообщают, что относятся к пожилым людям уважительно, но это утверждение сопровождается регулярной оговоркой о необходимости симметричного уважения. В этом смысле уважение к старшим нельзя свести, например, к фактору авторитета.

Я сам просто отношусь так, как ко мне относятся. ... Если видишь, что та же самая бабушка на меня орет, какое уважение может быть? А если там «сын, уступи место», то, конечно, я уступлю.

(апрель 2008, В. (м.), 21 год, Саратов)

Может быть, такая малейшая, маленькая причина из-за того, что сами пожилые люди приводят к тому, что ты можешь им грубо ответить. Сами пожилые люди могут быть чем-то недовольны, и поэтому раздражительны, что-то им не понравилось, и они высказывают все сразу же.

(19.10.2008, С. (м.), 22 года, Саратов)

Подобные реплики можно было бы игнорировать, если бы они были единичны, однако их часто можно услышать даже со стороны информантов, которых сложно заподозрить в «межпоколенческой зло-

намеренности» (что, разумеется, не исключает, что таким образом информанты оправдывают собственное неуважение). В то же время необходимость избирательного уважения заметно реже проговаривается выходцами с Кавказа или сельскими жителями в нарративах о «малой родине». Любопытно, что озвучивать претензии к пожилым людям информанты имели склонность исключительно в тех случаях, когда их поощряли к этому прямым вопросом («Бывает ли, что пожилые люди сами виноваты в том, что к ним отнеслись неуважительно?» и т.п.). Соответствующие примеры вспоминали практически все, кому задавался подобный вопрос.

Справедливость утверждений о необходимости взаимного уважения самоочевидна, и в силу этой самоочевидности их регулярное проговаривание настораживает. Видимо, подобные отклонения в поведении пожилых уже попадают в горизонт ожиданий, такие ситуации понимаются как «естественные» и мыслятся как своего рода «нормативное исключение».

Инт.: Не все пожилые люди заслуживают одинакового уважения?

Инф.: Конечно, не все, как и любой человек. Насколько он заслужил репутацию, авторитет, насколько он добр, насколько отзывчив — такое отношение к нему и надо иметь. Конечно, он человек. Но не все люди одинаковы, и с одинаковым уважением я не могу относиться ко всем пожилым людям.

(декабрь 2008 г. А. (м.), 19 лет, Духовницкий р-н, дер. Горяиновка Саратовской обл.)

В подобного рода критике пожилых информанты говорят, что лично их «притесняют со всех сторон». Иными словами, мы видим скорее ситуацию «войны всех против всех», чем поиск межпоколенческого компромисса (Смолькин, 2014).

Инф.: У меня во дворе живет очень много мерзопакостных старух. Они совершенно невыносимы. Сидят себе на лавочке и сплетни распространяют про молодых — особенно про девочек любят. Причем ясно, что это все неправда, но их это не останавливает.

Инт.: То есть они сами виноваты в таком плохом к себе отношении?

Инф.: Да, потому что они изменились. Стали более агрессивными, грубыми, не хотят понять молодежь. Иногда эти бабушки просто отвращение вызывают.

Инт.: Были ли вы свидетелем/участником какой-нибудь конфликтной ситуации?

*Инф.: Ну вот, например. Местная управляющая компания начала вырубку деревьев, чтобы освободить место для стоянки. А все это дело подписали бабушки. Подхожу к ним, спрашиваю — зачем деревья-то рубите? Это ж для экологии плохо. Чем же дышать-то? А они мне: «Вы — с*** молодые, а мы свое отжили... Хотите, по-*

мирайте». Вот такие вот замечательные люди. Наверное, они всегда не очень хорошими людьми были, а теперь постарели и вообще невозможно с ними стало.

<...>

Инт.: Как вы думаете, считают ли те, кто «плохо относятся», что поступают неправильно?

Инф.: Молодежи все равно. Она вообще ни о чем не думает. А неправильное поведение со стороны стариков продиктовано именно злостью.

<...>

Общество в целом стало хуже относиться. Теперь относиться к пожилым без уважения — нормально. В моем детстве и молодости было не так. Сейчас пожилые люди фактически стали изгойми в обществе. Их притесняют со всех сторон.

(май 2016, Н. (ж.), 49 лет, Смоленск/Москва)

Что характерно, с критикой часто согласны и сами пожилые. Можно предположить, что описываемые ситуации говорят не столько о межпоколенческом конфликте, сколько об индивидуальных исключениях, возникающих как побочный эффект общих проблем пожилых в современной России и лишь принимающих форму межпоколенческого конфликта (или так считаваемых наблюдателями):

Инт.: Бывают ли пожилые люди в России сами виноваты в неуважении? Были ли вы свидетелем такой ситуации?

Инф.: Да, безусловно, порой виноваты сами пожилые, мне даже кажется, что в большинстве случаев. И свидетелем была, и самой еще молодых приходилось защищать от озлобленных стариков. Один раз ехала в автобусе девушка с маленьким ребенком на руках, да еще и с сумками. Прицепилась к ней бабка, чтобы уступили ей место. Девушка ответила, что, к сожалению, ей это сделать будет очень трудно, чтобы она попросила кого-нибудь другого. Но та из принципа осталась стоять над женщиной с ребенком и ворчать, переходя на личности. В итоге девушка не выдержала давления от этих оскорблений и попросила пожилую женщину замолчать. Та, естественно, только хуже стала себя вести. Я за девушку заступилась, другие попутчики тоже подключились. А та пожилая женщина сама виновата, что в итоге все на нее набросились.

(май 2016, Н. (ж.), 69 лет)

Многие стараются избегать прямых контактов с пожилыми в силу отсутствия общих интересов и нежелания вступать в бессодержательные, с точки зрения молодежи, разговоры. Описывая свое поведение в общественном транспорте, некоторые информанты указывали, что стараются даже не садиться на свободное сиденье, чтобы потом не пришлось уступать место. К иным объяснениям

подобного поведения, безусловно, стоит отнести и попытку уклониться от дискомфортной коммуникации. Вместе с тем такая позиция сама по себе показательна — следовательно, межпоколенческие контакты могут быть дискомфортны/конфликтоопасны уже на уровне ожиданий, и даже при склонности к нормативному поведению не гарантируют социального удовлетворения. Звучали и более экзотические причины избегания — вплоть до отсылок к черной магии.

Инф.: Мне еще бабушка сказала — никогда с чужими бабушками не пытайся вступить в конфликт, потому что сейчас многие занимаются черной магией. Может, я мнительная, но я стараюсь как-то держаться в стороне от пожилых людей.

Инт.: А почему именно пожилые?

Инф.: Как мне бабушка сказала, от скуки... Бывает, если кто-то пристально смотрит, я фигу в карманчике, и подальше отвернуться...

(19.12.2007, Е. (ж.), 20 лет, Саратов)

Следует отметить, что «предохранительное» поведение (во всех перечисленных вариантах) само по себе может создавать/усиливать эффект негативного отношения к пожилым. Подобные опасения и возникающая в результате коммуникативная настороженность — следствие убежденности, что многие пожилые настроены к молодежи критически и предвзято:

Инт.: А как вы считаете, сами пожилые люди думают, что к ним плохо молодежь относится?

Инф.: Думаю, да. Ну, не то чтобы плохо, а... безразлично. Они считают себя никому не нужными. Соответственно, плохо.

(январь 2008, В. (м.), 23 года, студент заочного обучения/рабочий, Москва/Саратов)

Может, они привыкли, что к ним так относятся. Ну, [неуважительно]. Поэтому и [привыкли себя так вести]... у пожилых людей предвзятое отношение к молодежи.

(апрель 2008, В. (м.), 21 год, Саратов)

В отдельных случаях эти опасения оправданны — усиление межпоколенческой напряженности может быть инициировано не только реакцией пожилых на действительное неуважение, но и их склонностью интерпретировать любое неоднозначное поведение как неуважительное (возможно, это можно объяснить комплексом жертвы институциональных нарушений, когда ущемления своих интересов начинают ждать отовсюду). В целом же коммуникативные ожидания относительно пожилых со стороны молодежи оказываются настороженно-безразличными.

Описанный контекст поможет лучше понять тематику, которой мы коснемся ниже: отношение к пожилым людям у сельских жителей и мигрантов с Кавказа и Средней Азии, причины и способы ее трансформации в условиях крупного российского города.

«Сельская» модель отношения к пожилым людям

Задача этого раздела — не столько раскрыть особенности отношения к пожилым людям на селе во всем его разнообразии, сколько указать на фундаментальные отличия в логике уважения, которые позволяют описать сельскую/традиционную модель отношения к пожилым от городской.

Модель справедливо называть традиционной, поскольку она, по всей видимости, характерна для большинства обществ с преобладанием в сфере непосредственной коммуникации членов первичных групп, отношения между которыми «теплее», «душевнее» по умолчанию, еще до начала общения.

...если в моей молодости уважение к пожилым людям выражалось более открыто, то сейчас если тебе дверь откроют или место уступят — это считается выполнили долг. У нас-то как было: жили 3–4 поколения все в одном доме, самый старший спал на печи, обычно это бабушка наша была... Вечерами все вокруг нее, она, бывает, сказки начинала рассказывать, песни петь. Все, кто помоложе из семьи, — вокруг нее, остальные — делами занимаются своими. Да и не было такого в голове даже, что можно со стариками не здороваться, не помочь что-то или другое... Сейчас уже поколениями не живут, всем бы квартиры отдельные, стариков — либо выселяют в свои деревни, либо — покупают квартиры им. Время поменялось, ничего не говорю, но все же тяжело одной бывает.

(май 2016, N. (ж.), 71 год, жительница поселка N.)

Показательно, что информанты, характеризуя городскую повседневность, акцентируют внимание на общем безразличии людей друг к другу, где безразличие к старикам — лишь частность.

Инт.: Как вы считаете, почему уважения мало?

Инф.: Мало, потому что в Москве человек заботится лишь о себе, максимум о близких своих. Как я уже сказала, многие даже к просто взрослым людям относятся как к врагам. Традиции многое решают. У нас на Кавказе люди веками шли к тому, что мы сейчас имеем. Восточные культуры, сама понимаешь. А тут в Москве... Просто людям дела нет... Нет, есть такая середина, которая называется безразличием. Вот это точно проблема Москвы! Это скорее плохо, но не настолько же, как и «плохое отношение».

(май 2016, М. (ж.), 19 лет, Пятигорск, с 2015 — Москва)

Честно говоря, я не вижу очень большой разницы. Но иногда мне кажется, что в Беларуси люди говорят друг с другом (и в том числе как раз с пожилыми людьми) более спокойно и выдержанно, порой и более приветливо. В Москве жизнь какая-то более напряженно-суетливая и поэтому в общественных местах люди реагируют друг на друга более нервно, если кто-то кого-то раздражает. Для меня, например, как для человека, родившегося в небольшом городке, оказалось чем-то новым московское метро. Что касается пожилых людей, часто наблюдаю, как в метро все спешат на работу, и когда в толпе оказывается какой-то старичок или бабушка и начинает всех раздражать, и все начинают обходить их с ужасно недовольным видом, поскольку все спешат, а пожилые люди ходят медленно. Не исключаю, что я могу и немного преувеличивать в силу того что Беларусь моя родная страна и просто в целом я чувствую там себя комфортнее.

(май 2016, А. (ж.), 19 лет, Беларусь, Быхов, с 2015 — Москва)

Инт.: Как по-вашему, сейчас в обществе относятся к пожилым людям?

Инф.: Плохо (смеется). Но в Москве все-таки лучше, чем на периферии... Да все друг к другу плохо относятся, а к старикам — и тем более. Да и старики хороши — почему они такие злые по отношению к молодежи?.. Молодежи все равно. Она вообще ни о чем не думает. А неправильное поведение со стороны стариков продиктовано именно злобой... В обществе люди просто не замечают, что существуют пожилые, которым тяжело передвигаться, и вообще жить им труднее. Пандусов нет. Ну, это я говорю про периферию — Смоленск вообще не приспособлен для того, чтобы в нем жили пожилые люди.

(май 2016, Н. (ж.), 49 лет, Смоленск/Москва)

Инт.: Считаете ли вы, что отношение к пожилым людям изменилось? Сильно ли? С чем, по вашему мнению, это можно связать?

Инф.: Да, изменилось, но я бы не стала выделять именно отношение к пожилым людям. Изменилось в целом отношение к людям. В принципе уровень культуры упал. Если раньше, допустим, люди могли не уважать кого-то, но оставаться вежливыми, то сейчас зачастую — нет.

(апрель 2016, Н. (ж.), 46 лет, армянская культурная традиция)

Случайные контакты с незнакомцами в крупном городе не предполагают никаких конкретных ожиданий, кроме стереотипных, а потому ситуации, предшествующие коммуникации, механистичны и обезличены.

Поступив в этом году в вуз, я каждый день катаюсь туда-сюда из Фряново (подмосковный поселок) в Москву, и наоборот. В Москве я пользуюсь исключительно метро. Там на каждой станции напоминают о том, что, мол, уступи-ка бабушке и дедушке. Для меня эти оповещения совершенно не нужны, я в них не нуждаюсь, так как нас с детства приучали к уважению к пожилым людям. И попав в такой огромный мегаполис, как Москва, я не нуждаюсь в этих самых оповещениях, я ведь просто всегда это знала, зачем мне об этом напоминать? Многие не уступают место...наверное, не наши, поселковые (смеется).

(28.04.2016, О. (ж.), 19 лет, Московская область, п.г.т. Фряново)

Отсутствие позитивных ожиданий заставляет информантов драматизировать гипотетические эпизоды контактов. В результате создается ощущение, что даже катастрофические события не восстанавливают якобы отсутствующую ткань социальности. Кажется, особенно остро это чувствуют информанты — выходцы из Средней Азии и с Кавказа:

Здесь люди жестоко поступают со всеми. И с пожилыми в том числе. Нет уважения. Нет сожаления. Выражается практически во всем, но особенно это видно в ситуациях с массовым скоплением людей. В магазинах, на улице, в общественном транспорте. Пример могу привести. На днях случай со мной произошел. Ехала в автобусе, который платный, нельзя в нем оплатить социальной картой. Я сидела в самом конце и заметила, как бабушка поняла, что по карте оплатить проезд нельзя, а денег у нее не было. Водитель стал возмущаться и выгнал ее из автобуса. Бабушка при всем еще и извинилась! Я уже собиралась сказать, что оплачу проезд за нее, но двери закрылись и автобус уехал. Никто из сидящих рядом с входом людей даже не попытался помочь. Это ужасно.

(май 2016, М. (ж.), 19 лет, Пятигорск, с 2015 — Москва)

Эффективность взаимопомощи в сельских сообществах основана на принципиальной неанонимности интеракций внутри сообщества, где каждое действие известно всем заинтересованным лицам — или может стать таковым «по запросу». Отсюда следует, что сравнение сельских условий с городскими принципиально некорректно: речь идет о различных режимах человеческой близости коммуникантов, их реальной включенности в группу (общеизвестный факт — даже от незнакомых людей, встреченных в деревне на улице, скорее ожидают, что они поздороваются, чем просто пройдут мимо).

Попробуем представить это в виде различных степеней «близости». Например, правила внутрисемейного взаимодействия предполагают более тесный, доверительный и ориентированный на взаимопомощь режим, чем нормы отношений с приятелями, а в случае

последних субъекты отношений более близки, чем соседи по двору или подъезду, и т. п. Жители сельской местности, видимо, в подобной иерархии занимают относительно друг друга место где-то между «соседями» и «знакомыми», а на практике во многих случаях приходится друг другу родственниками.

Мигранты из сел и малых городов обычно настроены воспроизводить ту же модель и в ситуации большого города.

Инт.: А как в вашей местности относятся к пожилым людям?

Инф.: В нашей местности много людей пожилого возраста, за многими из них некому постоянно ухаживать, так как их дети или внуки приезжают к ним только на праздники. Но помощники находятся всегда, какие-нибудь соседи или дети и внуки знакомых этих бабушек и дедушек. У нас каждый год отмечают День пожилого человека, не знаю, что они там точно делают, но моя ходит туда ежегодно.

Инт.: А в какой помощи конкретно нуждаются пенсионеры, по твоим наблюдениям?

Инф.: Нашим старичкам нужно всего-то сумки донести, через дорогу перевести. Место уступить им негде, так как по поселку довольно часто ходят полупустые автобусы. Когда на лето я еду в соседнюю деревню к бабушке, то там иногда я ношу воду с колодца ее соседке.

(апрель 2016, Н. (ж.), 17 лет, Фряново/Москва)

Поддержка рассредоточивается в неформальных взаимодействиях, которые складываются в сети поддержки, организующие сельское сообщество. Сами по себе, в отдельности, элементы взаимодействия этой цепи не могут быть поняты/осмыслены. При этом в строгом смысле слова не следует говорить о сетях безвозмездной помощи в чистом виде. Скорее, это сети особых форм кредита, который пожилые люди могут, вероятно, вернуть в посильной форме: например, присмотреть за детьми или хозяйством в отсутствие домовладельца, одолжить денег с пенсии и др. Наконец, возврат «кредита» возможен в отсроченных или морально-статусных формах (бонус к репутации «хорошего соседа», «правильного односельчанина» и т.п.). Симметричная услуга может не подразумеваться, предполагая скорее отдаленные перспективы и специфические формы благодарности — например, через круг знакомств или родственных связей получателя помощи, благодаря которым можно будет решить те или иные проблемы (поступление детей в вуз или школу, оказание медицинской, технической помощи или иных профессиональных услуг). Соответственно, в такой системе каждый неверный шаг, скорее всего, окажется известен всем членам сообщества, в результате чего ответственность за нарушение норм и сопутствующий стресс оказываются гораздо сильнее.

На меня очень повлиял один случай из начальной школы. Одно время репортеры нашей местной газеты фотографировали школьников в магазинах, на улицах, на автобусных остановках и ловили их в момент помощи пожилому человеку. Я шла в музыкальную школу, точнее, бежала, так как опаздывала. В упор столкнулась с какой-то бабулей, которая пыталась спустить свой саквояж из автобуса. А я пробежала... В тот момент экзамен показался мне важнее всяких там бабушек и автобусов... Мало того что меня мучила совесть весь оставшийся день, так через месяц я увидела себя на странице газеты. Там была моя небольшая фотография, на которой бабушка смотрит мне в затылок, а я бегу так, что пятки сверкают. Очень получилась жалостливая фотография. Стыдно было — не то слово и совестно очень. Так что с 4-го класса я не пропустила ни одной бабушки или дедушки.

(08.05.2016, Н. (ж.), 26 лет, грузинка/русская, Московская область, п.г.т. Фряново)

С известным упрощением можно сказать, что на селе относительно полноценно функционирует примерно та же модель отношения к пожилым, которая признается необходимой и жителями городов, но где она уже утратила содержание и строгость. Показательно, что информанты — выходцы из сельских районов часто не конкретизируют содержание пресловутой модели по собственной инициативе, просто сообщая, что «у нас лучше» в значении, близком к «у нас это работает». В этом проявляется их отличие от информантов — представителей восточных культур, где норма уважения к пожилым людям заметно более строга, как, впрочем, и другие поведенческие нормы, что непременно особо оговаривается.

Насколько можно судить по сообщениям информантов, большинство рассмотренных нами установок уже не соблюдается согласно классическим образцам, однако могут служить ориентиром «идеального поведения» для представителя данной культурной традиции. Иными словами, демонстрация соответствующих практик может играть роль дополнительного ресурса уважения: например, стараясь подчеркнуть свою причастность к конкретной культуре, человек ведет себя в нарочито «традиционной» манере.

Заключение

Уважение к пожилым людям в сельских/традиционных (со)обществах следует понимать как естественное следствие их социальной природы — по сути, они являются первичными группами; агрегацией потенциально знакомых людей. При этом уклонение от положенных по статусу действий грозит человеку потерей лица/авторитета. Конкретные случаи проявления уважения/помощи являются здесь лишь элементами сложной цепи/системы взаимопомощи и взаимо-

уважения и не могут быть осмыслены как самостоятельные эпизоды. Следует оговориться, что современная «сельская» модель уважения принципиально отличается от «кавказской». В первом случае уважение к старшему есть специфическая форма благотворительности или (несимметричной) помощи («уважение как помощь/внимание к слабому»). Во втором — основанное на традиции признание его высокого авторитета («уважение к мудрости/статусу»). Следовательно, ключевая разница между Кавказом и собственно российскими территориями заключается не в соблюдении/несоблюдении норм, а в различных моделях уважения, разворачивающихся в разных социальных модусах. По вышеперечисленным причинам прямое сравнение сельских/кавказских реалий с городскими, а также сравнение современных русской и кавказской моделей уважения представляется некорректным (Смолькин, 2010).

Возможно, во многих случаях ключевым стимулом к соблюдению нормы уважения в сельских/традиционных (со)обществах является функция конструирования (само)идентичности — т. е. подтверждение своей социальной полезности; способ почувствовать себя одобряемой другими частью целого. Таким образом, реализация практик уважения позволяет обрести чувство «мы» (и «я» как его части).

По всей видимости, представления о норме уважения у мигрантов из сельской местности часто остаются если не прежними, то, по крайней мере, все же более высокими, чем в случае городских жителей. Основные деформации приходится именно на поведение, а не на установки, но происходят они медленно и порой незаметно для носителей установок. У определенной части мигрантов (попадающих по приезду в родственную культурную среду/сообщество; приехавших на непродолжительное время) изменений может не возникнуть вовсе.

Библиография

- Смолькин А.А. (2014). Отношение к пожилым людям в контексте аномической ситуации // Психология зрелости и старения. № 4 (68). С. 66-76.
- Смолькин А.А. (2010). Трансформации уважительного отношения к пожилым людям у (им) мигрантов // Социологический журнал. № 4. С. 66-91.
- Шанин Т. (1998). Методология двойной рефлексивности в исследованиях современной российской деревни // Социологический журнал. № 3/4. С. 77-93.

Transformation of rural migrants' attitudes to the elderly

Anton Smolkin, PhD (Sociology), Head of the Department of Humanities, Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Deputy Editor-in-Chief, *Sociology of Power*. 119571, Moscow, Prosp. Vernadskogo, 84. E-mail: antonpsevdonimov@mail.ru.

The article seeks to answer the questions of how and why rural migrants' attitudes to the elderly change in the large Russian city, and why they stop respecting the elderly. The article is based on the data of in-depth non-structured non-formalized interviews (2007-2016, N = 71, 19 are cited). Respect for the elderly in rural communities is considered a natural consequence of their social nature for rural communities are primary groups, a network of potentially familiar people. Thus, a person that avoids mandatory status actions faces the threat of losing credibility and authority for specific ways of showing respect are just small elements of the complex system of mutual assistance and mutual respect and cannot be considered independent actions. In many cases, key incentives for keeping up the norms of respect in rural/traditional societies are the incentives to construct one's identity, i. e. to confirm one's social significance, and to feel oneself an accepted part of the rural community. The practices of respect allow to gain the sense of "we" (and "me" as a part of "we"). Apparently, rural migrants' norms of respect are either the same or higher than the urban standards, and it is the behavior rather than the attitudes which is deformed slowly and unnoticed by rural migrants. Attitudes to the elderly seem not to change at all if we consider a part of migrants (for example, those who moved to the similar cultural environment or moved for a short time).

Key words: social gerontology, resocialization, attitudes to the elderly, migrants' adaptation, intergenerational relations

References

- Smolkin A.A. (2014) Otnoshenie k pozhilym lyudyam v kontekste anomicheskoy situatsii [Attitudes to the elderly in the anomic situation]. *Psikhologiya Zrelosti i Stareniya*, no 4, pp. 66-76.
- Smolkin A.A. (2010) Transformatsii uvazhitelnogo otnosheniya k pozhilym lyudyam u (im)migrantov [Transformation of respect to the elderly among (im)migrants]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*, no 4, pp. 66-91.
- Shanin T. (1998) Metodologiya dvoynoy refleksivnosti v issledovaniyakh sovremennoy rossyskoy derevni [Methodology of double reflexivity in the studies of the contemporary Russian village]. *Sotsiologicheskyy Zhurnal*, no 3/4, pp. 77-93.

Вопросы совершенствования Всероссийской сельскохозяйственной переписи

Е.А. Гатаулина

Екатерина Александровна Гатаулина, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник филиала «Всероссийский институт аграрных проблем и информатики им. А.А. Никонова», «Федеральный научный центр аграрной экономики и социального развития сельских территорий — Всероссийский научно-исследовательский институт экономики сельского хозяйства». 107078 г. Москва, Б. Харитоньевский пер., д. 21, стр. 1. E-mail: Egataulina@mail.ru

В условиях ограниченности бюджетных ресурсов остро стоит задача их использования с максимальной эффективностью на самые необходимые направления. Сбор и формирование статистических данных — важнейшая государственная задача, имеющая целью предоставление надежной непротиворечивой аналитической базы для управленческих решений любого уровня — от национального до уровня предприятия. Переписи являются одними из самых затратных статистических наблюдений, соответственно к их результативности, предъявляются повышенные требования. В частности, они должны включать такие объекты, темы, показатели, представлять их в такой структуре и форме, чтобы наиболее полно удовлетворять информационные запросы всех групп потребителей информации (бенефициаров). Соответственно группы бенефициаров должны быть явно выделены, их запросы выяснены.

Данная статья посвящена вопросу повышения практической значимости Всероссийской сельскохозяйственной переписи (ВСХП). Анализируется ее программа в сравнении с рекомендациями Всемирной сельскохозяйственной переписи ФАО раунда 2020, материалами сельскохозяйственной переписи США. Отмечается, что в явном виде бенефициары и их запросы в ВСХП не выделены. Это привело к формированию программы переписи, хотя и соответствующей рекомендациям ФАО, но более характерной для стран с плохо развитой системой текущей статистики. Фокус ВСХП находится на структурных данных (поголовье, площади), сама перепись имеет десятилетнюю периодичность. Сельскохозяйственные переписи развитых стран проводятся чаще, включают наиболее востребованные аналитиками стоимостные данные, объекты переписи, в отличие от ВСХП, имеют порог отсечения, - стоимостной как в США, или натуральный как в ЕС, а выходные таблицы включают широкий спектр характеристик представленных объектов. Широкий охват Всероссийской сельскохозяйственной переписи удорожает перепись, приводит к противоречивым данным с Росреестром, и хотя в результате выявило масштабы проблемы неурегулированного землепользования, но не привело к управленческим решениям по этому поводу. Рекомендуется применить проектный подход к организации переписи, что стимулирует перенос акцентов с процесса проведения переписи, на организацию использования ее результатов.

Ключевые слова: Всероссийская сельскохозяйственная перепись, аграрная политика, объекты переписи, управление АПК, совершенствование системы статистики, проектный подход

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-150-167

Вопросы совершенствования управления всегда были актуальны, так как направлены на повышение эффективности функционирования системы как на уровне государства или региона, так и на уровне отдельной отрасли, предприятия. Ошибки в управлении ведут к нарастанию диспропорций в системе и в итоге к ее распаду, если они не корректируются, т. к. неэффективно или несправедливо устроенная система неизбежно проигрывает в конкурентной среде.

В основе принятия управленческих решений лежит аналитика, базирующаяся на качественных данных, следовательно, сбор необходимых данных — важнейшая государственная задача. Переписи — одни из самых масштабных и затратных статистических наблюдений, именно поэтому вопросы совершенствования их методологии и методики должны постоянно находиться в фокусе исследователей.

В 2016 г. завершилась очередная Всероссийская сельскохозяйственная перепись (далее — ВСХП). Было обследовано более 23 млн объектов, задействовано около 42 тыс. переписчиков, потрачено 7,5 млрд руб. средств федерального бюджета. Росстату предстоит опубликовать 8 томов окончательных итогов ВСХП (Гатаулина, 2017: 39-41). Идет подготовка к микропереписи 2021 года, и именно сейчас есть время проанализировать такие ключевые вопросы прошлой переписи, как формулировка и достижение поставленных целей, выбор объектов переписи, определение бенефициаров (под ними понимаются потенциальные пользователи собранной информации), использование результатов (доступ, форма представления данных, тематика). Возможностью использовать результаты наиболее полно и эффективно и оправдываются в конечном счете затраты на проведение переписи.

Кроме того, разработчики программы переписи должны учитывать и рекомендации Программы ФАО ООН по осуществлению Всемирной сельскохозяйственной переписи (далее — ВСП-2020).

Постановка проблемы

В последнее время в мире и в России активно проводятся реформы управления (бюджетирование по результатам, проектное управление), направленные на повышение отдачи от вложенных бюджетных средств, суть которых в «смещении акцента с объема выделенных ресурсов на результаты от расходов бюджета» (Lee, Robert, 2011: 13), «от функциональной к проектной» деятельности. Различие в, казалось бы, чисто теоретических подходах непосредственно влияет на практическую реализацию и результаты мероприятия в данном случае — сельскохозяйственной переписи.

Всероссийская сельскохозяйственная перепись вполне подпадает под определение проекта, под которым понимается «ком-

плекс взаимосвязанных мероприятий, направленных на достижение уникальных результатов в условиях временных и ресурсных ограничений»¹.

Однако в ее настоящем виде она может быть рассмотрена скорее как функциональная деятельность Росстата, в обязанность которого входит сбор и формирование статистической отчетности². В рамках этой функции Росстат и осуществляет перепись, в то время как вопросы дальнейшего использования собранных данных не являются главным для ведомства. В результате в переписи акцент переносится с конечных результатов на непосредственные. Понятия «конечный» и «непосредственный» результат разграничены в рамках внедряемых с 2004 года в России принципов нового управления (Костров, Кисляков, Васильев, 2004: 76). При этом «непосредственные» результаты деятельности можно измерить количественно, однозначно связать с расходами на их достижение. Эти показатели определяются как «объем выполняемых работ и оказываемых услуг в натуральном или стоимостном выражении, а также показатели объема услуг, работ с определенным требованием к качеству. Эта группа показателей замкнута внутри организации и слабо зависит от внешних воздействий. Для их оценки применимы понятия эффективности (соотношения между расходами на выполнение работ, оказание услуг и непосредственными показателями деятельности)».

Конечный показатель — «количественный или качественный **общественно значимый результат** деятельности органа или государственных услуг, оказываемых этим органом. Показывает изменение состояния управляемой подсистемы в результате управляющих воздействий. Показатель конечного результата — измеримый индикатор достижения поставленных целей. Эта группа показателей может содержать оценку воздействия произведенных товаров, услуг на конечные цели (например, сокращение уровня бедности на ...% в результате внедрения какой-либо меры) или содержать степень удовлетворенности потребителей оказываемой услугой» (Петриков, Узун и др., 2004: 13).

Итак, конечные показатели проекта обязательно имеют общественно значимый эффект, хотя связь с бюджетными затратами опосредованная, т.к. на достижение конечных результатов влияет множество факторов. Теория требует, чтобы непосредственные результаты были обязательно связаны с конечными (Клименко и др., 2003), именно в них заинтересовано общество. Таким образом, хотя непосредственные результаты деятельности легче проконтроли-

1. Постановление Правительства РФ от 15.10.2016 № 1050 «Об организации проектной деятельности в Правительстве Российской Федерации» — электронная система «Консультант-плюс».
2. Постановление Правительства РФ № 420 от 02.06.2008 — электронная система «Консультант-плюс».

ровать, т. к. связь между затратами и результатом прямая, но без представления, как эти непосредственные результаты должны повлиять на достижение конечных целей, вся деятельность может оказаться мало востребованной.

Проиллюстрируем это на примере ВСХП: организация переписи, сама процедура сбора, проверки, формирование хранилищ статистических данных, публикация итогов в пределах выделенного бюджетного ассигнования — это непосредственный результат деятельности ведомства и, можно сказать, техническая и наиболее затратная сторона. Она может быть выражена в количестве собранных показателей, обработанных анкет. Конечная цель (в нашем представлении, т. к. официальная формулировка целей ВСХП иная) — способствовать росту доходности сельского хозяйства, темпов его производства, уровня жизни сельских жителей через повышение качества управления. Предполагается, что в результате анализа собранных во время ВСХП данных, лицам, принимающим решения, становится ясно, какие меры аграрной, социальной, земельной политики необходимо предпринять, а бизнесменам — какую стратегию развития выбрать. Если этого не происходит, то стоит поднять вопрос о ревизии методики и методологии переписи.

При организации переписи необходимо провести идентификацию бенефициаров переписи и их информационных запросов, и уже исходя из этого определить цели, объекты переписи, набор и структуру показателей, предусмотреть организацию использования данных (формы предоставления доступа, определение тем аналитических отчетов по бенефициарам).

Если понимания, как собранные данные могут быть использованы основными группами пользователей, нет, то вероятность потратить бюджетные средства абсолютно прозрачным целевым способом (на сбор и публикацию данных, мало востребованных или недоступных) достаточно велика.

Результаты. В России аспект использования результатов переписи не получил пока необходимого внимания, бенефициары в явном виде не выделены. Программа Всемирной сельскохозяйственной переписи 2020 года ФАО ООН, рекомендации которой должна учитывать Россия как член этой организации, позволяет выделить таких бенефициаров. Это:

- органы статистики — для чисто статистических целей (формирование генеральной совокупности сельхозтоваропроизводителей, уточнение текущей статистики, создание основ выборки для последующих обследований, получение данных о структуре сельского хозяйства);
- органы управления всех уровней — для мер аграрной политики, развития, сельских территорий;
- бизнес — агробизнес, пищевые компании, поставщики ресурсов, финансовые организации, представители отраслей, связанных

с АПК и др. — для корректировки планов развития, обоснования проектов на конкретной территории;

— исследователи, аналитики, в т. ч. международные исследовательские организации, некоммерческие организации, в т. ч. занимающиеся сельским развитием, — проведение исследований по тематике, поддержание баз данных (Программа ВСП-2020 ФАО, 2016: 25-31).

Чем полнее удовлетворяются информационные запросы всех выделенных групп пользователей, тем выше ценность переписи и оправданнее затраты на ее проведение. В Федеральном законе «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи» от 21.07.2005 № 108-ФЗ ст. 2 среди заявленных целей обозначены потребности статистиков, политиков, даже международных организаций, но потребности основных участников — сельхозпроизводителей, бизнеса, т. е. конечных и главных бенефициаров не декларированы совсем. Цели относятся в основном к достижению непосредственных результатов — формированию официальной статистической отчетности:

- формирование официальной статистической информации об основных показателях производства сельскохозяйственной продукции и отраслевой структуре сельского хозяйства, о наличии и использовании его ресурсного потенциала для разработки прогноза развития сельского хозяйства, мер экономического воздействия на повышение эффективности сельскохозяйственного производства;
- обеспечение возможности получения официальной статистической информации в области сельского хозяйства в отношении каждого муниципального образования;
- обеспечение возможности сопоставления итогов сельскохозяйственной переписи с используемыми в международной практике статистическими данными в области сельского хозяйства.

К конечной цели можно отнести «возможность использования собираемых данных для прогноза развития сельского хозяйства, мер экономического воздействия на повышение эффективности сельскохозяйственного производства». Однако ВСХП проводится раз в 10 лет, т. е. на настоящее время имеются две временные точки: 2006 и 2016 годы. Для использования в прогнозе это слишком мало. Кроме того, пока подводятся итоги (их публикация идет весь 2018 год), данные устаревают. ВСХП сосредотачивается и на так хорошо представленных в текущей отчетности структурных данных (площадь посевов, поголовье), но для прогноза лучше брать их из данных текущей статистики с длинными временными рядами. Стоимостных показателей в переписи нет, а без них практически невозможно определить эффективность ведения сельского хозяйства в разных категориях и группах хозяйств, что сужает поле применения данных ВСХП для «выработки мер экономического

воздействия». Для связи с другими базами, полученными в ходе сбора статистической, ведомственной отчетности, необходима однозначная идентификация сельхозпроизводителей по ВСХП и этих баз, с чем имеются проблемы. Кроме того, это трудоемкая операция, требующая доступа на уровне первичной информации к разным базам.

По второй цели Росстат, безусловно, может формировать данные на уровне муниципалитетов из данных переписи, но проблема в том, что их публикация находится в ведении региональных ТОГС. Для получения полной базы по России по открытым источникам придется посетить 85 региональных сайтов. Многие позиции пропущены из-за необходимости защиты персональных данных, если возможно идентифицировать производителя, то данные по нему не публикуются, соответственно, данные по крупным единичным производителям будут отсутствовать. Насколько достоверным и целесообразным будет анализ, основанный на таких неполных данных?

Кроме того, Росстатом как на уровне региональных данных, так и на уровне муниципалитетов выбрана крайне неудобная для аналитиков форма представления данных, в pdf-формате, что затрудняет, удлинняет и делает более дорогой обработку данных.

Сопоставление итогов сельскохозяйственной переписи с используемыми в международной практике статистическими данными в области сельского хозяйства — третье возможное декларируемое использование данных переписи. Страновое сравнение, если таковое возможно, в силу разного охвата совокупности (в России, в отличие от многих развитых стран, нет ценза на размер хозяйства, включаемого в перепись, кроме разве подсобных хозяйств несельскохозяйственных предприятий) возможно опять по площадям, поголовью, но не по стоимости, не по эффективности ведения, т. е. опять ограничено.

Формулировка целей российской переписи близка к формулировкам ВСП-2020 ФАО. В последних также сделан акцент на техническую полезность получаемой во время переписи информации для статистиков: «получение данных для использования в качестве базисных величин, для сопоставления с текущей сельскохозяйственной статистикой; для формирования выборок и др.» (Программа ВСП-2020 ФАО, 2016: 16).

Однако ФАО разделяет статистические потребности, удовлетворяемые переписью, и потребности пользователей информации. В ВСП-2020 целая глава отводится важности переписи для пользователей данных и приводится подробный перечень сфер агрополитики, где данные переписи могут применяться.

Росстат же на своем информационном популяризирующем переписи сайте отвечает на вопрос «Почему нужна перепись?» таким образом (приводим полную цитату):

Сельскохозяйственная перепись во всем мире уже стала неотъемлемой частью экономической статистики. В большинстве стран мира она представляет собой единовременную государственную акцию, охватывающую всю территорию государства и проводящуюся по единой методологии. Сельхозпереписи проходят во всех странах с развитым аграрным сектором экономики при поддержке правительственных структур.

Продовольственная и сельскохозяйственная организация ООН (ФАО ООН) раз в десять лет объявляет очередной раунд сельскохозяйственных переписей; в соответствии с ее рекомендациями в развитых аграрных странах сельхозпереписи проводятся не реже одного раза в 5–10 лет. В настоящее время в Австралии и Новой Зеландии перепись проходит каждый год, в Германии и Голландии — раз в четыре года, в США и Канаде — каждые пять лет³.

Иными словами, у всех есть и у нас должна быть.

Отметим, что из вышеприведенного отрывка следует, что в развитых странах перепись имеет значительно меньшую периодичность, чем в РФ, хотя выбранный Россией период и укладывается в рекомендации ФАО. Это обосновано тем, что перепись только структурных ресурсных данных (посевы, поголовье) малоинформативна при развитой системе статистики, а стоимостные показатели при 10-летней периодичности, как это принято сейчас в России, быстро устаревают. ФАО разрабатывает рекомендации для всех стран. Понятно, что в государстве со слаборазвитой системой текущей статистики проведение раз в 10 лет масштабной переписи аграрных хозяйств, их посевов и поголовья дает значительное прояснение ситуации. Полученные структурные данные можно экстраполировать до следующей переписи в отсутствие других обследований. В то же время в стране с налаженной ежегодной системой сбора таких данных (а к таким странам принадлежит и Россия) информационная ценность переписи будет объективно ниже, если она сосредоточится в основном на них.

В отличие от России, хорошо понимают необходимость нацеленности переписи на конечного потребителя информации в такой развитой стране, как США. Они первые в мире провели сельскохозяйственную перепись еще в 1840 году, и с тех пор организовали уже 28 сельскохозяйственных переписей (последняя — в 2017 году). Цели переписи там определены через возможность использования данных разными группами бенефициаров (федеральные, региональные и местные органы власти, агробизнес, торговые ассоциации, фермеры и рэнчеры, компании и кооперативы, ответственные за сельское развитие, законодатели — при формировании политики и программ для фермерских хозяйств)⁴.

3. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 2016. Вопросы и ответы. Почему нужна перепись? (2016). <http://www.vshp2016.ru/questions>.

4. About the 2017 Census of Agriculture (2017). <https://www.agcensus.usda.gov/Help/FAQs/2017>.

Отбор показателей и тем в переписи США тесно связан с формированием аграрной политики и одной из форм ее выражения — субсидиями, отслеживанием состояния разных групп избирателей (фермеры — важная часть электората). Именно исходя из информационных запросов пользователей акцент сделан не на ресурсных структурных показателях (хотя они тоже включены), но на стоимостных: «стоимости и количестве затраченных ресурсов, количестве проданной продукции и выручке от нее» (A Review of the Census of Agriculture, 2007: 32-33).

Собранные данные представляются не только в разрезе штатов, районов, но и по избирательным округам. Потенциальные сенаторы, депутаты могут видеть весь спектр фермеров США и их характеристики в своем округе, в т. ч. сколько ферм управляются афроамериканцами, испаноязычными, белыми, женщинами, каков их доход от фермерской деятельности, закредитованность, какие культуры, виды скота выращиваются и какой от них доход и т. д. Имеется состав сельхозпроизводителей, представлены расходы и доходы по видам, что представляет интерес для поставщиков, соответственно, можно понять, какие программы поддержки можно и нужно лоббировать.

Перепись США гибкая. Если субсидии предоставляются на различные природоохранные меры, например, программы консервации земель, то соответствующие показатели включаются в перепись. Если возникает новый важный тренд, например, органическое сельское хозяйство, то в перепись включаются показатели, его характеризующие. Перепись США представляет важнейшую основу для обоснования выделения средств на поддержку территорий, поэтому тщательно отслеживаются все позиции, которые помогут лоббисту в этом процессе, отсюда внимание к меньшинствам, начинающим фермерам, малому бизнесу и т. д. В перечень продуктов, выпускаемых NASS USDA по итогам переписи, входит составление кратких резюме по этим и другим темам на уровне страны, а также различных рангов на уровне каждого штата, района и избирательного округа.

Специальный комитет по ревизии методологии переписи США (A Review of the Census of Agriculture, 2007: 32-33) рассматривает, какие данные включать в перепись, стоит ли расширять или сужать ранее включенные темы, исходя из того, кому именно они необходимы, как они могут быть использованы; почему их надо собирать именно во время переписи, а не в рамках иного статистического обследования (с точки зрения соотношения затраты—результат и обременения респондентов повторными опросами и отчетностью при других обследованиях)⁵. Комитет отмечает высокую востребо-

5. Например, только NASS USDA ежегодно проводит более 450 различных исследований в сфере сельского хозяйства в год (USDA Budget Summary 2018, 2018: 80).

ванность таких уже включенных аспектов, как субсидии, трудозатраты, методы ведения хозяйства, они и дальше будут присутствовать в переписи США.

Еще одним моментом, определяющим высокую информативную ценность переписи США, является способ представления данных в открытом доступе. В настоящее время подавляющее большинство группировочных таблиц «Основных итогов ВСХП РФ» (а именно они доступны широкому кругу пользователей) ограничиваются размером признака и численностью объектов, его имеющих, по группам по России в целом и в региональном разрезе. Никаких иных характеристик групп в этих таблицах нет. Так, если в публикациях ВСХП дана группировка по размерам земли или поголовью КРС, то из них видно только распределение по группам земли или скота. Аналитическая ценность такой группировки невысока.

В отличие от России, в переписи США таких группировок не много. Опубликованные⁶ группировки содержат практически все ключевые характеристики групп по показателям, включенным в перепись на уровне страны, штата, района. Особенно ценными являются обобщающие группировки. Так, если дана группировка по рыночной стоимости проданной сельскохозяйственной продукции, то из нее можно узнать не только размер выручки и число хозяйств в группе, но и землепользования, спектра производимой продукции, затрат, субсидий, трудовых ресурсов, технической оснащенности и т. д. Таблицы на уровне штата представлены в разрезе районов и в сопоставлении с данными по стране. Наличие таких группировок во многом удовлетворяет аналитические потребности пользователей.

Сервис сайта, посвященного Census of Agriculture, позволяет получить данные любой прошедшей переписи, начиная с 1840 года. Можно получить краткие резюме данных переписи по:

- избирательным округам (congressional districts);
- штатам и районам;
- полу, расе, этнической принадлежности операторов ферм;
- отдельным темам⁷.

Каждое учтенное в Census of Agriculture хозяйство имеет идентификацию по избирательному округу, и USDA формирует на этой основе два выходных продукта: профили округов и их рейтинги по отдельным показателям. В рейтинги включены ключевые характеристики, среди них:

- характеристики операторов ферм (управляющих);
- характеристики хозяйства;
- выручка определенных с/х продуктов;

6. Размещены в электронном виде на сайте <https://www.agcensus.usda.gov/Publications>.

7. <https://www.agcensus.usda.gov/Publications>.

- поголовье по отдельным видам скота и птицы;
- убранные площади по отдельным культурам.

По каждому району и штату США в гендерном и этническом разрезе представлены в открытом доступе профили, отражающие характеристики хозяйств, где основные управляющие — женщины, где основные операторы — представители расовых или этнических групп (латиноамериканцы, афроамериканцы, азиаты, индейцы и т. д.). В профилях основные характеристики этих хозяйств сравниваются с характеристиками всех ферм района, штата.

USDA NASS публикует и отдельные резюме по темам на основе переписи, они также размещаются в открытом доступе. Для Census of Agriculture 2012 года таких резюме было 34, они касались малого агробизнеса, ферм различной специализации, начинающих фермеров, прямых продаж, ферм, управляемых женщинами, испаноязычными, и др.

USDA NASS также предоставляет возможность формировать пользовательские таблицы по данным переписи через сервис Quick Stats 2.0 — online database. Можно также заказать через сайт ведомства формирование таблицы по пользовательскому запросу, если ее невозможно получить через доступные сервисы. Несложные запросы бесплатны, большие или сложные запросы оплачиваются из расчета количества дней специалистов, затраченных на их подготовку. Оценка сложности запроса и примерной стоимости производится специалистом (Data Lab Manager) USDA NASS.

Продуманность и ориентированность на конечного потребителя характеризует всю организацию переписи США. Цикл переписи США пятилетний, а не десятилетний, что обеспечивает актуальность стоимостных показателей при относительно низкой инфляции. Финансирование переписи — постоянная строка расхода бюджета ведомства. Во все годы пятилетнего цикла USDA NASS получает финансирование: когда заканчивается последний этап предыдущей переписи, на следующий год выделяются суммы на финансирование подготовки к следующей. На проведение Census of Agriculture 2017 года пятилетний бюджет составил 219 млн долларов США (без увеличения суммы в 2018 году) или 241 млн долларов (если сумма 2018 года будет увеличена до размера, запрашиваемого ведомством). Иными словами, на перепись США тратят больше, но сопоставимо с затратами на перепись в России.

Охват переписи США — намного ниже российского из-из введенного ценза: переписи подлежат «любое место, из которого в течение года переписи было произведено и продано или, как правило, было бы продано на \$1000 или более сельскохозяйственных продуктов»⁸.

8. About the 2017 Census of Agriculture (2017). <https://www.agcensus.usda.gov/Help/FAQs/2017>.

Согласно этому определению, в США было учтено в переписи за 2012 г. 2,1 млн ферм. Иными словами, объектов, подлежащих переписи, в США по сравнению с Россией, где одних ЛПХ и других индивидуальных хозяйств граждан было переписано 23,5 млн ед., более чем в 10 раз меньше, что также позволяет проводить более качественный учет.

Информационная ценность и соотношение «затраты–результат» переписи определяются не только набором и структурой показателей, но и выбранными объектами переписи. Согласно рекомендациям ФАО, переписи подлежат *действующие* аграрные хозяйства, «экономические единицы, занимающиеся сельскохозяйственным производством под единым управлением, в состав которых входит весь выращиваемый скот и все земли, используемые полностью или частично для целей сельскохозяйственного производства, независимо от правового титула, юридической формы или размера» (Программа ВСП-2020 ФАО, 2016: 52). Объектами ВСХП определены в соответствии с Федеральным законом от 21 июля 2005 г. № 108-ФЗ «О Всероссийской сельскохозяйственной переписи» «юридические и физические лица, которые являются собственниками, пользователями, владельцами или арендаторами земельных участков, предназначенных или используемых для производства сельскохозяйственной продукции, либо имеют сельскохозяйственных животных».

Иными словами, определение ВСХП не только шире используемого в США, но и в ФАО, а также и российского определения сельхозпроизводителя по закону «О развитии сельского хозяйства»⁹, согласно которому сельхозпроизводителями признаются «организация, индивидуальный предприниматель, осуществляющие производство сельскохозяйственной продукции, ее первичную и последующую (промышленную) переработку... в соответствии с перечнем, утверждаемым Правительством РФ, и реализацию этой продукции при условии, что в доходе сельскохозяйственных товаропроизводителей от реализации товаров (работ, услуг) доля дохода от реализации этой продукции составляет не менее чем 70% за календарный год.

Сельскохозяйственными товаропроизводителями признаются также:

- граждане, ведущие ЛПХ, в соответствии с Федеральным законом от 7 июля 2003 года № 112-ФЗ «О личном подсобном хозяйстве»;
- сельскохозяйственные потребительские кооперативы (перерабатывающие, сбытовые (торговые), обслуживающие (в том числе кредитные), снабженческие, заготовительные), созданные в соответствии с Федеральным законом от 8 декабря 1995 года № 193-ФЗ «О сельскохозяйственной кооперации»;

9. Ст. 3. Федеральный закон от 29.12.2006 № 264-ФЗ (ред. от 28.12.2017) «О развитии сельского хозяйства».

— крестьянские (фермерские) хозяйства в соответствии с Федеральным законом от 11 июня 2003 года № 74-ФЗ «О крестьянском (фермерском) хозяйстве».

За пределами определения и, соответственно, вне аграрной политики остаются «другие индивидуальные хозяйства граждан», входящие в категорию хозяйств населения помимо ЛПХ, а также некоммерческие объединения граждан (НОГ): дачников, садоводов и огородников. Насколько оправданно тогда их включение в перепись?

Меры аграрной политики прежде всего нацелены на действующие коммерческие хозяйства: сельскохозяйственные организации, КФХ и ИП. Отметим, что Минсельхоз РФ имеет базы ежегодной отчетности по этим категориям хозяйств, особенно сельскохозяйственных организаций, с широким спектром показателей, в т. ч. стоимостных.

Аграрная политика в области хозяйств населения противоречива. С одной стороны, за ними признается большой вклад в производство продукции сельского хозяйства, и Росстат регулярно включает их во все соответствующие таблицы, с другой — они повсеместно исключены из списка бенефициаров федеральной и, за редчайшим исключением, региональной господдержки. Причем из всей группы хозяйств населения, согласно «Закону о развитии сельского хозяйства», как уже отмечалось, выделяются как сельскохозяйственные производители только ЛПХ. Соответственно, и группировки по основным видам скота, площадям даются Росстатом в переписи только по ЛПХ (Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 г., 2018: Т. 1; Т. 4: кн. 2). В то же время, например, в Чеченской Республике 99% всех коров хозяйств населения в 2016 года сосредотачивалась не в ЛПХ, а в хозяйствах граждан, имеющих земельные участки для индивидуального жилищного строительства (ИЖС). Также в ряде регионов Калмыкии, Саха-Якутии, Магаданской, Мурманской, Ленинградской областей более 30% поголовья коров хозяйств населения располагались не в ЛПХ, а в индивидуальных хозяйствах граждан.

СНТ, входящие в НОГ, часто указывают в ОКВЭД код, соответствующий виду деятельности, — эксплуатация нежилого фонда, а не сельскохозяйственное производство (Петриков, Овчинцева, 2018). В то же время в объекты сельскохозяйственной переписи они входят, значительно удорожая перепись.

Или за этими хозяйствами необходимо признать статус сельскохозяйственных производителей и включить их как объекты в меры аграрной политики, политики сельского развития, или исключить из ВСХП, что в принципе позволяет ФАО (эта организация допускает возможность ограничения переписи только коммерческими хозяйствами при условии, что страна явно указала это). Возможна и организация отдельной переписи НОГ, или выборочных обследований, если у лиц, принимающих решения, возникнет необхо-

димось в этом. Таким образом, включать в перепись необходимо, если есть понимание, зачем и как эти данные будут использованы в дальнейшем.

ВСХП включала и заброшенные, не действующие хозяйства, если за ними числилась в собственности или пользовании земля. Насколько это оправданно? Опять все зависит от целей переписи. Если одна из целей была инвентаризация земельного ресурсного потенциала сельского хозяйства, сопоставления фактических данных с данными Росреестра, выявление массива заброшенных земель и принятие управленческих решений по этому поводу, то такой охват целесообразен. Но такой цели ВСХП не ставила. Данные Росреестра были одним из источников для формирования списка объектов переписи ВСХП. Однако именно они стали причиной затруднений у региональных ТОГС, поскольку фактические данные часто не соответствовали данным Росреестра, который сам инвентаризацией не занимается и обновляет данные согласно поступающим заявлениям. Отметим, что все сделки по переходу прав на недвижимость, в т. ч. на землю, должны регистрироваться в Росреестре, включая аренду (за исключением аренды до года). Акт регистрации является единственным подтверждением совершения этих сделок¹⁰. Данными Росреестра затем пользуются налоговые органы для начисления налогов. Заявительный характер в деятельности Росреестра означает, что обязанность подавать документы для регистрации прав лежит на самих участниках сделки. Однако только сделки, связанные с переходом прав собственности, по которым имеются сведения в Росреестре, легальны.

Разрыв между данными Росреестра по числу организаций, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции и их общей земельной площади, и данными переписи значителен. По данным Росреестра, на 1 января 2017 года числилось 69,1 тыс. предприятий, организаций, хозяйств, обществ, занимающихся производством сельскохозяйственной продукции и имеющих 415,5 млн га общей земельной площади (на 01.01.2016 соответственно 68,7 тыс. и 416,4 млн га). В ВСХП-2016 — попало только 36,1 тыс. ед. с общей площадью 291,6 млн га.

Таким образом, одним из результатов переписи можно считать выявление масштаба проблемы неурегулированного землепользования и всиящих «мертвых душ»: сельхозпроизводителей, которые фактически прекратили свою деятельность, но числятся в списках Росреестра. Ясно, что и собираемость земельного налога по этим объектам невысока. В результате сопоставления результатов переписи и данных Росреестра можно получить перечень проблем

10. Какие договоры подлежат государственной регистрации и как она осуществляется? (2018). <http://pravozhil.com/oformlenie/dogovor/gosudarstvennaya-registratsii-dogovorov.html>.

ных объектов и земельных участков, присутствующих в Росреестре, но отсутствующих в ВСХП. Соответственно, задача состоит в инвентаризации этих земель с последующей передачей их в госсобственность, если они заброшены, или с понуждением новых незарегистрированных владельцев зарегистрировать их в установленном порядке под угрозой штрафов. Принимая во внимание масштабы проблемы, возможно, необходимо создать специальную государственную программу или национальный проект с координирующим органом, наделенным необходимыми полномочиями и финансированием. Это, безусловно, затратное, но необходимое мероприятие, дело идет о миллионах гектаров земель, находящихся, по существу, вне правового поля.

Однако пока государство предпочитает не заниматься инвентаризацией, а увеличить налоги на законопослушных через завышенную кадастровую оценку земли и объектов недвижимости. Так, в результате вынесенных в судебном порядке решений по искам, поступившим в суды по оспариванию величины кадастровой стоимости, только в период с 01.01.2017 по 31.12.2017 наблюдается падение суммарной величины кадастровой стоимости в отношении объектов недвижимости, по которым были приняты решения, по состоянию на 31.01.2018 приблизительно на 53,3%. Суммарная величина кадастровой стоимости до оспаривания составляла около 1672 млрд руб.; после оспаривания — около 781 млрд руб.)¹¹. Сумы, безусловно, могли бы быть больше, т.к. мелкие собственники в основном не обращаются в суды из-за высоких транзакционных издержек.

Тогда стоило ли расширять охват переписи, если никаких управленческих решений за этим не последовало?

Еще одним аспектом, определяющим ценность переписи, является организация доступа и форма представления данных. Качественная аналитика на данных ВСХП и выполнение исследовательских тем, как правило, требует доступ к первичным данным, дающим гораздо большие возможности для анализа, чем своды. Однако это вызывает проблему защиты персональных данных. ФАО дает целый спектр возможностей для предоставления доступа к микроданным с защитой от идентификации респондента — файлы открытого пользования: обезличенная выборка из записей переписи; обезличенные лицензированные файлы с меньшим количеством процедур контроля; удаленный доступ; анклавов данных; условный наемный работник (прием на работу в статистическую организа-

11. Информация о судебных спорах в отношении результатов определения кадастровой стоимости объектов недвижимости за 2017 г. (2018). <https://rosreestr.ru/site/activity/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-obektov-/informatsiya-o-sudebnykh-sporakh-v-otnoshenii-rezultatov-opredeleniya-kadastrovoy-stoimosti-2017>.

цию в качестве временных сотрудников, с распространением тех же положений относительно конфиденциальности, что и на штатных сотрудников). Если вышеперечисленные способы невозможны по какой-либо причине, то применяется выполнение заказных таблиц по макетам аналитиков (Программа ВСП-2020 ФАО, 2016: 150). Необходимо выработать процедуры доступа и в России.

Таким образом, есть ряд направлений, по которым можно усилить практическую значимость ВСХП, учитывая как опыт США, так и потребности российских пользователей данных. Действительно ли нам необходимо включать в перепись заброшенные земли, если никаких управленческих решений за этим не следует? Надо ли нам переписывать НОГ в рамках ВСХП, если государство не рассматривает их как бенефициара и объект аграрной политики? Сколько тематических работ было заказано бизнесом, политиками, чиновниками на основе данных ВСХП? Считаем, что такие темы и работы надо планировать заранее. Частично этот вопрос был нами освещен в одной из статей (Гатаулина, 2018: 77-82), но в силу его важности кратко приведем его и здесь.

Необходимо выделить потенциальных пользователей информации (Минсельхоз РФ, союзы производителей сельскохозяйственной продукции, АККОР, объединения кооперативов, Россельхозбанк, других крупных структур, обслуживающих АПК, аграрный комитет Госдумы, организации сельского развития и др.) и опросить их, чтобы выяснить, во включении каких данных в перепись они заинтересованы, и главное, какие материалы, отчеты хотели бы получить по ее результатам. Один из способов — это включение в методологическую рабочую группу по подготовке и проведению переписи представителей пользователей для формирования перечня тем (с подробным обоснованием), в которых они заинтересованы по результатам ВСХП, а также для их участия в формировании показателей для включения в переписные листы, доведя до их сведения, что именно на включенных в перепись данных можно будет потом разрабатывать интересующие их темы. Территориальные органы статистики (ТОГС) должны проделать такую же работу по сбору тем на региональном уровне.

После определения и согласования перечня тем, возникает вопрос, кто их будет осуществлять и за чей счет? Ряд кратких справок-тематических отчетов (как это делается в США) могут делать органы статистики. Понятно, что сами органы управления, бизнес нуждаются не в первичной информации, а в уже обработанной аналитиками, исследователями. Именно последние обладают достаточной квалификацией для профессиональной обработки данных. Некоторые бизнес-структуры, органы управления включают в штат собственных аналитиков, кроме того, имеются профильные НИИ, лаборатории в составе вузов, финансируемые из бюджета, есть органы Росстата, ТОГСы, аналитические частные компании. Наиболее сложные в исполнении темы целесообразно распреде-

лить среди НИР профильных институтов в рамках и за счет госзадания, что требует согласования с ФАНО. Оставшиеся сложные темы можно выставлять на конкурс. Для финансирования необходимо при распределении ресурсного обеспечения ВСХП предусмотреть целевые расходы на оплату выполнения заявленных бизнес-сообществом, органами власти тем по результатам переписи, выставляемым на конкурс. Часть финансирования ВСХП должна идти Росстату, ТОГСам на оплату дополнительной нагрузки — выполнение выборок, группировок по макетам пользователей (предполагается, что аналитическую работу пользователи способны выполнить сами).

Библиография

- Гатаулина Е.А.* (2017). К вопросу о совершенствовании методики Всероссийской сельскохозяйственной переписи // *Международный сельскохозяйственный журнал*. № 6. С. 39-41.
- Гатаулина Е.А.* (2018). Повышение эффективности использования данных Всероссийской сельскохозяйственной переписи // *Вопросы статистики*. № 25(6).
- Клименко А.В., Сивашева Н.М., Берездивина Е.В.* и др. Исследование проблем эффективности использования бюджетных средств (2003). Ч. 1. Отчет о научно-исследовательской работе. Государственный университет Высшей школы экономики. Итоги Всероссийской сельскохозяйственной переписи 2016 года (2018). Том 1; Том 4. Кн. 1. М.: ИИЦ «Статистика России».
- Костров А.В., Кисляков Е.Ю., Васильев Д.А.* (2004). Функционально-программный метод бюджетирования государственных органов как синтез современных технологий финансового менеджмента в государственном секторе / Реформа государственного управления в России: взгляд изнутри. М.: ООО «Гендальф», 2004.
- Петриков А.В., Овчинцева Л.А.* (2018). Садоводческие, огороднические и дачные некоммерческие объединения граждан в аграрной структуре // *Аграрная Россия*. — В печати
- Петриков А.В., Узун В.Я., Жуков В.А., Гатаулина Е.А.* (2004). Обоснование и разработка системы критериев и показателей эффективности использования бюджетных средств в АПК и разработка предложений по оптимизации бюджетного финансирования АПК с учетом вступления России в ВТО в части обоснования и разработки системы критериев и показателей эффективности использования бюджетных средств в АПК. Отчет о научно-исследовательской работе. М.: Счетная палата Российской Федерации Государственный научно-исследовательский институт системного анализа.
- Программа Всемирной сельскохозяйственной переписи 2020 г. (2016). Том I. Рим: Продовольственная и сельскохозяйственная Организация Объединенных Наций.
- Lee Jr., Robert D.* Public Budgeting Systems (2011) / Robert D. Lee Jr., Ronald Wayne Johnson, Philip G. Joyce. 8-edition p. 13. Цит. по: *Малиновская О.В., Скобелева И.П.* (2011). Бюджетирование, ориентированное на результат: мировой и российский контекст // *Финансы и кредит*. № 33 (465). С. 2-11.
- The Council on Food, Agricultural and Resource Economics (C-FARE). (2007). Improving Information About America's Farms & Ranches: A Review of the Census of Agriculture. Washington, DC
- USDA Budget Summary 2018. (2018).

Ekaterina Gataulina, PhD (Economics), Senior Researcher, All-Russian Institute for Agrarian Issues and Informatics named after A.A. Nikonov — branch of the Federal Research Center of Agrarian Economy and Social Development of Rural Areas — All-Russian Research Institute of Agricultural Economics. 105064, Moscow, Bolshoi Kharitonievski Per., 21–1. E-mail: Egataulina@mail.ru

Under the limited budget resources, there is an urgent task of their effective allocation. Collection and generalization of statistical data is the most important state task for providing a reliable consistent analytical basis for managerial decisions at all levels — from national economy to the enterprise. Censuses are a very expensive statistical method, which explains high demands on conducting them. In particular, they should include such objects, themes and indicators and consider them in such a structure and form that satisfy the information requests of all groups of census data consumers, which, in turn, requires that the groups of beneficiaries are identified and their requests are clear. The article focuses on the ways to increase the practical value of the All-Russian Agricultural Census by comparing its program with the recommendations of the World Agricultural Census of the FAO Round 2020 and the US Agricultural Census. The author argues that the beneficiaries and requests to the All-Russian Agricultural Census were not studied, that is why the Census program, albeit compliant with the FAO recommendations, is similar to the programs of countries with poorly developed statistical systems. The All-Russian Agricultural Census focuses on the structural data (livestock, territories, etc.) every ten years, while agricultural censuses in the developed countries are more frequent, focus on the most requested pricing information, their objects have a cut-off threshold and the tables include a wide range of features of the objects under study. The huge scale of the All-Russian Agricultural Census increases its costs, leads to contradictions with the Rosreestr, and although identifies the severe problem of the unregulated land use does not help to solve it. The author suggests to apply the project approach to the Census to change its emphasis from collecting data to the use of its results.

Key words: All-Russian Agricultural Census, agricultural policy, census objects, management of agro-industrial complex, improvement of statistical data, project approach

References

- Gataulina E.A. (2017) K voprosu o sovershenstvovanii metodiki Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi [On the improvement of the All-Russian Agricultural Census methodology]. *Mezhdunarodny Selskokhozyaystvenny Zhurnal*, no 6, pp. 39-41.
- Gataulina E.A. (2018) Povyshenie effektivnosti ispolzovaniya dannykh Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi [On the increase of efficiency of the All-Russian Agricultural Census data use]. *Voprosy Statistiki*, vol. 25, no 6.
- Klimenko A.V., Sivasheva N.M., Berezhdivina E.V. et al. (2003) *Issledovanie problem effektivnosti ispolzovaniya byudzhetykh sredstv* [A Study of the Efficiency of the Budget Funds Use]. Ch. 1. Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote. Vysshaya shkola ekonomiki.
- Itogi Vserossiyskoy sel'skokhozyaystvennoy perepisi 2016 goda (2018)* [Results of the All-Russian Agricultural Census], vol. 1; vol. 4, book 1. Moscow: IIC "Statistika Rossii".
- Kostrov A.V., Kislyakov E.Yu., Vasiliev D.A. (2004) Funktsionalno-programmny metod byudzhetrovaniya gosudarstvennykh organov kak sintez sovremennykh tekhnologiy finansovogo menedzhmenta v gosudarstvennom sektore [Functional-program

method of budgeting the state bodies as a synthesis of the financial management contemporary technologies in the public sector]. *Reforma gosudarstvennogo upravleniya v Rossii: vzglyad iznutri*, Moscow: OOO "Gendalf".

- Petrikov A.V., Ovchintseva L.A. (2018) Sadovodcheskie, ogorodnicheskie i dachnye nekommercheskie obiedineniya grazhdan v agrarnoy structure [Horticultural, gardening and dacha non-profit associations of citizens in the agrarian structure]. *Agrarnaya Rossiya* (in print).
- Petrikov A.V., Uzun V.Ya., Zhukov V.A., Gataulina E.A. (2004) *Obosnovanie i razrabotka sistemy kriteriev i pokazateley effektivnosti ispolzovaniya byudzhethnykh sredstv v APK i razrabotka predlozheniy po optimizatsii byudzhethnogo finansirovaniya APK s uchetom vstupleniya Rossii v VTO v chasti obosnovaniya i razrabotki sistemy kriteriev i pokazateley effektivnosti ispolzovaniya byudzhethnykh sredstv v APK* [Development of the System of Criteria and Indicators of the Efficient Use of Budget Funds in the Agro-Industrial Complex and Suggestions for the Optimization of Budget Financing in the Agro-Industrial Complex Under Russia's Accession to the WTO in Terms of Developing a System of Criteria and Indicators of the Efficient Use of Budget Funds in the Agro-Industrial Complex]. *Otchet o nauchno-issledovatel'skoy rabote*. Moscow: Schetnaya palata Rossiyskoy Federatsii; Gosudarstvenny nauchno-issledovatel'skiy institut sistemnogo analiza.
- Programma Vsemirnoy selskokhozyaystvennoy perepisi 2020 g.* (2016) [World Agriculture Census 2020 Program]. Vol. I. Rome: Prodovolstvennaya i selskokhozyaystvennaya Organizatsiya Obiedinennykh Natsiy.
- Lee Jr.R.D., Johnson R.W., Joyce P.G. *Public Budgeting Systems*. Cit. by: Malinovskaya O.V., Skobeleva I.P. (2011). Byudzhetrovanie, oriyentirovannoe na rezultat: mirovoy i rossiyskiy kontekst [Result-oriented budgeting: Global and Russian contexts]. *Finansy i Kredit*, no 33, pp. 2-11.
- Council on Food, Agricultural and Resource Economics (C-FARE) (2007) *Improving Information About America's Farms & Ranches: A Review of the Census of Agriculture*. Washington.
- USDA Budget Summary* (2018).

Е.А. Гатаулина
Вопросы совершенствования Всероссийской сельскохозяйственной переписи

Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики

Рецензия на книги: *Эльстер Ю.* Кислый виноград. Исследование провалов рациональности / Пер. с англ. И. Кушнारेвой; науч. ред. А. Морозов. М.: Изд-во Института Гайдара, 2018. 296 с.; *Бегельсдейк Ш., Маселанд Р.* Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области применения в современности / Пер. с англ. Н.В. Автономовой; науч. ред. В.С. Автономова. М.; СПб.: Изд-во Института Гайдара; Изд-во «Международные отношения»; Факультет свободных искусств и наук СПбГУ, 2016. — 464 с.

И.В. Троцук

Ирина Владимировна Троцук, доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского университета дружбы народов; ведущий научный сотрудник Центра аграрных исследований Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. 119571, Москва, проспект Вернадского, 82. E-mail: trocuk@ranepa.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-168-189

Значение человеческих жизней, опыта и реализации невозможно заменить информацией о существующих институтах и действующих правилах. Институты и правила весьма важны, поскольку влияют на происходящее, они неотъемлемая часть реального мира, однако действительность как таковая выходит далеко за пределы организационной картины и включает жизнь, которой людям удается — или не удается — жить¹.

Понятие «неформальная» экономика давно стало устойчивым обозначением самых разных аспектов повседневных социально-экономических практик, и его оценочная тональность варьирует от уважительного признания способности домохозяйств выживать в сложнейших ситуациях, налаживая хозяйственную деятельность семейного круга и местных сообществ, до критической оценки

1. *Сен А.* (2016). Идея справедливости / Пер. с англ. Д. Кралечкина; науч. ред. В. Софронов, А. Смирнов. М.: Изд-во Института Гайдара; Фонд «Либеральная Миссия». С. 56.

умения обходить институциональные правила «теневым» образом. Библиографический список по данной проблематике будет весьма внушительным, однако в нем с высокой вероятностью будут преобладать два типа работ: систематизации подходов к концептуализации и эмпирическим оценкам неформальных практик и конкретные «кейсы» (зарисовки разных траекторий становления и развития неформальной экономики), а также сочетания этих двух типов. Причем, как правило, фундаментальные и прикладные исследования неформальной экономики не содержат больших разделов по теоретико-методологическим основаниям ее анализа и/или ее категориальному аппарату, поскольку таковые считаются общеизвестными и даже само собой разумеющимися (вряд ли имеет смысл проводить интерпретационную работу в отношении понятий неформальности, локальности, сообществ, семейных домохозяйств, «орудий слабых» и т. д.).

Однако два понятия, которые широко используются в исследованиях неформальной экономики, требуют если не теоретической проработки, то, по крайней мере, концептуальной систематизации — это иррациональность (часто неформальные практики рассматриваются как формирующиеся вне или вопреки рациональному экономическому расчету) и культура (социокультурные аспекты экономической деятельности). Безусловно, второй контекст более очевиден, поэтому поясним первый высказыванием А. Сена: «Ряд экономистов... обратили внимание на систематическое отклонение от рациональности в реальных решениях, принимаемых людьми. Один из соответствующих аргументов, развиваемых в концепции, предложенной Г. Саймоном, носит название “ограниченной рациональности”. Он связан с тем, что люди не во всех случаях делают совершенно рациональный выбор, что обусловлено их неспособностью в должной мере сосредоточиться, а также правильно или с достаточным вниманием искать и использовать информацию, которая потребовалась бы для полного выполнения требований рациональности. Различные эмпирические исследования позволили получить данные, подтверждающие, что реальное поведение людей может отклоняться от полной максимизации их целей и выгод... Когда мы рассматриваем рациональность реального поведения, дело еще и в некоторых важных вопросах интерпретации, так что скоропалительное признание того или иного поведения иррациональным может оказаться поспешным. Например, бывает так, что представляющееся другим совершенно иррациональным или даже попросту глупым, на самом деле не является таким уж бессмысленным»².

В последние годы на русский язык были переведены работы, написанные достаточно давно и далеко не по теме неформальной экономики, но они имеют общеметодологический характер и могут стать хорошей концептуальной опорой для исследователей нефор-

2. Сен А. (2016). Идея справедливости. С. 240-241, 243.

мальных практик. Первая из них — книга Ю. Эльстера «Кислый виноград. Исследование провалов рациональности», которую, согласно аннотации, автор «начинает с анализа обозначений рациональности, чтобы затем взяться за понятия иррационального поведения, желаний и убеждений при помощи крайне изощренных аргументов, подрывающих ортодоксальные теории рационального выбора» (с. 4). В Предисловии Р. Холтон уточняет, что книга посвящена тем случаям, когда, вопреки привычной картине, где вы якобы действуете рационально, чтобы удовлетворить свои желания, действия и желания мешают друг другу, размывая эту картину. Такие ситуации возможны в двух случаях: либо к желаемой цели нельзя стремиться без того, чтобы не обречь себя на провал (скажем, невозможно быть спонтанным, если прилагать к этому усилия) — это концептуальная проблема; либо это аналогии попытки страдающего бессонницей заснуть — это каузальная проблема; все остальные ситуации находятся между этими условными «полюсами».

В заглавие книги вынесена проблема лисы, которая умирает от голода, но не может дотянуться до винограда, висящего слишком высоко, и тогда у нее есть выбор: лиса может перестать хотеть виноград или может сформировать желание его не есть (адаптивное предпочтение — желание, адаптировавшееся к тому, что доступно), но выбирает третий путь — объявляет виноград кислым (хотя он не таков). Согласно Эльстеру, лиса испытывает воздействие слепого каузального механизма, или влечения, которое подспудно соотнобразует ее желания с миром, т. е. в данном случае рациональность не действует, и утилитаристская теория (утверждающая правильность удовлетворения желаний агентов) терпит двойной крах: если у агентов бесконечно адаптивные предпочтения, то их будут удовлетворять любые действия, но удовлетворять их нет смысла (для голодной лисы явно предпочтительнее получить виноград). В кратком предисловии Эльстер подчеркивает, что книга посвящена действию как результату выбора (элемент свободы) в рамках заданных ограничений (элемент необходимости), но в нестандартных случаях это определение действия не работает. Прежде его интересовало, почему люди порой выбирают собственные ограничения, теперь же он хочет показать, что наши предпочтения, лежащие в основе выбора, могут быть сформированы ограничениями, поэтому нам необходимы понятия рациональности, иррациональности и оптимальности.

Книга состоит из четырех частей, предисловий и библиографии — автор оставил читателя без введения и заключения, введя их элементы в каждый раздел. Первая часть посвящена рациональности — понятию «чересчур богатому» на коннотации, которые варьируют от «формальных понятий эффективности и непротиворечивости до содержательных понятий автономии и самоопределения» (с. 12). Автор понимает рациональность как непротиворечи-

вость в рамках слабой теории рациональности — она не объясняет, а оговаривает логическую непротиворечивость убеждений и желаний, образующих причины действия. Эти причины определяют действие, если человек убежден, что оно является наилучшим или единственным способом осуществить его желания: «Если агент испытывает навязчивое желание убить другого человека и полагает, что наилучший (или единственный) способ это сделать — воткнуть булавку в куклу, которая представляет последнего, то он будет действовать совершенно рационально, когда ее проткнет, но вы вправе усомниться в рациональности такого убеждения» (с. 15). Действия человека могут быть вызваны не декларируемыми причинами, а чем-то другим (случайное действие) или этими причинами, но «недолжным образом» (убийца промазал, но выстрел испугнул стадо диких кабанов, которые затоптали жертву).

«Убеждения и желания могут быть причинами для действия только в том случае, если они непротиворечивы — в них не должно быть логических, концептуальных или прагматических противоречий» (с. 17). Для применения критерия непротиворечивости к желаниям нужно развести действия как делающие что-то (человек берет яблоко из вазы с фруктами) или вызывающие что-то (я разбил окно, запустив в него пепельницу). Разные критерии непротиворечивости применяются к действиям по предпочтениям (человек выбирает наилучший способ достичь цели) и к действиям по плану: в первом случае критерием непротиворечивости выступает транзитивность, но возможны и сложные случаи, связанные с вероятностью (выбор варианта, как в лотерее) и временем (последовательность вариантов, относительная важность, придание меньшего веса будущей полезности вследствие невоздержанности/нетерпения и т. д.).

Широкая теория рациональности опирается не на непротиворечивость, а на рациональность убеждений (основаны на фактах, тесно связаны с суждениями) и желаний. Такая теория требует, чтобы предпочтения были полными (по каждой паре вариантов агент должен выразить предпочтение), но возможен и иррациональный выбор, если мало что известно об имеющихся возможностях. Эльстер считает «постулирование предпочтений одновременно полных и устойчивых слишком далеким от реального мира» (с. 24) и отрицает непрерывность как часть рациональности: голодный человек, любящий музыку Баха, предпочтет буханку хлеба с прослушиванием записи Баха, а не Бетховена, однако если Бах будет предложен без хлеба, то очевиден выбор второго варианта.

Эльстер считает полезным сравнение рационального человека с экономическим: первый обладает непротиворечивыми предпочтениями и планами, второй — предпочтениями, которые непротиворечивы, полны, непрерывны и эгоистичны. Экономические объяснения объединили биологические аргументы и теорию игр в модели дилемм заключенного, чтобы показать эгоистические основания даже альтруистической мотивации: «Если люди ведут себя

как альтруисты, то либо потому, что они были запрограммированы заботиться о других (биологический редуccionизм), либо потому, что они посчитали, что выгодно симулировать заботу о других» (с. 27) [социолог добавил бы сюда традиционное действие из веберовской типологии, хотя за ним может скрываться вторая мотивация]. «Вероятно, это хорошая научная стратегия: когда берешься за объяснение поведения, сначала предполагай, что оно эгоистично; в противном случае предполагай, что оно хотя бы рационально; если же и это не удастся, то, по крайней мере, предположи, что оно намеренно. Но допущение, что все формы альтруизма, солидарности и самопожертвования [суть неформальной экономики] на деле являются крайне утонченными формами эгоистического интереса, в конечном счете оказывается обосновано банальной уловкой, согласно которой люди заботятся о других людях, потому что не хотят, чтобы чужие страдания причиняли страдание им самим. И даже на эту уловку... можно возразить, что рациональные минимизаторы страданий зачастую могли бы воспользоваться более эффективными средствами, чем помощь другим людям» (с. 27-28).

Действие может быть намеренным и нерациональным, поскольку планы человека могут не иметь смысла: рациональный план должен вести к логическому конечному состоянию и быть осуществимым (например, невозможно реализовать план вести себя спонтанно). Поиск наилучшего плана и поведения зависит от характера среды (пассивная/параметрическая или стратегическая) и степени осведомленности агента (определенность, риск и неопределенность). Стандартная проблема оптимизации — поиск решения в условиях определенности в параметрической среде, хотя и здесь возможно множество решений и отсутствие оптимального. Если среда стратегическая, то мы попадаем в область теории игр, согласно которой в общественной жизни награда каждого зависит от наград всех остальных (влияние зависти, альтруизма и т. д.) и их действий (социальная причинность), и они же определяют действие каждого (стратегические рассуждения). Однако Эльстер не считает теорию игр решением всех проблем экономического планирования: «Индивидуальные предпочтения и планы социальны по происхождению, что не означает, что они обязательно социальны по своему охвату — цели индивида могут не включать в себя благосостояние других» (с. 32). Одни игры стремятся к точке равновесия (набор оптимальных стратегий друг против друга), у других игр таких точек несколько (сбой оптимальности), третьи игры требуют смешанных стратегий. Оптимальность не срабатывает в случае нестабильных множеств возможностей, неопределенности и игр без решения, когда приходится довольствоваться приемлемым планом вместо оптимального.

Эльстер полагает, что широкая трактовка рациональности позволяет говорить даже о самоубийстве, убийстве или геноциде как рациональном поведении, основанном на рациональных убежде-

ниях (столь же рациональны ритуальный танец вызывания дождя и возвращение с полпути, если черная кошка перебежала дорогу). Здесь критерий оценки убеждений и желаний — их сформированность релевантными причинами, а не психологическими порывами или неправильной каузальностью. Убеждение может быть истинным и нерациональным, рациональным и неистинным — главное его отношение не с миром, а с имеющимися фактами, хотя нельзя знать заранее, получение какого объема информации окажется оптимальным. Желания и предпочтения могут вызывать возражения из-за происхождения (неавтономные) или содержания (неэтичные): примеры первого типа — «кислый виноград», конформизм, чистая инерция, контрадаптивные предпочтения («с другой стороны забора трава всегда зеленее»), антиконформизм и одержимость новизной; примеры второго типа — агрессия, садизм и желание иметь статусные блага (что сокращает всеобщее благосостояние). В книге приведены четыре возможных искажения рациональности убеждений и желаний: аффективными влечениями или когнитивными изъянами: неосознанное формирование адаптивных предпочтений (согласование желаний с имеющимися возможностями, чтобы снизить напряжение или фрустрацию); переформулирование предпочтений (относительная привлекательность вариантов меняется из-за другого описания ситуации); принятие желаемого за действительное (вера, что мир именно таков, каким мы хотим его видеть); ошибка в умозаключении (каждый из нас в повседневной жизни — «интуитивный ученый»).

Иной вариант расширения рациональности — переход на коллективный уровень: рационален либо процесс принятия коллективного решения, либо агрегированный исход индивидуальных решений — в обоих случаях рациональность выступает как соотношение предпочтений и социальных исходов. Соответственно, коллективная иррациональность — саморазрушение посредством пошаговых улучшений. Эльстер приводит пример деревни, где под давлением демографического роста для расширения земельных участков каждая крестьянская семья вырубала часть леса, но это вызвало эрозию почв и привело к сокращению земельных участков, чего бы не случилось, если бы лес вырубали не все семьи, — это «интерперсональный аналог интертемпоральной иррациональности» (с. 56).

Коллективная рациональность может быть экономической — посредством индивидуально рациональных действий люди создают неплохой результат для всех (провал этого типа рациональности возможен из-за социальных противоречий, изоляции или недостатка информации); и политической — посредством согласованных действий люди преодолевают противоречия (обычно этот тип рациональности обеспечивает государство). Теория коллективного выбора ищет ответ на вопрос, как прийти к социально оптимальным результатам на основе индивидуальных предпочтений в ситуации обширного набора альтернатив. Здесь Эльстера смущает не-

И.В. Троцук

Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики

возможность наблюдать коллективные предпочтения — их всегда выражают индивиды: некоторые способы агрегирования предпочтений толкают индивидов ко лжи; понимая ответственность за выбор, человек может предпочесть «ставку с меньшей ожидаемой ценностью», если она сократит или устраним неопределенность. В теории общественного выбора коллективная рациональность «призвана мешать индивидам ставить друг другу подножки или выбрасывать мусор друг у друга на заднем дворе, но... рациональность индивидов и моральность их предпочтений... не проблематизируются... теория зиждется на посылке о суверенности гражданина, как и экономика благосостояния — на посылке о суверенности потребителя» (с. 65).

Автор реконструирует теорию коллективной рациональности в широком смысле, основываясь на произведениях Х. Арендт, Ю. Хабермаса и других сторонников «вычищения частных эгоистических предпочтений посредством открытых и публичных дебатов», и кладет в ее фундамент два положения: определенные политические аргументы нельзя высказывать публично (например, нельзя требовать льгот для себя — только для всех групп аналогичного статуса); со временем забота об общем благе заставляет менять взгляды (нельзя выразить предпочтения без того, чтобы их не усвоить). Таким образом, публичные рациональные дискуссии способствуют общему благу, но при условии, что в политических дебатах участвуют только те, кто исполняет важные гражданские обязанности (не только голосует на выборах), на дебаты выделяется достаточно времени, их институциональное и конституционное устройство продумано, их итогом является рациональное, а не конформное соглашение.

Эльстер оспаривает утверждение, что иррациональность — это пренебрежение агента рациональными указаниями, поскольку рациональность лишь исключает некоторые альтернативы, но не дает четкие указания для выбора какого-то варианта из оставшихся. Во второй части книги описаны побочные продукты/состояния действий, свидетельствующие о пределах достижения цели методами планирования: «от представления о том, что можно быть хозяином своей душе, веет гордыней (моральное заблуждение), равно как и представление о том, что все следствия действия могут быть объяснены им же (интеллектуальное заблуждение), попахивает интеллектуальной ошибкой» (с. 9). В качестве примера приведена запись из дневника Стендаля, которого преследовала навязчивая мысль стать естественным, однако он либо перебирал, либо недотягивал, поэтому в итоге обратился к литературе (осуществил желание через своих героев). Другие примеры невозможности «вызвать тьму фонариком»: советские диссиденты желали преследований как формы признания, и государство оказывалось в ловушке (непреследование означало признание их правоты, преследование привлекало внимание к их взглядам); римляне верили в божественность императора, как дети в Санта-Клауса, а христиане всерьез ее воспри-

нимали, чтобы отрицать. «Учение или идея могут выжить, только если существуют у кого-то в голове, пускай даже будучи отрицаемыми. Они полностью мертвы лишь тогда, когда никто не удосуживается их оспаривать... Ярый антикоммунист или воинствующий атеист потеряют смысл жизни, если их усилия увенчаются победой» (с. 90-91).

Эльстер признает, что иногда можно целенаправленно добиться побочного состояния, но лишь по счастливой случайности или путем нестандартной каузальной цепочки (например, парадоксальная цель буддийского воспитания характера — отсутствие воли по своей воле). Так, в отсталых странах попытки перескочить через стадии экономического развития обычно ведут к катастрофе, хотя можно использовать и «преимущество отсталости» — страна, пропустившая некоторые стадии развития, может усвоить результаты, уже полученные другими. Впрочем, даже если побочный продукт предсказуем, желателен и предвосхищаем, он остается побочным продуктом действия с иной целью. Это правило не работает в юриспруденции (агент несет ответственность за намеренные и предвосхищаемые желательные эффекты), но крайне важно в повседневной жизни (хочу, чтобы мной восхищались, — совершаю действие с иной целью, но в итоге мной восхищаются). Нельзя забывать и о проблеме издержек: «не все, что возможно технически, экономически рационально... если я планирую развить смелость при помощи хитроумной схемы самосовершенствования, я могу частично растерять беззаботную спонтанность, которую тоже ценю» (с. 101). Существует и «проблема гамака»: при приближении сна тело настолько расслабляется, что не может поддерживать усыпавшее его движение, — человек просыпается и вынужден все начинать заново. Попытки вызвать по приказу состояния, которые могут родиться только спонтанно (например, чтобы кто-то полюбил вас), иррациональны, но иногда срабатывают: «приказ быть спонтанным, отданный супругой, которая вас пилит, поставит вас в тупик, когда же его отдаст мастер дзена, он, наоборот, может из тупика вывести» (с. 117).

Нельзя вызвать у человека ментальные состояния при помощи приказов, но можно при помощи других форм вербального и невербального поведения, помня, что «ничто не впечатляет так мало, как поведение с целью произвести впечатление» (с. 118): например, подданные в эпоху античности воспринимали своих правителей как богов или полубогов, потому что те вели себя с нарциссическим безразличием к тому, какое впечатление производят на других (как истинные боги). Эльстер считает вульгарной теорию праздного класса Т. Веблена за убеждение, что этот класс испытывает потребность и прилагает усилия, чтобы производить впечатление на тех, кто трудом зарабатывает себе на жизнь, т. е. «социология Веблена полностью упускает из виду... совершенно нарциссическую позицию богачей» (с. 122). Более близка Эльстеру позиция

И.В. Троцук
Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики

П. Бурдьё, что нувориши и мелкая буржуазия, в отличие от богатей и крупной буржуазии, не производят впечатления, потому что слишком стараются, им не хватает «самоуверенного невежества». Впрочем, и теорию Бурдьё автор критикует — за мешанину из феноменологических прозрений и ошибочную теоретическую структуру, в которой культурное поведение классов объясняется сначала как результат стратегий отличия (сочетание интенционального и функционального описаний), а затем как результат адаптации к необходимости (каузальное объяснение) (с. 123), т. е. за навязчивые поиски смысла.

Побочные состояния можно вызвать в других, подделав соответствующее неинструментальное поведение (сымитировав беззаботность, безразличие, щедрость или спонтанность), и на этом основаны якобы искренние приемы соблазнения. Но такая подделка может быть крайне сложной (мелкая буржуазия не может симитировать привычки высших классов, потому что слишком старается), невозможной (перед коллегами в науке или искусстве невозможно симулировать оригинальность или талант; в древности правителям сходилась с рук откровенная дискриминация, потому что подданные не ждали от них справедливости или рациональности, а сегодня демократические правительства создают искусственные сложности для всего населения, чтобы не быть обвиненными в дискриминации отдельной группы) или самоподрывной (демократии менее пригодны для долгосрочного планирования, чем аристократии, но превосходят их, поскольку в первых время фиксируют акторы, а во вторых — наблюдатели; ритуальная деятельность в политике приносит незаслуженное самоуспокоение ее участникам, и следует различать политические действия во имя цели и ради самоуважения).

Эльстер полагает, что распространенные интеллектуальные и моральные заблуждения нашего времени связаны с навязчивыми поисками смысла во всем — он либо находится, либо создается посредством объяснения действий их последствиями. Дотеоретическая форма подобных объяснений — основа нашей повседневности: в политике, семье и на рабочем месте мы все время ищем некий смысл действия, перспективу, в которой оно кому-то выгодно, и «такому образу мышления совершенно чужда идея, что в общественной жизни также могут присутствовать шум и ярость, незапланированные и случайные события, которые не имеют никакого смысла. И даже если сказку рассказывает идиот, всегда существовать — эта установка пронизывает недостаточно рефлексивные формы функционалистской социологии... и поддерживается повсеместным распространением психоаналитических понятий» (с. 175). В истории идей подобная установка имеет два истока: теологическую традицию обоснования, что наш мир — лучший из возможных, каждая его черта — неотъемлемая часть оптимальности; и дарвиновскую модель биологической адаптации (органическая аналогия

в социологии). По сути, речь идет о сомнительных функциональных объяснениях, которые не предлагают механизмы или аргументы, а опираются на допущение, что люди занимаются деятельностью, приносящей награду, чтобы ее получить. Чувство удовлетворения или самореализации не может быть мотивацией действия, это побочный его продукт, но он закрепляет мотивацию заниматься теми видами деятельности, которые дают такие побочные продукты (искусство, наука и т. д.).

Третья часть книги посвящена адаптивным предпочтениям — «кислому винограду». Цель автора — «пролить свет на проблему, возникающую у основания утилитаристской теории: почему удовлетворение индивидуальных желаний должно служить критерием справедливости и общественного выбора, если сами эти желания могут формироваться процессом, предвосхищающим этот выбор? И почему выбор из допустимых вариантов должен учитывать только индивидуальные предпочтения, если люди склонны приспосабливать свои стремления к своим возможностям (не будет никакой потери благосостояния, если лиса будет отлучена от потребления винограда, раз она все равно считает его кислым, но она считает его кислым из-за убежденности, что все равно будет отлучена от его потребления)» (с. 187-188). «Кислый виноград» Эльстер считает способом ослабить когнитивный диссонанс (по Л. Фестингеру) и опирается на концепцию П. Вена, согласно которой в ситуации выбора люди склонны перебарщивать и ударяться в крайности. Так, полная противоположность «кислого винограда» — контрадаптивные предпочтения («запретный плод всегда сладок»): «фрустрация может входить в счастье и в этой мере быть объектом планирования предпочтений, но лишь только она не составляет счастье... благодаря своей неугомонности можно обрести богатство, опыт и даже мудрость, а также способность в конце концов угомониться, но эти выгоды будут по сути своей побочными продуктами, достигнутыми в ходе рационального планирования характера» (с. 191).

Также в третьей части книги рассмотрены: изменение предпочтений через обучение — если я выбираю из набора альтернатив незнакомый вариант и пробую его, то могу передумать (если человек предпочитает сельский образ и не готов переехать в город, это не значит, что он не может передумать); предварительное связывание себя обязательствами — целенаправленное формирование множества допустимых решений таким образом, чтобы исключить из него определенные варианты (угнетенные не изобретают угнетение, но могут стихийно изобрести идеологию, его оправдывающую); манипуляция — кому-то выгодны угнетение и эксплуатация («кислый виноград» делает смирение выгодным и подданным), и правящие классы успешно влияют на умы, действуя не с расчетом, а со страстью; планирование характера — «стратегия освобождения» или свобода принимать неизбежное (стоицизм, буддизм, теории самоконтроля и пр.) посредством высокой оценки доступ-

ных вариантов и формирования потребностей так, чтобы они точно совпадали с возможностями или оптимально отличались от них; зависимость — изменение предпочтений потому, что люди подсаживаются на некоторые блага (возможны, но необязательны периодические угрызения совести или сожаления); изменение предпочтений по ситуации (человек предпочитает жить в городе, а не в деревне, но какую-то разновидность сельской жизни он предпочтет некоторым разновидностям городской); рационализация — работа с когнитивными элементами, которые формируют восприятие, а не оценку ситуации (если я не получаю повышения по службе, то могу решить, что начальники боятся моего таланта или что работа начальника того не стоит). Таким образом, «в краткосрочной перспективе принятие желаемого за действительное и адаптивные предпочтения ведут к одному и тому же результату — уменьшению напряжения и фрустрации, однако в долгосрочной перспективе эти два механизма не эквивалентны и могут работать в противоположных направлениях» (с. 212-213).

Завершает третью часть анализ структуры власти и свободы: власть рассматривается в категориях каузальности, свобода — как варьирующая от возможности делать что-то до жизни свободного человека в свободном обществе. «Степень свободы зависит от количества и важности вещей, которые человек (1) свободен делать и (2) автономно желает делать... Если я живу в обществе, предлагающем мне множество важных возможностей, которые совершенно не пересекаются с тем, что я хочу делать, ошибкой было бы считать, что у меня есть большая степень свободы» (с. 218). Свобода — это производная от числа и важности вещей, которые человек свободен делать, свободен не делать и хочет делать. На агрегированном уровне свобода — это производная от суммы свобод индивидов, распределения свободы среди индивидов и степени, в которой они ценят свою свободу: «Свободным будет такое общество, в котором есть много индивидуальной свободы, которая распределяется равномерно и высоко ценится» (с. 222).

Эльстер возражает против теории утилитаризма, опираясь на два критерия, которым должна отвечать теория справедливости/коллективного выбора: во-первых, она должна быть руководством к действию в сложных ситуациях; во-вторых, не слишком попирает наши интуитивные представления об этике в конкретных случаях. Утилитаризм не соответствует этим требованиям по причине нехватки информации — он не всегда может дать решение или же дает плохие решения. Подобная критика утилитаризма оказывается критикой теории справедливости как конечного состояния: «Мы должны не принимать желания как данность, но изучать их рациональность или автономность... а также возможность их изменения через рациональное и публичное обсуждение. На временной оси это процедура, обращенная вперед, а не назад. Исторический подход необходим для диагностирования того, что не так со структу-

рой действительных желаний, но лекарство может потребовать ее изменения» (с. 238).

Заключительная и самая короткая часть книги призвана «дать микрооснования для марксистской теории идеологии»: Эльстер считает недостаточными структурный (каузальные связи между убеждениями и социальной структурой) и функциональный (убеждения соответствуют классовому интересу) подходы и утверждает необходимость учета психологических механизмов, посредством которых идеологические убеждения формируются и закрепляются. Во-первых, убеждения, сформированные социальным положением, необязательно служат интересам человека в этом положении. Носитель убеждений обобщает некоторые особенности локальной среды (частичное видение), ошибочно полагая, что они выполняются повсеместно: так, эксплуатируемые и угнетенные классы верят в справедливость или необходимость социального порядка, который их угнетает (результат рационализации или иллюзии). Во-вторых, убеждения, сформированные социальным положением, не служат и правящей группе, т. е. класс капиталистов склонен к тем же иллюзиям, что и рабочие. Убеждения часто искажаются аффектами, прежде всего принятием желаемого за действительное, рационализацией, пессимизмом и самообманом. В-третьих, убеждения, сформированные интересами, необязательно им служат: так, своекорыстные теории о необходимости неравенства часто вредят высшим классам, а стихийно изобретенная низшими классами для оправдания своего положения идеология служит интересам высших классов. Некоторые иллюзии полезны, поскольку воздействуют на мотивацию, например, согласно Й. Шумпетеру, капиталистическая система эффективна благодаря нереалистичным ожиданиям успеха, которые стимулируют большую энергию, чем трезвый взгляд на вещи. В-четвертых, убеждения, служащие определенным интересам, необязательно должны ими объясняться, т. е. если убеждение выгодно его носителю, высока вероятность, что оно служит интересам других людей, пример — стихийное изобретение религии, хотя «умный правящий класс должен нанимать независимых идеологов для ведения пропаганды, а не заниматься прозелитизмом самостоятельно» (с. 278).

Иную теоретико-методологическую «оптику» для изучения неформальной экономики предлагает «путеводитель по культуре для экономистов» [уверенно можно назвать его и «путеводителем по экономике для социологов»] — книга Ш. Бегельсдейка и Р. Масселанда «Культура в экономической науке: история, методологические рассуждения и области применения в современности», которая вышла в серии «Новое экономическое мышление», призванной «включить в предметную область экономической науки те сюжеты, которые традиционно недооценивались (а то и вовсе игнорировались) профессиональными экономистами и тем самым оказывались в ведении философии, психологии, социологии, культурологии

И.В. Троцук
Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики

и других наук» (с. v). Авторы расширяют предметную область экономической науки, обосновывая правомерность и необходимость экономического анализа социокультурных факторов и реконструируя историю многочисленных попыток развести и (ре)интегрировать экономическую науку и культуру. Научный редактор издания В. Автономов справедливо подчеркивает его важность для российского читателя: «В ходе рыночных реформ вначале господствовала вполне материалистическая и даже марксистская вера в то, что изменения экономической системы с плановой на рыночную могут быть вполне самодостаточными (особенно если общественная, а точнее государственная, собственность будет заменена частной). Но введение свободных цен и приватизация, хотя и создали важные предпосылки для рыночной экономики, обернулись в постсоветских странах серьезными и затяжными трансформационными кризисами... Прямой импорт формальных институтов не дал хороших результатов: отлично зарекомендовавшие себя в развитых странах, будучи пересажены на российскую почву, они давали очень своеобразные и малосъедобные плоды... Формальные институты становятся реально действующими только при легитимации неформальными, прежде всего моральными нормами» (с. xii).

Структурно книга состоит из пролога, объясняющего необходимость учета экономистами норм и ценностей, «задающего контекст для дискуссии о значении культуры в экономической науке и обрисовывающего дополнительную ценность ее включения в экономическую теорию» (с. 2); девяти глав, объединенных в две части — в первой представлены размышления по истории неровных взаимоотношений экономической дисциплины с культурой, во второй — четыре области применения «культурологических» наработок в экономических исследованиях; и заключения, или итоговой оценки «статуса» культуры в экономической науке (методологических проблем, концептуальных противоречий и эмпирических возможностей). В первой части книги рассмотрены три взаимосвязанные проблемы: соотношение целенаправленных индивидуальных решений и заданных культурой институциональных структур; соотношение микроэкономического поведения акторов (предмет большинства экономических теорий) и макроуровня коллективных свойств в культуре (проблема агрегирования данных и перемещений между микро- и макроуровнем); соотношение экономического поиска универсальных принципов с многообразием культурных практик и субъективных смыслов. Во второй части книги эти проблемы обретают конкретное выражение — рассмотрены в исследованиях предпринимательской культуры, социального доверия, международного бизнеса и корпоративного управления (эти четыре области авторы считают актуальными, репрезентативными и минимально пересекающимися, что «максимизирует уроки, которые можно из них извлечь»).

Итак, в первой главе авторы пытаются дать определение культуры, подчеркивая, что оно не может быть всеобъемлющим, однознач-

ным и общепринятым, учитывая многообразие методологических подходов и дисциплинарных различий (культура как нечто искусственное и противоположное природе; как совокупность идей, норм и ценностей, определяющих мировоззрение и поведение; как отличительный признак группы/сообщества или образ жизни народа; как наследуемая бесспорная данность коллективной идентичности), поэтому систематизируют повторяющиеся ключевые характеристики культуры (создана человеком, связана с идеями и мировоззрением, определяет различия между коллективными идентичностями и считается данностью для индивида) и ее отличия от родственных понятий (неожиданно вместе с идеологией и институтами здесь оказались национальность и этническая принадлежность). «Вопрос не в том, что такое культура, но в том, как культура производится, кем и почему... Создание культуры (корпоративной, национальной) имеет важный политический и экономический эффект... Именно потому, что люди считают культуру данностью и не сомневаются в своей культурной идентичности, культура может мобилизовать и заставлять их принимать культурно специфичные институты, которые не всегда служат им самим на благо» (с. 23-24). В качестве рабочего и «приблизительного» определения, не снимающего все вопросы относительно концептуализации культуры, в книге принято следующее: «те поведенческие и умозрительные структуры, которые считаются неотъемлемыми для создаваемой идентичности сообщества» (с. 27).

Во второй главе представлен исторический обзор работ о роли культуры в экономической науке и обозначен момент их окончательного расхождения, до сих пор определяющий споры экономистов: «культура, или, возможно, лучше сказать, нравственность, потому что именно этот термин был более распространен в прошлом, была неотъемлемой частью экономических исследований со времен ранних трудов Адама Смита, однако в начале XX века она была отдана на откуп социологии и антропологии» (с. 6). Основную причину расхождения экономической науки и культуры авторы видят в том, что экономисты изучают поведение и общество с точки зрения индивидуального рационального выбора и в поисках универсальных принципов, а культура находится за пределами инструментального планирования, связана с коллективными идентичностями и интересуется особенностями разных мировоззрений и способов восприятия реальности.

Расхождение не является единственной формой взаимоотношений культуры и экономических исследований, о чем свидетельствуют работы ранних экономистов (например, в трудах А. Смита экономическая наука была одновременно социальной, нравственной и политической дисциплиной), где поднимались вопросы нравственности, убеждений и традиций, т. е. культура (пусть даже так не называемая) считалась релевантной категорией для понимания экономической сферы (кстати, начиная с этой главы в кни-

ге появляются обширные справочные вставки, посвященные ученым — А. Смиту, М. Веберу, Д. Норту, К. Поланьи, исследовательским подходам — исторической школе, марксизму как «научному социализму», теории модернизации, и проектам — Г. Хофстеде, Ш. Шварца, Р. Инглхарта). В XVII–XVIII веках культура начала означать не только «индивидуальный процесс нравственного и интеллектуального развития», но и продукт социальной эволюции, период Просвещения обогатил ее коннотацией нормативного стандарта, к которому устремлен последовательный и поэтапный прогресс конкретного общества (наука отказалась от классической модели сравнения обществ с идеалом социального устройства).

В конце XVIII века формируется эссенциалистская трактовка культуры (прежде всего в рамках немецкой исторической школы), достигшая расцвета в XIX веке, она утверждает специфичность и неотъемлемость культуры для идентичности группы/общества, поэтому поиск универсального пути развития сменился плюралистической интерпретацией культуры и исследованием множественных историй разных народов: такие понятия, как «немецкая нравственность» или «британская культура», стали выражением «методологического национализма» и привели к появлению в XIX веке национальных государств. За эссенциализацией культуры последовала ее политизация (критический политэкономический анализ культуры «извне» — как отражения и легитимации социально-экономического порядка) и традиционализация, после того как империализм разделил мир на цивилизованный и «дикий» (культура стала характеристикой традиционных обществ, отклоняющихся от шаблона модернизации, т. е. превратилась в стабильную иррациональную традицию или «плен уникальных культурных привычек», которые мешали универсалистской поступи рациональной западной цивилизации).

Превращение экономической теории в «бескультурную» авторы связывают с распадом общественной науки на разные дисциплины: граница между социологией и экономической теорией была зыбкой еще в период М. Вебера и Э. Дюркгейма, ситуацию усугубили «спор о методе» между экономическим маржинализмом и описательным эмпиризмом исторической школы и вытеснение теорий социологов (не сводили экономический анализ к поиску предельной полезности и пытались изучать капиталистическое поведение как исторически специфичное) и институционалистов (отстаивали всесторонний, исторически и культурно контекстуализированный подход, призывали дополнить экономический анализ изучением культуры, институтов и психологии) на периферию экономической мысли. «Эволюция экономической теории как науки, определяемой скорее методом, чем объектом, впоследствии достигла пика в знаменитом определении... Л. Роббинса: "...это наука, изучающая человеческое поведение с точки зрения соотношения между целями и ограниченными средствами". ...Он выносит различия в предпо-

чтениях за пределы экономических исследований... — экономисты занимаются исключительно структурой рационального выбора; объяснение всех контекстуальных и индивидуальных расхождений отдается на откуп другим наукам» (с. 59-60).

После разведения культурных факторов и экономических явлений («неортодоксальные авторы») были признаны ненастоящими экономистами (в частности, Вебер стал считаться социологом), а экономическая наука была разделена на настоящую экономическую теорию (предмет — универсальные принципы рационального поведения) и экономическую социологию и антропологию (предмет — конкретный социокультурный контекст экономических процессов), в терминологии В. Парето — на исследования экономического поведения (результат логических рассуждений) и поведения, определяемого «обычаем», в общепринятой трактовке — на экономическую логику (конкуренция и эффективность) и социальную логику (нормы, смыслы, ценности, законы справедливости). Водораздел укрепила математизация экономической теории в 1950-е годы, а также антимарксистский консенсус экономистов: «Все отклонения от учений, откровенно поддерживающих капитализм, подавлялись. Было выгодно говорить о теории, на которой основывалась рыночная модель, как о признанной истине, чтобы экономические вопросы были предметом только технократических споров. Посыл был простым: капиталистическая система не только превосходит коммунистическую с нравственной точки зрения — потому что гарантирует свободу, — но и объективно и доказуемо лучше с точки зрения экономической науки» (с. 68-69). Интерес экономистов к обществам, которые раньше изучались этнологией и антропологией, не изменил ситуацию, потому что был произведен раздел стран на развитые и третий мир: его изучал специальный раздел экономической науки — теория развития — исключительно через сопоставление с западной моделью (сегодня теории модернизации отказались от жесткого противопоставления традиционной культуры и современности и от подхода «всех под одну гребенку», но сохранили идею универсального пути развития).

Завершает вторую главу самокритичное замечание авторов, что они предложили читателям «лишь одну из версий истории культуры и экономики... и можно было бы написать много других... Мы не пытаемся представить всеобъемлющий обзор истории экономической мысли, историографии или генеалогии культуры; представленная история — ограниченный результат нашей ориентации на определенные темы» (с. 76). Здесь же авторы задают вопрос, на который будут искать ответы на протяжении последующих трех глав: почему экономисты вновь заинтересовались культурой и как пытались возродить интерес к ней, хотя уже к 1950 году культура практически исчезла из экономической теории?

Третья глава продолжает историческую реконструкцию развития экономических исследований, но уже после возвращения в них

И.В. Троцук
Неформальные
практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики

культуры. Основную причину реинтеграции двух областей авторы видят «в общих тенденциях в экономической науке и вокруг нее». Так, после Второй мировой войны она стала столь успешной, что начала проникать в те области, которыми экономисты прежде не занимались. В то же время в экономической реальности появились проблемы, которые не могли ни объяснить, ни решить модели рациональных акторов и эффективных рынков: рост экономики Восточной Азии потребовал взглянуть на экономику и проблемы развития с иных позиций, крах коммунизма обнажил противоречия между рыночными странами, стали очевидны губительные последствия политического национализма и колониализма, разразился финансовый кризис 2008 года и т. д. Экономисты стали выходить за традиционные границы своей науки, обратились к когнитивным наукам и психологии (чтобы усовершенствовать постулат о рациональности и эмпирические наблюдения), к историческому и социальному контексту (новая институциональная экономика, изучение видов капитализма, создание кросскультурных массивов данных), а встречное движение общественных наук (политологи заинтересовались культурными различиями, антропология отказалась от крайних интерпретативных и постмодернистских идей в пользу функционализма и от колониального восприятия чужой культуры с точки зрения стороннего наблюдателя) облегчало сближение экономической теории с культурой. Разрыв между культурой и экономической наукой был преодолен в середине XX века, когда экономисты, выйдя за привычные теоретические рамки, обнаружили, что «культура, определявшаяся как противоположность всему, что раньше представляла собой экономическая наука, естественным образом стала частью общей картины» (с. 81).

Авторы выделяют в возвращении экономической науки к «гуманитарным вопросам» два этапа: (1) экспансия экономической теории — она стала применяться в тех областях, которыми традиционно занимались другие дисциплины (например, проблемы семьи и брака стали рассматриваться по аналогии с потреблением и торговлей), а они, в свою очередь, начали использовать элементы модели рационального выбора; (2) реакция на экспансию, которая вскрыла ограниченность экономической модели (например, оказалось, что однотипные нелиберальные рецепты плохо работают в бывших коммунистических странах) и вынудила экономистов дополнить свой анализ идеями психологии, социологии и культурологии. «С конца 1980-х годов исследователи начали уделять больше внимания комплементарному контексту экономического поведения. В результате произошло... социологизация экономической науки. В ходе этого процесса экономическая наука приобрела более реалистичный характер и большую практическую релевантность, поскольку начала учитывать влияние дополнительных, более “мягких” факторов» (с. 93-94). На макроуровне новая институциональная экономика стремилась сочетать изучение институтов

с учетом культурных различий, а на микроуровне теория игр позволила экономистам показать, что люди часто нарушают требования рациональности, на их поведение систематически влияют объективно неважные детали, люди требуют справедливости и не всегда выбирают то, что в их интересах, поэтому небольшие различия в исходных институтах оборачиваются крупными различиями в достигнутых результатах.

Подытожив третью главу утверждением, что экономизация общественных наук, социологизация экономической науки и спор об «азиатских ценностях» возродили интерес экономической теории к культуре, а новый институционализм и поведенческая экономика задали направление для теоретического обоснования контекстуально ориентированного экономического анализа, в четвертой главе авторы задаются вопросом, каким именно образом культура важна для экономической науки, и дают на него три варианта ответа: «культура и экономика» — культура как экзогенный фактор для экономики (источник предпочтений, ограничений или отклонений), «культура как экономика» или «экономика как культура» — одна из них рассматривается как всеобъемлющее целое, охватывающее все сферы жизни, и «культура экономической науки».

В модели «экономика и культура» поведение актора считается ограниченно рациональным, потому что все мы страдаем от нехватки информации и неопределенности. Культура здесь выступает как источник предпочтений/целей и убеждений актора, источник ограничений (транзакционные издержки институтов, невозможность их свободно адаптировать или переделать по успешному образцу, культурные препятствия для институциональной эволюции/формальных правил) или причина отклонений от экономической модели рациональности. Для каждой роли культуры авторы обозначают важные ограничения: например, чтобы включить в экономическую модель культурные предпочтения, нужно уточнять, какие именно предпочтения считаются культурными и как они соотносятся с другими типами предпочтений.

Подход «экономика как культура» (или «культура как экономика») состоит из разнообразных попыток объединить экономическую теорию и исследования культуры в некоей всеобъемлющей модели. Одни авторы (этнографы, антропологи и социологи) рассматривают экономическое поведение как культурный феномен, скажем, подчеркивая необходимость определенной системы норм и ценностей для каждой экономической системы: рыночная экономика не может считаться универсальной поведенческой структурой — она специфична для конкретного места и времени. Другие авторы стремятся расширить границы экономической теории, включив в нее социокультурные явления — расовую дискриминацию, преступность, наркоманию, брак и развод, этническую и культурную идентичность, религию, формирование вкусов, моду и потребление, исследование которых вышло за рамки трактовки индивидов как

И.В. Троцук
Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики

рациональных, максимизирующих полезность акторов и стало учитывать наличие у них иных мотивов, например, заботы о других. Ограничением обоих путей авторы считают то, что они пытаются создать единую теорию культуры и экономики посредством отрицания какой-то из них, т. е. следует «говорить об узурпации, а не об интеграции».

Подход «культура экономической науки» представляет собой метаанализ научных исследований как экономического явления («процесс взвешивания издержек и прибыли, а не поиск научной истины») или экономической теории как способа отражения и создания экономики («культурный артефакт капиталистического общества», «идеология правящих классов»). Авторы фокусируются на второй трактовке в ее разных проявлениях (например, теория нового капитализма П. Бурдье), будучи убеждены, что «экономические соображения нужно рассматривать как исторически и социально обусловленное явление и перестать по умолчанию считать экономически рациональность универсальной» (с. 142).

Обосновав мейнстримный статус подхода «экономика и культура» как способа возвращения культуры в экономическую теорию, в оставшейся части книги авторы систематизируют основные направления исследований в его рамках. Однако прежде завершают первую часть книги методологической главой, где обозначены методические особенности экономической теории, вобравшей в себя социокультурную проблематику. Авторы ограничивают свой анализ самыми распространенными методами изучения того, как культурные различия влияют на экономическую эффективность (опросные исследования ценностей и кросскультурные эксперименты, для которых характерны проблемы репрезентативности выборки, конструирования шкал, выбора параметров, агрегирования/деагрегирования и культурной необъективности/предубежденности), и рассматривают три ключевые методологические проблемы — соотношение культурных структур (данность для индивидов) и экономических действий (основаны на целенаправленных решениях индивидов), микроуровня (поведение акторов) и макроуровня (культура), универсального (экономистов интересуют универсальные принципы) и частного (культурологи изучают многообразие контекстов).

Авторы не предлагают окончательных решений, а лишь намекают способы преодоления методологических проблем, указывая на их преимущества и ограничения. Например, для перехода с макро- на микроуровень можно свести коллективную переменную (культуру) к фактору принятия экономических решений индивидом (культурный багаж) или же, напротив, агрегировать и усреднить экономические поведенческие паттерны индивидов для характеристики общества (национальная культура). Каждый путь имеет свои опасности, обусловленные несоответствием уровню концептуализации либо культуры (например, не каждый житель католи-

ческой страны является католиком), либо экономической сферы (поведение индивидов зависит от давления группы, но изменяется и под влиянием других индивидов). Так, решая проблему соотношения точки зрения своей культуры с мировосприятием иных культур, можно идти по идиографическому или номотетическому пути: первый изучает экономическое поведение в его специфических контекстах (парохиальный, этноцентрический и полицентрический подходы); второй — универсальные поведенческие паттерны (компаративистский, геоцентрический и синергический подходы). «Универсалистские подходы конфликтуют с частными, а культурная объективность — неизбежная проблема для культурологических подходов» (с. 166).

Вторая часть книги показывает, как обозначенные методологические проблемы и решения подхода «культура и экономика» выглядят на практике: этот раздел представляет собой набор кратких, но концептуально и методически насыщенных путеводителей по отдельным темам экономических исследований, на которых нет смысла останавливаться подробно, поэтому обозначим лишь их содержательные акценты. Авторы начинают вторую часть с обсуждения предпринимательской культуры — соотношения общественных структур и индивидуальных действий и трудностей переноса идей с индивидуального уровня на коллективный. «Пока что не существует убедительных эмпирических доказательств тезиса, что предпринимательская культура объясняет национальные или региональные различия в уровне предпринимательской активности; нет и убедительных доказательств фундаментальной эмпирической связи между предпринимательской культурой и экономическим ростом. Отчасти подобные неоднозначные результаты связаны со сложностью отношений между предпринимательской деятельностью как таковой и экономическим ростом. Другая причина неоднозначности: чтобы связать предпринимательство с экономическим успехом, нужно связать индивидуальный уровень с коллективным, что представляет собой громадную методологическую проблему» (с. 215).

В седьмой главе культура охарактеризована в терминах общественного доверия (важнейший показатель социального капитала) — читателю предложен обзор исследований доверия как «объясняющего иррациональное остаточное экономическое поведение», показаны сильные и слабые стороны разных подходов (экономистов интересует, как доверие способствует росту экономики, социологов — почему в разных странах уровни доверия различаются, но в обоих случаях существуют проблемы с установлением каузальной связи между доверием, его источниками и последствиями), отмечен конфликт между разными аспектами доверия — экзогенным (задан культурой) и индивидуальным (обусловлен рациональным расчетом). Привлекательность доверия как показателя культуры для экономической науки авторы объясняют тем, что оно

«содержит компонент расчета, который можно изучать при помощи теории рационального выбора, что делает доверие концепцией, относительно легко вписывающейся в общепринятые экономические модели» (с. 359). Авторы признаются, что «если эта глава что-то и демонстрирует, так это то, что как теоретически, так и эмпирически культура доверия и (хорошо работающие) институты тесно связаны между собой... Однако взаимоотношения между доверием, культурой, институтами и экономическим развитием весьма сложны, и эмпирические исследования в этой области страдают от разнообразных проблем, связанных с идентификацией [причинно-следственных связей]» (с. 267-268).

В восьмой главе рассмотрена роль культуры в международном бизнесе, свидетельствующая о расхождении универсальных подходов и контекстуально обусловленной рациональности. Наиболее интересующие авторов вопросы — возможности концепции культурной дистанции в объяснении того, как различия в ценностях определяют выбор экономических акторов (а не как некие «абсолютные» ценности влияют на экономическое поведение народов), и потенциал сравнительных исследований в принятии экономических решений и в управлении. Завершает вторую часть книги глава о причинах различий в режимах корпоративного управления (правовых, культурных и институциональных порядках) в разных странах и поиск ответа на вопрос, что же для нас важнее — единая уникальная и идеальная с экономической точки зрения (оптимальная) культура или множество одинаково успешных случаев равновесия. Авторы определяют культуру в целом и правовые традиции в частности как «наследуемые [в социальном смысле], специфичные, экзогенные, антропогенные системы мышлений, которые касаются ценностей и норм» и считают, что сравнительный анализ моделей корпоративного управления «заставляет нас задуматься о культуре как об оптимальном результате преднамеренного выбора, поднимает вопрос об оптимальности ценностей, обсуждает явление бесконечной логической регрессии и вызывает ряд вопросов, связанных с измерением и оценкой» (с. 310).

Таким образом, очень сложная книга Эльстера (несмотря на множество прекрасных примеров, которые порождают у читателя мимолетные иллюзии понимания авторской аргументации) убедительно показывает, что люди (абсолютно все мы, невзирая на свой интеллектуальный уровень и «регалии») — иррациональные существа, действия которых практически никогда не укладываются в модель рационального объяснения. Мы не можем преодолеть свою иррациональность, но можем ее описать, понять и принять, сочетая множество исследовательских «оптик» и признавая, что социокультурные ограничения не диктуют нам выбор поведения, а конструируют те наши предпочтения, что определяют и рассматриваемые нами альтернативы, и принимаемые нами решения. Бегельсдейк и Маселанд, по сути, уточняют, что мы не столь-

ко иррациональные существа (кстати, подтверждая и свою «иррациональность» нетипичными для научного дискурса аналогиями: «культура — в глазах смотрящего», «культура — очень странный зверь», «связи между доверием, культурой, институтами и экономическим развитием так же запутаны, как спагетти в тарелке», «когда экономисты начинают изучать культуру, они ступают на методологическое минное поле» и др.), сколько социокультурные, поэтому даже наша сугубо экономическая деятельность (и на микроуровне неформальной экономики, и на макроуровне институциональных паттернов инвестиций и сотрудничества международных корпораций) — это сложное и многомерное сочетание универсальных культурных норм и контекстуально (исторически и ситуативно) обусловленной рациональности.

И.В. Троцук
Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики

Informal practices: Irrational behavior or cultural influence? Two contextual “frames” for the study of informal economy

Irina Trotsuk, DSc (Sociology), Senior Researcher, Center for Agrarian Studies, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Professor, Sociology Chair, RUDN University. Prosp. Vernadskogo, 82, Moscow, Russian Federation, 119571. E-mail: irina.trotsuk@yandex.ru

Review of the books: Elster J. Kisly vinograd. Issledovanie provalov ratsionalnosti [Sour Grapes. Studies in the Subversion of Rationality]. Per. s angl. I. Kushnarevoy; nauch. red. A. Morozov. Moscow: Izd-vo Instituta Gaydara, 2018. 296 p.; Beugelsdijk S., Maseland R. Kultura v ekonomicheskoy nauke: istoriya, metodologicheskie rassuzhdeniya i oblasti primeneniya v sovremennosti [Culture in Economics. History, Methodological Reflections, and Contemporary Applications]. Per. s angl. N.V. Avtomovoy; nauch. red. V.S. Avtomova. Moscow; Saint Petersburg: Izd-vo Instituta Gaydara; Izd-vo “Mezhdunarodnye otnosheniya”; Fakultet svobodnykh iskusstv i nauk SPbGU, 2016. 464 p.

Об итогах работы XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

А.И. Акманов, Р.Б. Зайтунов, А.А. Даутов

Айтуган Ирекович Акманов, доктор исторических наук, Академия наук Республики Башкортостан, вице-президент Академии наук Республики Башкортостан. 450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15, E-mail: aytuganakmanov@gmail.com

Расих Батырович Зайтунов, кандидат исторических наук, Башкирский государственный университет, доцент. 450076, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, E-mail: zaitrasich@gmail.com

Азат Алтынбаевич Даутов, Академия наук Республики Башкортостан, помощник вице-президента Академии наук Республики Башкортостан. 450008, Республика Башкортостан, г. Уфа, ул. Кирова, д. 15, E-mail: Sattar88@yandex.ru

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-190-195

С 24 по 28 сентября 2018 года в Брянске состоялась XXXVI сессия Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Этот авторитетный научный форум в нынешнем году отметил свой 60-летний юбилей. Первая сессия Симпозиума была проведена в декабре 1958 года, и далее они созывались ежегодно, а с 1972 года — раз в два года. Симпозиум был создан по инициативе академика АН СССР С.Д. Сказкина, доктора исторических наук В.К. Яцунского и члена-корреспондента АН СССР Х.Х. Крууса при поддержке Отделения исторических наук АН СССР. Основными участниками Симпозиума являлись историки, изучавшие проблемы феодальной формации, и потому он сначала охватывал тематику в хронологических рамках XVI–XIX веков. После московской сессии 1965 года постоянно работает секция по истории советского крестьянства.

Отдельно отметим большую роль историков, с чьими именами связаны многие сессии Симпозиума: Н.В. Устюгов, И.Д. Ковальченко, Л.В. Милов, А.М. Анфимов, В.Л. Янин, А.И. Комиссаренко, Н.А. Горская, Е.Н. Швейковская, М.Б. Свердлов, Э.В. Дмитриева, В.П. Данилов, Н.Л. Рогалина, Н.Б. Селунская, В.Г. Тюкавкин, Э.М. Шагин и другие.

Сессии поочередно проводились ведущими университетами и педвузами СССР. В частности, историков-аграрников принимали вузы Москвы, Екатеринбурга, Уфы, Арзамаса, Тамбова, Орла, Калуги, Тулы, Вологды, Рязани, Брянска. В 1975 году Отделение

истории АН СССР утвердило Симпозиум в качестве постоянно действующего всесоюзного научного форума и одновременно центра, координирующего научно-исследовательскую работу по изучению аграрного прошлого всех регионов страны. В 1991 году этот центр получил свое оформление как Научный совет по проблемам аграрной истории при Отделении истории РАН, который был призван способствовать концентрации усилий историков в постановке и разработке новых актуальных проблем в данной отрасли отечественной науки, в том числе через проведение сессий Симпозиума по изучению аграрной истории. Эти и целый ряд других подробностей из истории работы Симпозиума были озвучены в докладе **Е.Н. Швейковской** «К 60-летию юбилею Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы: исследования по социальной и экономической истории России в постсоветский период» на пленарном заседании брянской сессии. Перед собравшимися также выступили **В.В. Бабашкин** (Москва) с докладом «Крестьяноведение как теоретико-методологический подход в области аграрной истории» и **Г.Е. Корнилов** (Екатеринбург) по теме «Историографическая ситуация в историко-аграрных исследованиях России: конец XX — начало XXI в.».

На заседаниях первой секции научные доклады и сообщения охватили период с начального момента функционирования Древнерусского государства до середины XIX века. В них нашли отражение различные аспекты земельной политики государства, анализ основных видов источников, характеристика состояния социальных групп, трансформация системы землевладения и землепользования, хозяйственная деятельность различных категорий населения. Столь широкий перечень научных сюжетов обусловил формат работы как в виде общего заседания секции, так и подсекций.

Общее заседание первой секции состоялось 25 сентября. Выступление **В.Д. Назарова** (Москва) было посвящено тенденциям развития светской вотчины «первой генерации» в Северо-Восточной Руси. Исследователь обратил внимание на сложный процесс эволюции феодальных вотчин в середине XV — первой четверти XVI века. С одной стороны, происходило уменьшение земельных владений у ряда служилых людей, но с другой — великие князья увеличивали свои угодья за счет приобретений отдельных хозяйственно-владельческих комплексов. В итоге к рубежу XV—XVI веков сформировались критические явления, связанные с проблемами обеспечения служилых людей. В частности, стала ощущаться нехватка земельных ресурсов для основной массы детей боярских и затруднился контроль великокняжеской власти над земельным оборотом. В этой ситуации и сложились условия для возникновения поместного землевладения.

В докладе **Н.В. Соколовой** (Москва) был представлен анализ дворцовых земель как инструмента государственной поли-

*А.И. Акманов,
Р.Б. Зайтунов,
А.А. Даутов*
Об итогах работы XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

тики в конце XVI — начале XVII века. Автор проследила историю дворцовых владений Нижегородского уезда, определила этапы раздачи дворцовых земель, оценила влияние этой практики на структуру землевладения в уезде и на этой основе попыталась проанализировать особенности действий властей в Нижегородском Поволжье.

Выступление **Д.А. Хитрова** (Москва) было посвящено процессу изучения писцовых и переписных книг Московского государства на сессиях Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Автор отметил, что писцовые и переписные книги являются ключевыми источниками для аграрной истории России XVI–XVII веков. Они позволяют разрабатывать вопросы численности населения, его состава, истории землевладения и землепользования эпохи Московского государства. Исследователь обратил внимание на желательность дальнейшего системного подхода в изучении комплексов писцовых и переписных книг как цельных массивов данных. Для реализации этих задач необходим соответствующий инструментарий и координация усилий многих ученых и групп исследователей, работающих в разных регионах.

С.В. Черников (Липецк) рассмотрел положение правящей элиты России первой половины XVIII века в контексте влияния демографических факторов на развитие родовой собственности. Используя статистические источники, исследователь приходит к выводу, что многочисленность рода и дробление вотчин не мешали устойчивому развитию собственности у дворян, связанных с верховной властью.

В сообщении **А.А. Фролова** (Москва) была представлена техника кодикологического и палеографического анализа писцовых книг. Автор обосновывает необходимость углубленного изучения нумерации тетрадей, пагинации, филиграней, почерков книги, которые могут дать дополнительную информацию о соответствующей эпохе.

На заседаниях двух подсекций достаточно детально были представлены специфические аспекты развития сельского хозяйства и положения сельского населения по материалам конкретных территорий. Так, 26 сентября известный историк **М.Б. Свердлов** (Санкт-Петербург) попытался раскрыть сущность хозяйственной деятельности жителей соседской сельской общины на Руси X–XII вв., указав на наличие различных угодий, охарактеризовал основные платежи и повинности населения. В докладе **Е.А. Шинакова** (Брянск) были представлены «внешние» источники пополнения населения частновладельческих сельских поселений Древней Руси. Автором дан комплексный анализ источников по Деснинскому региону. В выступлении **А.Л. Грязнова** (Вологда) показан процесс изменения статуса княжеских владений на Белоозере в XIV–XV вв. **З.В. Дмитриева** (Санкт-Петербург) раскрыла содержание изменений в фискальной системе Московской Руси, она обрати-

ла внимание на переход от пососного к подворному налогообложению. Известный исследователь **А.Я. Дегтярев** (Москва), проанализировав альбом Мейерберга, обнаружил тенденции эволюции податной системы России в XVII веке и сделал вывод об объективной необходимости произошедших изменений в системе государственного управления. В центре выступления **Л.Г. Степановой** были материалы земельных кадастров эпохи Средневековья и Нового времени о качестве земли и расселении крестьян, полнота и репрезентативность сведений в них. Работа **С.С. Кутакова** была посвящена обзору состояния крупных сел как хозяйственно-экономических центров сельских территорий в XVI–XVII вв. по материалам Тверского уезда.

Ряд выступлений 26 сентября был посвящен аграрным отношениям на окраинных территориях Европейской России. Так, интересный доклад **А.И. Комиссаренко** (Москва), основанный на разнообразных источниках, позволил представить деятельность Вятской администрации по предотвращению участия населения в Пугачевском восстании (1773–1774 годы). В докладе **Ю.Н. Смирнова** (Самара) описано формирование источниковой базы по истории переселений на земли юго-востока Европейской России в XVIII–середине XIX веков. В сообщении **Л.М. Артамоновой** (Самара) анализируется полнота и репрезентативность преданий о крестьянах-переселенцах как источнике по аграрному освоению Самарского Поволжья в XVIII веке.

А.И. Акманов и **И.З. Фаткуллин** (Уфа) в совместном исследовании раскрыли основные аспекты добровольного вхождения башкир в состав Русского государства и результаты решения земельного вопроса во второй половине XVI века. В докладе **А.Г. Иванова** (Йошкар-Ола) проанализировано положение марийской крестьянской общины в период массовой христианизации 1740–1764 годов. Выступление **Р.Б. Зайтунова** (Уфа) было посвящено вкладу **Н.Ф. Демидовой** в исследование аграрной истории Южного Урала XVI–XVIII вв. В сообщении **А.А. Даутова** (Уфа) описаны основные тенденции развития вотчинного права башкир. **З.А. Тимошенкова** (Псков) рассмотрела характер землепользования крестьян Старорусского уезда в начале XVIII века. Сообщение **Д.А. Пшеницына** (Вологда) касалось брачности крестьянства на севере России первой половины XVIII века в контексте земельных отношений.

На заседании 27 сентября в докладе **М.С. Черкасовой** (Вологда) было рассмотрено положение сельского духовенства на севере России в контексте аграрной и социальной истории XVII века. Доклад **А.И. Раздорского** (Санкт-Петербург) был посвящен состоянию крестьянской оптовой товарной торговли по материалам таможенных книг городов юга и запада европейской части России XVII века.

В выступлении **А.И. Папкова** (Белгород) анализировался статус церковного землевладения на южной окраине России на протяже-

*А.И. Акманов,
Р.Б. Зайтунов,
А.А. Даутов*
Об итогах работы XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

нии первой половины XVII века. Интересные факты были представлены в совместном исследовании **А.И. Савиновой** и **Ю.В. Степановой** (Тверь), они затрагивают правовой статус и хозяйственные практики карельских переселенцев в Верхневолжье в XVII — начале XVIII века.

Таким образом, доклады и сообщения первой секции XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы позволили получить широкий спектр информации за обширный хронологический период в сфере сельского хозяйства и земельных отношений, положения сельского населения и политики властей различных уровней. Все это говорит о необходимости дальнейшего углубления разработки этих исторических сюжетов.

Интересные дебаты разворачивались на заседаниях второй и третьей секций сессии (соответственно: вторая половина XIX — начало XX века и 1917 год — современность). В полемическом ключе обсуждались такие вопросы, как судьбы дворянских усадеб в реформенный период и роль их хозяев в революционных событиях начала XX века; достоверность статистических данных по урожайности зерновых, почерпнутых из разных источников; эффективность правительственной политики по борьбе с периодически возникавшим в стране голодом и по продовольственному снабжению армии и городов в годы Первой мировой войны. Большое внимание было уделено деятельности крестьянских органов самоуправления на пике революционных событий в 1917 года, а также эволюции форм аграрной организации на разных этапах послереволюционного периода. В ходе полемики на обеих секциях некоторые коллеги высказывали, в частности, сомнение в целесообразности тех теоретических подходов, о которых сейчас пишут в рамках «крестьяноведения», полагая, что привычного методологического инструментария отечественной аграрной историографии вполне достаточно. Однако довольно убедительно звучала и другая точка зрения. Споры вообще делают работу на площадке Симпозиума более динамичной и содержательной. Наверное, это касается и споров историков-аграрников о крестьяноведении.

Следующая сессия Симпозиума состоится в 2020 году в Воронеже.

On the results of the XXXVI session of the Symposium on the Agrarian History of Eastern Europe

Aytugan Akmanov, DSc (History), Vice President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 450008, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kirova St., 15. E-mail: aytuganakmanov@gmail.com.

Rasikh Zaitunov, PhD (History), Associate Professor, Bashkir State University. 450076, Republic of Bashkortostan, Ufa, Zaki Validi St., 32. E-mail: zaitrasich@gmail.com.

Azat Dautov, Assistant of Vice President of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan. 450008, Republic of Bashkortostan, Ufa, Kirova St., 15. E-mail: Sattar88@yandex.ru

195

*А.И. Акманов,
Р.Б. Зайтунов,
А.А. Даутов*

Об итогах работы XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы

Семинар-конференция «Соучаствующее развитие» городов и сельских территорий

К.В. Аверкиева

*Ксения Васильевна Аверкиева, кандидат географических наук, старший научный сотрудник, Института географии РАН, Москва, 119017, Старомонетный пер., 29.
E-mail: xsenics@yandex.ru*

DOI: 10.22394/2500-1809-2018-3-4-196-207

14 ноября 2018 года в Институте географии РАН прошел семинар, посвященный «соучаствующему развитию» городов и сельских территорий. Этот термин еще не прижился в российской науке и представляет собой перевод англоязычного словосочетания «participative development», который подразумевает деятельное участие жителей в развитии территорий и возможность для них непосредственно влиять на реализацию идей территориального развития. В рамках семинара участники из научных и проектных организаций рассматривали существующие в российских регионах практики и инструменты «соучаствующего развития» и пытались ответить на один из ключевых вопросов: является ли участие населения в развитии сельских и городских территорий в России признаком формирования гражданского общества или свидетельствует о слабости и некомпетентности муниципальных властей и местного самоуправления?

Семинар-конференция состоял из двух секций, после которых состоялась дискуссия и подведение итогов. Первая секция была посвящена преимущественно вопросам развития сельских территорий и возможностям сельского населения участвовать в благоустройстве и решении вопросов территориального планирования сельской местности. Во второй секции рассматривались вопросы участия горожан в развитии городской среды, детально обсуждались отдельные проекты, реализованные с учетом интересов городских жителей и при их непосредственном участии.

В современной сельской местности в большинстве регионов России сложились схожие проблемы территориального развития: низкая степень благоустройства территорий, потребности в создании мест проведения досуга (спортивных и детских площадок, домов творчества и клубов по интересам), высокая степень износа учреждений социальной и инженерной инфраструктуры. Решение мно-

гих вопросов в условиях дефицитных и очень скромных бюджетов сельских поселений, а также при передаче новых и новых полномочий на муниципальный уровень становится очень затруднительным. Поэтому в ряде регионов складываются различные практики решения насущных вопросов с помощью практик соучаствующего развития.

Доклад **Н.В. Ворошилова** из ВолНИЦ РАН (Вологда) был посвящен обобщению современных практик участия сельских жителей в решении различных вопросов территориального развития. Докладчик сделал обзор всех указанных в 131 Федеральном законе «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» вариантов вовлечения населения в решение местных задач, более подробно останавливаясь на тех практиках, которые реально реализуются на территории отдельных регионов. К ним относятся местные референдумы, проводимые, как правило, для решения вопроса о самообложении сельских жителей. Этот механизм предполагает сбор средств в населения для решения местных вопросов. Размер взносов и порядок осуществления сбора средств осуществляется в рамках местных референдумов. Как отмечала О.П. Фадеева¹, такая практика чрезвычайно распространена в Республике Татарстан. Н.В. Ворошилов в своем докладе привел данные Министерства финансов, показывая, что из всех привлеченных посредством самообложения средств в Российской Федерации на Татарстан приходится 85%, а в целом 96% средств собрано всего в десяти регионах (в числе которых Кировская и Липецкая области, Пермский край, Республика Кабардино-Балкария). Повсеместного распространения такая практика в России не получила.

Другой популярный в сельской местности механизм — территориальное общественное самоуправление (ТОС). Более подробно практику ТОС рассматривали другие докладчики. В своем докладе Ворошилов привел обобщенные данные по 30,1 тыс. ТОС в 76 регионах России, лидерами среди которых являются Краснодарский край, республики Башкортостан, Бурятия и Марий Эл, Архангельская, Белгородская и Воронежская области.

Третий механизм, о котором говорил докладчик, это инициативное бюджетирование, которое может производиться в форме программы поддержки местных инициатив (ППМИ) или партисипаторного бюджетирования (ПБ). В рамках ППМИ сельские жители разрабатывают проекты, которые проходят формализованный конкурсный отбор и реализуются на средства бюджетов субъектов РФ при обязательном софинансировании населения, местного бизнеса и муниципалитетов. В отдельных случаях (что прозвучало в после-

К.В. Авержиева
Семинар-конференция «Соучаствующее развитие» городов и сельских территорий

1. Фадеева О.П., Нефедкин В.И. (2018). «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане // Крестьяноведение. Том 3. № 3. С. 95-114.

довавших после доклада Н.В. Ворошилова выступлениях) к финансированию проектов подключается Всемирный банк. Партисипаторное бюджетирование реализуется всего в нескольких регионах. Этот механизм подразумевает создание комиссии из жителей, работавших свои проекты развития территорий. Комиссия следит за расходованием средств, привлеченных или выделенных местным бюджетом. Похожая на ПБ программа «Народный бюджет Вологодской области» реализуется с 2015 года.

В заключительной части доклада Ворошилов привел краткий обзор различных форм участия населения в местном самоуправлении (сельские старосты, сходы и собрания граждан, публичные слушания, опросы) и дал характеристику социальной активности жителей Вологодской области, опираясь на данные социологических опросов.

В докладе **Т.Г. Нефедовой** (ИГ РАН), **Н.В. Покровского** (НИУ ВШЭ) и **У.Г. Николаевой** (МГУ) рассматривалось участие горожан в развитии сельской местности Костромской области. Нефедова описала условия, в которых сложилась эта практика. Долговременная депопуляция сельских территорий, продолжительный негативный социальный отбор в сочетании с непростыми природными и институциональными условиями ведения хозяйства привели к социальной апатии сельских жителей, поэтому наибольшую заинтересованность в развитии сельских территорий сейчас стали проявлять горожане-дачники, проживающие в костромских селах лишь сезонно. Покровский рассказал об «Угорском проекте» — неформальном сообществе горожан (преимущественно москвичей, представителей научной и творческой интеллигенции), которое свыше 15 лет стремится улучшить условия жизни в д. Медведево и других населенных пунктах Мантуровского района Костромской области.

В рамках Угорского проекта ежегодно проходят научные конференции, которые привлекают в костромскую глубинку жителей многих городов. Участники конференций обмениваются опытом и получают редкую возможность посмотреть уклад сельской жизни, оценить опыт сохранения исчезающего культурного наследия. Все заседания проходят непосредственно в сельских домах, выкупленных участниками проекта и переоборудованных под современные нужды. При этом внешне дома остаются неизменными, поскольку важнейшая задача проекта — это сохранение культурного ландшафта и привлечение внимания к уходящей сельской культуре Ближнего Севера. Участники проекта выпустили несколько монографий², провели междисциплинарные научные исследования, пробовали участвовать в решении современных проблем д. Медве-

2. Ойкумена Ближнего Севера России (2016). М.: Университетская книга; Потенциал Ближнего Севера (2014): экономика, экология, сельские поселения / Под ред. Н.Е. Покровского и Т.Г. Нефедовой. М.: ООО Издательская группа Логос.

дево и всего Угорского (позже — укрупненного Леонтьевского сельского поселения).

Николаева рассказывала о попытках участников «Угорского проекта» сохранить Угорскую школу. Уберечь школу от «оптимизации» не смогли ни учителя, ни родители школьников, ни Угорский проект. Сейчас стоит вопрос о сохранении добротного кирпичного здания XIX века, в котором школа располагалась до ее закрытия в июне 2018 года. Любые попытки горожан получить здание, которое не хотят держать на балансе ни местные, ни муниципальные власти, в безвозмездное пользование, приводят к подозрениям в недобросовестности, поэтому идеи участников Угорского проекта о размещении в здании школы учреждения социальной реабилитации или иного негосударственного социального учреждения блокируются еще на уровне решения вопроса об эксплуатации здания. Вариант заброшенности и постепенного обрушения здания видится местным и муниципальным властям более удобным.

Доклад **И.Н. Волковой** (ИГ РАН) был посвящен анализу деятельности конкретного ТОС в Раменском районе Московской области. В отличие от ТОС в удаленных от столицы регионах, которые решают вопросы благоустройства территории и ее инфраструктурного наполнения, рассмотренный докладчиком ТОС, в первую очередь решает земельные конфликты, столь частые в любых агломерационных зонах. ТОС «Центральный» в г.п. Быково был создан более 10 лет назад, наиболее активная его работа началась в последние годы, когда территория детского дома, существующего в Быкове с 1953 года, была разделена, и на одной из частей началась подготовка площадки для строительства трех 17-этажных домов. В планы застройщика также входил снос и переселение жителей из индивидуальных домов. Учредитель ТОС — грамотный юрист смог привлечь квалифицированных специалистов и выявить нарушения при передаче земли потенциальному застройщику. После долгих судебных разбирательств жителям удалось отстоять парковую зону и жилую малоэтажную застройку, а ТОС продолжает проводить постоянный мониторинг земельных сделок на территории поселения и оказывать жителям Быкова консультационные услуги по земельным вопросам. Кроме такой нетривиальной деятельности ТОС «Центральный» реализует небольшие проекты, направленные на улучшение качества среды. В частности, его участникам удалось добиться от РЖД реконструкции наземного перехода через железнодорожные пути. Идет реализация проекта по благоустройству пруда. Пример данного ТОС можно считать редким или даже уникальным, поскольку без юридической подготовки учредителя и его профессиональных связей борьба жителей с коррумпированными представителями местной власти и застройщиками была бы безрезультатной.

В докладе **К.В. Аверкиевой** (ИГ РАН) был представлен обзор деятельности ТОС в Архангельской области — регионе, ставшем

одним из модельных для развития этого механизма «соучаствующего развития». Архангельская область — один из лидеров по количеству ТОС, но успешность такой практики объясняется не их количеством, а активным участием региональной власти в поддержке ТОС и распространении этой формы самоуправления. В регионе, в отличие от соседних областей, давно приняты региональные программы поддержки ТОС, в том числе тех, которые не имеют статуса юридического лица, а их — большинство. В Архангельской области ежегодно проводятся межмуниципальные семинары по обмену опытом создания и развития ТОС, региональные фестивали и конкурсы. Так, с 2011 года ТОСы Архангельской области реализовали свыше 2000 проектов, из областного бюджета на их реализацию привлекалось от 12 до 22 млн рублей. Детально деятельность ТОС докладчик рассмотрела на примере Каргопольского района, где уже 40 ТОС, некоторые — с 20-летней историей. Большинство реализованных каргопольскими ТОСами проектов — это детские и спортивные площадки, колодцы, пруды, отреставрированные часовни и музеи. Некоторые проекты были направлены на сохранение нематериального наследия — традиционных костюмов и ремесел.

ТОС существуют как дополнение к органам местного самоуправления, хотя в некоторых случаях на плечи ТОС ложится решение вопросов, находящихся в компетенции властей. Строительство и ремонт дорог, мостов, демонтаж пожароопасных объектов, ремонт жилых домов (а такие проекты тоже реализуются силами ТОС) — эти насущные вопросы по идее должны решать власти, а не инициативные жители. Подобная практика наводит на мысли о недееспособности местного самоуправления и девальвации этого института. Возникают подозрения, что инструмент ТОС призван выявить наиболее жизнеспособные сельские поселения, куда муниципальным и региональным властям приходится вкладывать деньги, в то время как территории, где ТОС не созданы, останутся неблагоустроенными, лишенными базовых ресурсов для развития. В то же время практика ТОС — большое благо, поскольку этот механизм познакомил сельских жителей с грантовой системой, и некоторые, наиболее активные, уже стали писать заявки в различные фонды. Кроме того, инструмент ТОС подразумевает реализацию работ руками самих жителей (деньги выделяются на проектные работы и материалы), а созданное своими руками люди ценят выше.

Доклад **А.А. Смирновой** (Тверской госуниверситет) был посвящен ППМИ в Тверской и Кировской областях. В Тверской области практика ППМИ при софинансировании Всемирным банком реализуется с 2013 года, за это время поддержку получили свыше 1000 проектов. ППМИ имел хорошую информационную поддержку, все проекты детально описаны на сайте, что позволило исследовать активность сельских жителей, выявить закономерности их территориального размещения. Так, наибольшее количество проектов было реализовано в районах, где районными центрами яв-

ляются наиболее крупные города, и в муниципальных районах, находящихся на трассе М10. Тематика большинства реализованных проектов совпадает с идеями представителей ТОС: благоустройство территорий и поддержание/создание объектов инфраструктуры, культура и туризм. Тверская область не является лидером среди регионов России по объему реализованных проектов и размеру привлеченных средств. Кировская область, с которой докладчик проводил сравнение, реализовала их почти в 1,5 раза больше, проекты в Кировской области более дорогостоящие, на них привлекаются большие внешние субсидии. Но в Тверской области выше процент сельских инициатив, а в Кировской инструментом ППМИ чаще пользуются малые города.

Ссылаясь на данные собственных полевых исследований, Смирнова говорила о неоднозначной оценке ППМИ как непосредственно сельскими жителями, так и исследователями. Зачастую проекты инициируют сельские власти или сельские депутаты («депутатство показать»), поскольку каждое сельское поселение и муниципалитет отчитываются региональным властям о количестве реализованных проектов. В итоге ППМИ становятся не инструментом консолидации сельских жителей, а дополнительным способом реализации прямых полномочий муниципалитетов. Много трудностей возникает с оформлением проектов и соблюдением всех норм отчетности. При этом респонденты признают, что ППМИ развивается в регионе из-за крайне скудных местных и муниципальных бюджетов, «от нашей бедности».

В рамках второй секции семинара-конференции обсуждались доклады, посвященные «соучастующему развитию» в городах.

Секцию открывал доклад коллектива «Проектной группы 8», представленного **Д.Е. Смирновым** и **Н.В. Снегиревой**. Оба докладчика — не отстраненные исследователи, а архитекторы, непосредственные участники городского планирования, основанного на вовлечении населения в разработку проектов территориального развития отдельных частей городов. Их деятельность началась с разработки программы «Активация» в Вологде в 2012 году, в рамках фестиваля «Дни архитектуры в Вологде» были разработаны и реализованы проекты пяти общественных пространств города. В процессе реализации к архитекторам (которые были жителями города) присоединились местные предприниматели, оказавшие спонсорскую помощь. Этот проект помог придать общественной огласку многим идеям авторского коллектива, в том числе — архитектурного активизма. При этом материального наследия от этих проектов не осталось. Хотя архитектурные формы были рассчитаны на долгий срок службы, но городские власти не смогли содержать объекты в надлежащем состоянии, а некоторые демонтировали, поскольку они мешали решению приоритетных задач.

Более удачный опыт вовлечения населения в управление территориальным развитием докладчики-архитекторы получили уже

в Казани, где в течение нескольких лет группа планировщиков вовлекала всех заинтересованных горожан в планирование преобразований городского лесопарка, по территории которого по проекту местного застройщика должна была пройти автомобильная дорога к новому жилому массиву, возводимому на территории бывшей промышленной зоны. Задача оказалась очень непростой, поскольку жители неохотно и осторожно подключались к непривычной для них деятельности, а городские власти не были готовы оказывать поддержку сомнительной инициативе. В течение нескольких лет шли общественные обсуждения, проект реализовывался в несколько этапов с учетом различных, иногда полярных мнений жителей. Итогом работы стала разработка проекта парка, который устроил местные власти и население, полузаброшенный лесопарк превратился в общественное пространство с различными функциональными зонами. Застройщик отказался от идеи строительства дороги, найдя иной вариант постройки подъездного пути к новому кварталу, привлекательность которого (соответственно, и цена квартир) выросла благодаря соседству с живым общественным пространством.

В докладе **Г.А. Пивовар** (МОУ «Сколково») и **М.С. Гунько** (ИГ РАН) рассматривались ресурсы и барьеры ревитализации городской среды на примере нескольких городов России. Исследование проводилось в рамках гранта Президента РФ «Стратегии и тактики территориального планирования в депопулирующих городах России» МК-4946.2018.6. Докладчиков вдохновил опыт города Коломны, где за 10 лет произошли поразительные изменения, инициированные и реализованные представителями местной интеллигенции и малого бизнеса. В своем исследовании докладчики стремились понять, почему нельзя распространить опыт Коломны на другие города России. В качестве ключей были выбраны города Боровичи (Нижегородская область), Выкса (Новгородская область) и Ростов (Ярославская область). Все рассмотренные города входят в перечень монопрофильных (что привлекает к ним внимание чиновников, в том числе — федеральных), а также могут быть отнесены к типу «сжимающихся», то есть теряющих население на протяжении длительного периода. При этом они имеют свои ресурсы и инструменты развития, в том числе — соучаствующего.

В случае Боровичей основные идеи преобразования городского пространства принадлежат местным предпринимателям, а не градообразующему предприятию. При этом завод огнеупоров — основной работодатель в городе — также участвует в создании городской инфраструктуры. На средства завода были построены ледовый дворец и аквапарк, которые привлекают в Боровичи жителей соседних муниципалитетов, но только с рекреационными целями. Насколько адекватны такие вложения в городе с нестабильным экономическим положением — непонятно, тем более что в случае передачи этих объектов на баланс муниципалитета им угрожает закрытие,

поскольку содержать их городу будет не по силам. Проекты местных предпринимателей более соразмерны Боровичам, они направлены на реконструкцию исторических зданий и создание новых общественных пространств в городе.

Опыт Выксы интересен тем, что в развитии города активно участвует градообразующее предприятие, поскольку комфортная среда и привлекательный образ города — залог наличия кадров, необходимых для развития завода. При этом руководство предприятия не всегда соотносит свои представления о городских благах и комфорте с чаяниями местных жителей, что порождает конфликты.

Наиболее спорный кейс — это Ростов. Город с богатейшим культурным и историческим наследием не может реализовать свой потенциал на протяжении нескольких десятков лет, оставаясь лишь небольшим транзитным пунктом на маршруте Золотого кольца. Как показали исследования Гунько и Пивовар, одной из важных причин стал многолетний кризис городского управления, поскольку главы города и команды городской администрации постоянно сменяются. В таких условиях решение насущных вопросов развития городской среды ложится на «уличкомов» (представителей уличных комитетов), которые являются посредниками между жителями города и муниципалитетом, но без поддержки малого бизнеса не могут ощутимо влиять на повышение комфортности городского пространства.

Доклад **Э.Ю. Минаевой** (Европейский университет и Социологический институт РАН, Санкт-Петербург) был посвящен такому инструменту городского планирования, как мастер-план. Докладчик обобщила опыт всех городов России (а их немногим больше 30), пытаясь определить, кто является основным заинтересованным лицом в разработке и реализации мастер-плана, от чего зависят возможности разработки такого документа, дополняющего стандартную градопланировочную документацию.

В докладе **Даниэлы Зупан** (НИУ ВШЭ) обобщались многолетние исследования, проведенные в рамках проекта «Shifting paradigms: towards participatory and effective urban planning in Germany, Russia and Ukraine» (Изменение парадигм: к совместному и эффективному градостроительству в Германии, России и Украине), поддержанного Фондом Фольксваген. Докладчик исследовала градостроительные инициативы в городах Бонн (Германия), Винница (Украина) и Пермь (Россия). В выступлении акцент был сделан на опыте западногерманского Бонна, где жители, узнав о решении потенциального застройщика полностью реконструировать и расселить целый квартал в исторической части города, начали активную борьбу против такого девелоперского решения. Борьба осложнялась тем, что мэр города уже подписал соглашение с инвестором, не уведомляя об этом горожан. Проведенные исследования, включавшие в себя анализ «конфликтных биографий» в Бонне, начиная с 1994 и до 2017 года, и интервью с городскими активистами и пред-

ставителями муниципалитета, позволили докладчику сделать два основных вывода.

Первый вывод состоит в том, что темпы эффективного развития городского пространства в последние годы замедляются, поскольку дефицит бюджетных средств (даже в Бонне!), зависимость от частных инвесторов и часто меняющиеся взгляды политиков не позволяют быстро принимать и реализовывать градостроительные инициативы. Второй вывод базируется на идее «статус-кво-общества», которая подразумевает наличие альянсов жителей, сопротивляющихся любым изменениям в городе. При этом городские активисты не всегда борются за справедливое или устойчивое развитие города, поэтому концепция «соучаствующего развития» видится докладчику неоднозначной.

В заключительном докладе **В.К. Смирновой** рассматривался опыт малого города с названием Эврика в штате Канзас, США, переживающего глубокий кризис в связи с резким снижением роли железнодорожных перевозок в экономике США, что лишило бывший железнодорожный узел ресурсов к развитию. За 30 лет город потерял почти половину населения. Студенты-архитекторы из университета в Канзасе проводили работу с жителями Эврики, стараясь наметить шаги по повышению комфортности городской среды и увеличению привлекательности города. От этого проекта выиграл не столько город Эврика, сколько университет Канзаса, поскольку интересная тема исследования и преобразования «сжимающегося города» (*shrinking city*) привлекла новых студентов. При этом власти штата выбрали свой путь ревитализации города, разместив в нем крупный торговый центр с сомнительной репутацией и проигнорировав все идеи студенческого проекта.

В рамках дискуссии и подведения итогов семинара участники говорили о необходимости включенности исследователей в жизнь изучаемых территорий, поскольку наблюдать за участием жителей в жизни городов и сельской местности со стороны — задача непростая, многие аспекты упускаются из вида. Интересным остается вопрос о степени институционализации «соучаствующего развития», поскольку местные инициативы могут реализовываться как при полном контроле муниципалитетов, так и в условиях противостояния жителей и местной власти.

Seminar-conference “Participatory Development of Cities and Rural Areas”

Kseniya Averkieva, PhD (Geography), Senior Researcher, Institute of Geography, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119017, Staromonetny Per., 29. E-mail: xsenics@yandex.ru

ТЕОРИЯ

Chayanov A.V. What is the Agrarian Question? №2

Letter of A.V. Chayanov to V.M. Molotov on the current state of agriculture in the USSR as compared with its pre-war state and with the situation in agriculture of capitalist countries (October 6, 1927) №3

Берелович А. Базиль Кербле — исследователь России №4

Гуревич О.Э., Кербле Б. «Благодарю Вас сердечно за то, что Вы извлекли из небытия труды и имя Александра Васильевича Чаянова» №4

Кербле Б. А.В. Чаянов. Эволюция аграрной мысли в России с 1908 до 1930 гг.: на перекрестке №4

Кузнецов И.А., Савинова Т.А. Базиль Кербле и Александр Чаянов: перекрести познания. Предисловие публикаторов №4

Кузнецов И.А., Савинова Т.А. Неизвестные и малоизвестные работы экономистов организационно-производственной школы. Предисловие публикаторов №1

Макаров Н.П. Прогресс или эволюция крестьянского хозяйства (по поводу книги Л.Н. Литошенко) №1

Рожанский М.Я. Сибирские узлы империи №2

Форбруг А. Не только о земле и о ее захватах: дисперсное лишение прав на землю в сельской России №3

Чаянов А.В. Аграрные догмы и фантазии. (По поводу взглядов А.А. Мануйлова и Л.Н. Литошенко на природу крестьянского хозяйства) №1

Чаянов А.В. В коллегию государственного института с.х. экономики №1

Чаянов А.В. Из области новых течений русской экономической мысли. (Труды «Высшей Семинарии с.-х. экономики и политики») №1

Чаянов А.В. История современного состояния науки об организации сельского хозяйства и таксации в СССР №1

Чаянов А.В. Современное состояние сельского хозяйства и сельскохозяйственной статистики в России №1

ИСТОРИЯ

Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Коммуны центрального Черноземья от «военного коммунизма» до коллективизации: замысел и реализация №4

Гордеева И.А. Отказы от военной службы и формирование пацифистского движения в России в конце XIX — начале XX века №4

- 206 *Кедров Н.Г.* Иван Семенович Кузнецов в контексте трех мифологий коллективизации №3
Круглый стол «Организационно-производственное направление российской аграрно-экономической мысли: история и современность» №1
Круглый стол, посвященный 100-летию со дня рождения академика Александра Александровича Никонова (1918–1995) №3
Крылатых Э.Н., Фролова Е.Ю. Александр Александрович Никонов: жизнь и вклад в науку №2
Морозов К.Н. Почему партии социалистов-революционеров не удалось реализовать свою демократическую альтернативу в 1917 году? №2

СОВРЕМЕННОСТЬ

- Nikulin A., Trotsuk I., Wegren S.* Ideology and philosophy of the successful regional development in contemporary Russia: The Belgorod case №1
Божков О.Б. Через 10 лет по старым адресам (Первые впечатления от экспедиции-2018 в Бокситогорский и Бабаевский районы) №3
Виноградская О.Я. Онтологические основания переезда горожан в деревню №4
Гатаулина Е.А. Вопросы совершенствования Всероссийской сельскохозяйственной переписи №4
Крылатых Э.Н., Лерман Ц., Строков А.С., Узун В.Я., Шагайда Н.И. Оценка структурных изменений в сельском хозяйстве: методические подходы и планируемые результаты. №2
Нефедова Т.Г. Современное крестьянское хозяйство в сельско-городской среде №1
Розовин Д.М. Ограничения и возможности сельского старения №2
Смолюкин А.А. Трансформации отношения к пожилым людям у мигрантов из сельской местности №4
Фадеева О.П. Штрихи к фермерскому проекту: алтайская палитра №1
Фадеева О.П., Нефедкин В.И. «Региональный дирижизм» и сельская самоорганизация в Татарстане №3

ИНТЕРВЬЮ С ИССЛЕДОВАТЕЛЕМ

- Савченко Е.С., Никулин А.М.* «Мы всю жизнь — первопроходцы» №2
Узун В.Я., Никулин А.М. «Я часто думал, что действительно полезного можно для крестьян сделать» №3

РЕЦЕНЗИИ

- Бабашкин В.В.* «...Жить единым человеческим общежитием», или Теория общины №2

Бабашкин В.В. Когда мысль изреченная есть правда, или Крестьяноведение Валерия Виноградского №1

Бабашкин В.В. Ретроспективы «неперспективных деревень» №3

Троцук И. Неформальные практики: иррациональное поведение или влияние культуры? Два контекстуальных «фрейма» для изучения неформальной экономики №4

Троцук И.В. Биологическое, социальное и моральное в объяснении логики истории, или Стоит ли искать крестьянина в современном мире №2

Троцук И.В. Сравнительный анализ как способ реконструкции мировой экономической истории, или Почему Китай не стал капиталистическим одновременно с Европой №3

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Аверкиева К.В. Вологодский Лад. IV всероссийские Беловские чтения №1

Аверкиева К.В. Семинар-конференция «Соучастствующее развитие городов и сельских территорий» №4

Акманов А.И., Зайтунов Р.Б., Даутов А.А. Об итогах XXXVI сессии Симпозиума по аграрной истории Восточной Европы №4

Горская А.О. Энциклопедия по модели «общего дела» №2

Куракин А.А. Китайско-российская конференция «Сельское возрождение» №2

Никулина Е.С. XV Международная научно-практическая конференция «Становление и развитие российской государственности и системы управления на Русском Севере в XVI — начале XXI века» №3

Толстов С.И., Усольцева О.В. В поисках утраченных смыслов №1
Юбилей Н.И. Шагайды

Крестьяноведение

2018. Том 3. № 4

Учредитель: Российская академия народного
хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

119571, Москва, пр-т Вернадского, 84, корп. 9, оф. 2003
Редакция журнала «Крестьяноведение»
<http://peasantstudies.ru>
E-mail: harmina@yandex.ru

Подписано в печать 19.12.2018. Формат 70×100/16.
Усл. печ. л. 14,7. Заказ № 1597.
Тираж 300 экз.

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии РАНХиГС

Издательский дом «Дело» РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
Коммерческий центр
тел. (495) 433-25-10, 433-25-02
delo@ranepa.ru
www.ranepa.ru

ISSN 2500-1809

РАНХиГС
РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ